

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

9
1969

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.

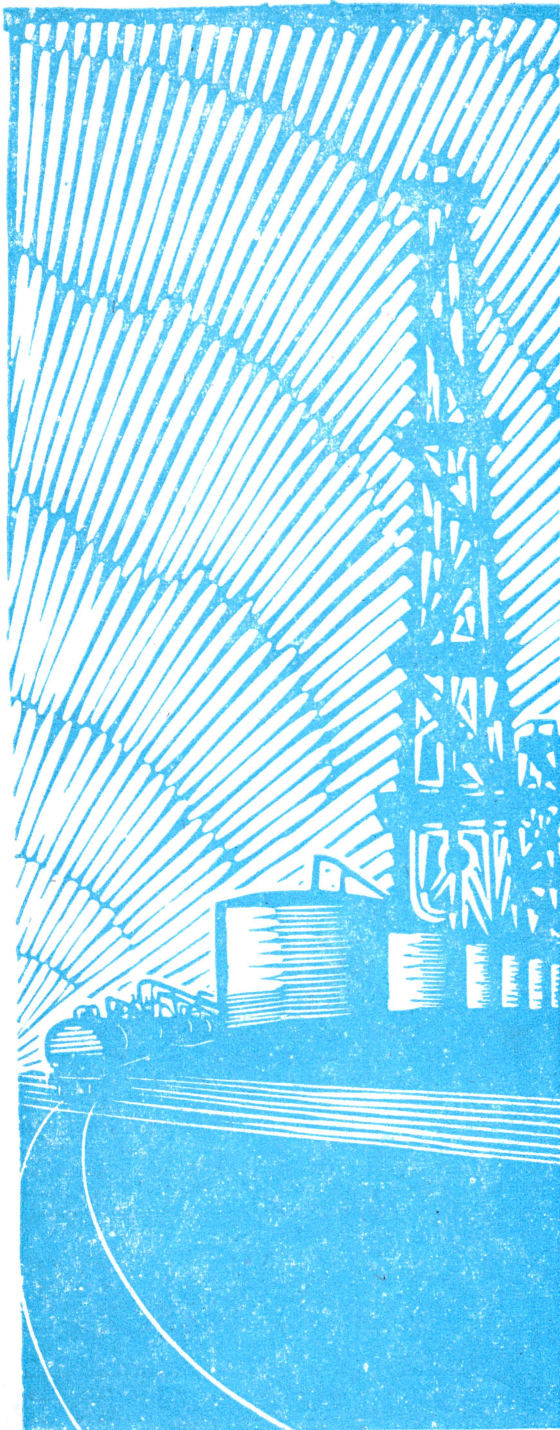
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания двенадцатый

9

1969

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ

С. ТРОИЦКИЙ

I.

Солнце только что оторвалось от горизонта, и пустыня была торжественно покрашена в красные тона. Над нефтеналивной эстакадой трепетали флаги, кумачовыми прямоугольниками адели транспаранты. Ветер плавно покачивал гофрированные наливные рукава. Сюда, к эстакаде, медленно, проверяя надежность лишь накануне уложенных путей, тепловоз подталкивал девять цистерн первого на Мангышлаке наливного эшелона. Наконец утреннюю тишину разорвал хриплый бас тепловозной сирены: состав подан! И сразу же зашевелилась, засуетилась Узень. Но торжества не получилось: дизеля не запустились, что-то не приварено, что-то не докручено...

Тем временем от утренней прохлады не осталось и воспоминаний. Пот катил струями, и пыль, смешавшись с ним, делала лица людей замшевыми. Монтажники нервничали, инженеры смотрели на требующих интервью репортеров с бешенством:

— Погодите, не до вас. Нефть!

Нефть! Ее ждали полдня. Не так легко оказалось пустить по трубам густую узеньскую нефть.

Цистерны раскалились. Вдруг крики:

— Пошла, пошла, пошла!

Как троекратное солдатское «ура» пронеслось это «пошла». Все кинулись к коллектору. Обжигая о трубу ладони, ждали, когда фыркнет, выплескиваясь в цистерну, нефть Мангышлака.

Наконец геологи, стоявшие на цистерне, поднимают вверх измазанные в нефти руки. Пошла!

Улыбки, блестящие глаза, оживленные лица...

В ночь на 11 июля первая нефть Мангышлака ушла на Гурьевский нефтеперерабатывающий завод. И не было ни одной станции, чтобы навстречу этому первому наливному эшелону не выходили строители. Эшелон шел по «зеленой улице», гудками благодаря и приветствуя строителей магистрали. Узень, Жетыбай, Ералиево, Мангышлак, Шетпе, Сай-Утес, Бейнеу, Опорная, Кулсары, Макат — эти поселки возникли в местах, где испокон веков летом безжалостно властвовали раскаленные пыльные бури, а зимой — снежные бураны. Во всей пустыне единственное поселение — форт, куда прежде ссылали солдат. В этом форту томился в свое время и опальный поэт Тарас Шевченко.

Мангышлак начинается с Усть-Урта. Спресованный из глины и камня, Усть-Урт вытянулся между Каспием и Аралом. Редкий человек не проникается страхом, когда видит перед собой мертвую, желто-серую пустыню, над которой

мерцает, дрожит огненное марево. Усть-Урт горит. Усть-Урт окутан огнем. Если ступить на его поверхность, он обдаст таким раскаленным воздухом, что, кажется, волосы начинают на голове тлеть. Не обрадуешься и ветерку: скользнет по лицу, как наждачная бумага. Ни обойти, ни объехать Усть-Урт, если путь лежит в Среднюю Азию или на Мангышлак.

Немало путников находило здесь свой конец, а кто выбирался живым, в самых страшных снах видели Усть-Урт.

Летом 1717 года через эту глиняную пустыню шел караван. Три тысячи русских солдат во главе с князем Бековичем-Черкасским. Ехавший с отрядом офицер Касаткин писал в одном из писем: «...а где мы, боже господи! На краю земных пределов. Кругом желто-песчаная пустыня, над головой раскаленные небеса.

Ах, сколько перетерпели! Шли полтора месяца, были голодны, томились неизобразимо жарой. Что за лютая, убийством дышащая страна!»

И вот на этом богом проклятом Усть-Урте должна была вырасти большая станция Сай-Утес.

2.

Дорога Макат — Мангышлак не сразу нашла свое русло. Утвердили лишь четвертый вариант. Теперь можно было составлять рабочие чертежи. В пустыню ушли комплексные экспедиции. Геологи, связисты, строители. Специалистов по искусственным сооружениям — мостам, виадукам, водопропускным трубам — интересовало, сколько выпадает в районе будущей дороги осадков и куда они стекают? Какая почва на пути движения водяных потоков? Если песок, то вода быстро уходит в почву, а если глина? Попробуй определить количество осадков, если их каждый год выпадает по-разному? При расчетах наибольшим может оказаться одно, построят дорогу, выпадет больше осадков, и насыпь размочит потоком, который не сможет пройти через трубы. И, конечно же, надо знать, на каком грунте будет лежать труба, не провалится ли. Какая насыпь ляжет на нее, сколько пройдет поездов. Словом, для проектирования самой безобидной трубы нужно очень много исходных данных.

В местах обжитых, исследованных данные получить нетрудно. Восточный Прикаспий оказался не таким. Во всем огромном районе лишь две небольшие метеостанции, которые изыскателям могли сообщить лишь самые общие сведения о температуре, ветрах и дождях. А изыскателям нужна была точная цифра самого большого количества осадков за последние сто лет. Таких сведений вообще не было, как не было карт нужного масштаба, на которых были бы обозначены лога, низины, чтобы знать, куда уходят воды. Даже примитивный метод опроса старожилых был неприемлем — их просто-напросто не оказалось. Первыми «старожилами» стали сами проектировщики, палатки которых расползлись по всей трассе.

Самым трудным «орешком» для проектировщиков стал Сай-Утес. И все из-за этих водопропускных труб. Считалось, что весной на Сай-Утесе бивают селевые потоки, с грязью, камнями. Это требовало труб особой, усложненной конструкции.

Проектировщики обследовали район. Двигались медленно, по двести-триста метров в день. С приятным удивлением обнаружили, что только четыре потока слабоселевые, остальные нормальные. Облегчалось проектирование, строительство. Зато выяснили, что воды агрессивные и требует специальный бетон, а давление высокой насыпи настолько сильное, что обычные кольца не выдержат. Нужны специальные. Проектировщики из-за сложности рельефа район Сай-Утеса приравнивали к горному, но пятьдесят две трубы только на спуске в двенадцать километров — такое редко встретишь даже в горах.

Вслед за проектировщиками на Сай-Утес пришли взрывники. Для взрывников должны были построить несколько щитовых домиков. Собрать домики поручили ребятам из 66-й мехколонны, которая в то время отсыпала железнодорожную насыпь от берега Каспийского моря в сторону Сай-Утеса.

3.

В конце 1962 года в этихдомиках поселился мастер взрывников Василий Васильевич Толмачев со своими ребятами. Василий Васильевич начал готовить взрыв. Не так это просто. Один взрыв могут готовить несколько месяцев, иногда полгода.

На Сай-Утесе готовились рвать край Усть-Урта, там, где обрывается он отвесной стеной.

Триста тонн аммонита должны были сделать спуск с Усть-Урта более пологим. Триста — это только для одного взрыва, а таких предполагалось несколько.

В Макате на самом дальнем пути стояли вагоны с яркими надписями «осторожно». В вагонах — взрывчатка. Ее погрузили на машины. Машины осторожно двинулись в Сай-Утес, но обманчивые мангышлакские дороги увели колонну в сторону Кунграда.

Пропала взрывчатка — целых пятнадцать машин. Прораб Евгений Константинович Аншин бросил на поиски две оставшиеся машины: водозовку и бензовоз. На поиски вылетел самолет. Когда машины нашли, шоферы допивали последнюю воду из радиаторов.

Тогда решили попробовать авиацию, и из форта Шевченко поднялись в воздух два самолета. На борту — взрывчатка. Летчики долетели до Сай-Утеса. Опустились ниже, присматривали место для посадки.

«Попробуем здесь», — решил командир самолета. Колеса готовы коснуться земли, но вдруг по курсу посадки оказалась яма. Быстрое движение штурвалом, и машина резко уходит вверх.

НА КАРТЕ

Опять круги, круги, еще снижение. Наконец самолет сел, за ним второй. Ящики выгружены. Можно в воздух. Но не тут-то было: колеса увязли в солончаках по ступицу. Машина засела, не может сдвинуться с места. Тогда второй самолет превращается в буксировщика, а летчики — в обыкновенных шоферов.

Долго пришлось им гонять машины по пустыне, пока нашлась твердая площадка.

Так возили в Сай-Утес взрывчатку.

А буровые станки спускали в ущелье трактором на тросах. Бурить нужно было до глубины в шестнадцать метров, а в ущелье дикий ветер, снег пополам с песком.

В декабре 1962 года прогремел первый взрыв в Сай-Утесе.

Трасса начала расчищаться.

Но строителям надо было где-то жить. И тогда в Сай-Утес в самый разгар бешеных февральских буранов была отправлена колонна автомашин с деталями сборных щитовых домов.

4.

Еще не рассвело, видны были вылетающие из глушителей искры, когда семь машин с деталями домов ушли в темноту. В Сай-Утес, пока обозначенный колышком. До него триста километров пустыни. Шоферы остановили машины лишь к вечеру.

— Сай-Утес здесь. Вот и пикет.

Постояли, осмотрелись. Дикое мрачное уще-

лье, а чуть поодаль от него — пышный могильный склеп. Этот склеп появился в восемнадцатом веке. Как и сейчас, над прикаспийской пустыней висело раскаленное солнце. Измученная и пересошенная земля. Казалось, какое-то проклятие обрушилось на этот край. Год от года уходило дальше море, суше становилась земля. Какой смельчак придет добровольно в эти места? Но дважды в год пустыня наполнялась движением и шумом. Скрипели колеса кибиток, гикали всадники, перегоняя через каменистое плато Усть-Урт, через скалы, пески стада баранов. Туркмены гнали скот. Верблюды тащили на себе пищу, воду, свернутые юрты. Оживала пустыня весной, когда кочевники двигались на лето к Оренбургу. Во второй раз покой пустыни нарушался осенью. Кочевники возвращались на Мангышлак.

Неожиданно на Мангышлак пришли казаки-адаевцы. Они также пасли стада, ездили на коротконогих лошадях и жили в кибитках. В пустыне, ранее такой бескрайней, стало тесно. Пришельцы оказались воинственными. Налетали внезапно, убивали без пощады, угоняли стада. Туркмены сопротивлялись. Шла настоящая война. Один из адаевцев — Утэс — превратил разбой в свое основное занятие. Поселился как раз там, где обрывается Усть-Урт. Утэс был свиреп, а место выбрал не случайно. В ущельях, среди скал, легко было устроить засаду.

Пробовали выследить и убить адаевца, но в ущельях оставались лишь трупы смельчаков.

Адаевцы и туркмены стали называть это место именем убийцы. Одни произносили его с

гордостью, вторые — с ужасом. Отчаявшиеся туркмены решили: умрем, но врага убьем. Несколько смельчаков-туркменов поклялись отомстить за свой народ. Днями ползали по расщелинам, прятались за камни, прислушивались к вою ветра. И, наконец, нашли.

Только недолго наслаждались туркмены победой. Адаевцы отомстили за своего героя, собрали останки его тела и захоронили в пышном склепе с большим куполом, изобразив на стенах его лошадь, ружье, саблю. Позднее вокруг утэсовского склепа образовалось целое кладбище.

Туркмены были навсегда изгнаны, адаевцы стали единственными хозяевами пустыни, примыкающей к восточному побережью Каспия. Из поколения в поколение передавались рассказы об Утэсе, и за местом, где жил и воевал Утэс, навсегда сохранилось его имя. Но пришли строители, и Утэса переделали в Утэса. Так на картах появился Сай-Утес.

5.

— Ну что, посмотрелись? — спросил Дмитрий Желябов, строймастер и старший группы. — Поехали дальше?

Поехали к взрывникам. Пожить у них несколько дней, пока привезут вагончики.

Гостям обрадовались. Накормили, засыпали вопросами, как там на «большой земле»? Под жилище отдали магазин. Извинялись, что боль-

ше негде. Уставшие с дороги «горемовцы»¹ обрадовались и этому.

Через несколько дней в Сай-Утес притащили вагончик. В магазине собрали совещание. Дмитрий Желябов спросил:

— Кто, братва, на новоселье?

«Братва» замялась.

— Кладбище не внушает доверия, — протянул кто-то из-за прилавка.

— Мертвецов испугались? — съехидничал Дмитрий. — Все боитесь?

— Давай я, — отозвался Андрей Баран.

Поехали вдвоем, третьим шофер. Взяли воду для котла, уголь, дрова, хлеб. Вагон отыскали в темноте. Пока тарахтел двигатель и брызгали светом фары, чувствовали себя хорошо. Когда все смолкло и потухло, стало немножко жутко. Перед тем, как войти в вагончик, Дмитрий с шофером постояли. Большие склепы с круглыми куполами темнели на фоне черно-фиолетового неба. Подрагивали звезды. До земли, казалось, доносился их тихий звон. Но на самом деле это звенел и стонал в ущелье ветер. Совсем нехстати шофер вспомнил рассказы о здешних волках. А в вагончике дышала жаром печка. Дмитрий предложил:

— Проверим, есть ли волки.

Положили на камень кусок хлеба. Покрепче заперлись. Улеглись.

Сверкало, искрилось снежное покрывало

¹ «Горем» — головной ремонтно-восстановительный поезд.

пустыни. Солнце разбивалось об него на миллионы блестящих капелек. Дмитрий вышел из вагончика, зажурился. Хлеб остался нетронутым. Дмитрий вернулся, стаял с полки Андрея и закидал его тяжелыми, липкими снежками. Хорошо было в это первое утро на Сай-Утесе!

К обеду подъехала бригада. Сразу же побежали смотреть кладбище. На стенках склепов — лошади, бараны, сабли, чайная посуда. Словом, изображено все, что сопутствовало знатным казахам в жизни. Всех заинтересовали арабские надписи. Вдруг кто-то удивленно крикнул:

— Ребята! Гляньте!

И стал счищать со стены иней. На ней корявыми буквами было выцарапано: «Отряд Уральской армии Заскульников 23 III. 1920 года. Аму Дарьинский отряд. Брали воду съ боя».

Как перед картиной, уводящей в иные миры, стояли перед этой надписью. Представили бойцов в буденовках. Смертельные схватки. Свист пуль. И жару — изнуряющую, отбирающую последние силы. Как, наверное, мечтали они о воде!

Кто знает, может быть, из-за этих склепов следили за приближающимся отрядом враги, отсюда прогремели первые залпы. Наверное, это был нелегкий бой. И кто-то погиб, так и не прикоснувшись к воде, а после кто-то из солдат острием штыка оставил эту надпись, чтобы помнили люди...

На первой летучке Дмитрий дал задание:

— Грише Липскому на водовозе найти колодец, Андрей Баран едет за камнем для фундаментов. Остальным строить кухню. Потом установим электростанцию. Дрова и уголь придется экономить.

Проглотив завтрак и бросив поварихе «спасибо», Гриша Липский около часу провозился с машиной, потом поехал искать колодец. Район примерно знал.

Гриша долго ездил по обрывистому краю Усть-Урта. И долго бы искал, не попадись на встречу казах.

— Эй, аксакал! Где найти воду?

Аксакал смотрел непонимающе.

— Вода, — говорю. — Гриша показал руками, будто пьет. Аксакал сообразил. Поманил Гришу и показал на дно ущелья. Гриша спустился. Действительно, там оказался закрытый каменной плитой колодец. Вода поблескивала не очень глубоко и казалась чистой. Шофер стал прикидывать, как подогнать машину. Есть одно сравнительно подходящее место, но справа и слева зияют пропасти. Спуск покрыт снегом. Легко соскользнуть, и тогда ущелье разделает машину не хуже, чем база Вторчермета. Гриша рискнул. Рискнул — и привез на стан воду.

За водой ездили часто. Всякий раз при спуске Гриша побаивался. Особенно трудно было подниматься. Спуск обледенел.

В тот раз поехали за водой втроем. Гриша, Андрей Баран, Вася Мацук. Тяжело, метр за метром, карабкался вверх машина. Где-то на середине подъема чихнул два раза мотор, машина дернулась, замолкла и медленно поползла назад. Гриша нажал на педаль тормоза, машина продолжала пятиться. Ее потащило влево, вправо, быстрее и быстрее. Баран открыл дверцу и вывалился: Ударило о камни раз, другой, закувыркался по склону, пока не схватился за выступ. Поднял голову — рядом с ним лежал Вася Мацук.

А машина летела вниз. Гриша лихорадочно вышиб дверку, выглянул назад: скоро поворот. Если не сумеет повернуть, то вылетит в ущелье. Инстинктивно, доверяясь какому-то шестому чувству, вывернул он руль, машина отвернула от пропасти. Снова с силой нажал на тормоз. Визг, скрежет. Остановился. Только булькала встревоженно вода в цистерне. Подбежали Андрей и Вася. Гриша удивленно посмотрел на них, на свои руки, на пропасть:

— Вот черт, так и костей не соберешь.

Посмотрели в пропасть все трое. И почувствовали, как по спине поползли мурашки.

6.

На строительной площадке росла гора камней. Наступил день закладки первого дома.

Желябов нашел колышек, отсчитал сто сорог шагов, протоптал границы дома. Бригада стала расчищать снег. Под первый камень по традиции решили положить монету. Стали рыться в карманах. Каждый развел руками:

— Нет монеты.

Пришлось без монеты.

Ветер рвал щиты из рук, опрокидывал на снег. Он дул все сильнее и без перерыва. Солнце почти не пробивалось сквозь размазанные темные облака. Пустыня помрачнела. Ребята затосковали. Тоску глушили работой — от рассвета до заката. А вечером забивали «козла». И вдруг, когда ребята уже потеряли надежду, из Кулсаров пробилась машина. Привезли хлеб, продукты, последние новости. Полегчало на сердце, веселее застучали молотки. Не знали еще ребята, как вовремя пришла эта машина.

...Первым от холода проснулся Михаил Бородько. Долго ничего не мог понять. Вагон трясло. За стеной — страшный вой. Михаил зарылся в одеяло, но так и не заснул. Слышал, как на полках завозились ребята. С рассветом первым встал Желябов. Попробовал выйти из вагона. В лицо ударил снежный вихрь, ветер так шибанул дверь, что чуть не сломал Дмитрию руку.

— Плохо дело. Кошмар какой-то, — вернулся озабоченный Желябов.

Выяснилось, что у многих матрацы примерзли к стенке. Печка раскалилась докрасна, но тепла не было. Сидели в шубах, не зная, что делать. Вагон трясло, как будто ехали по бульжникам.

Тех, кто все-таки выходил на улицу, захлестывало колючим снегом, сбивало с ног.

На вторые сутки кончился бензин, остановилась электростанция. А метель, как и раньше, скребла по железным стенкам вагона.

Еще день пурги. Кончилась вода. Несколько ведер угля — весь запас топлива. Докуривали последние папиросы.

Как и все, Дмитрий сначала думал, что пурга кончится быстро, и не особенно волновался. Но этой ночью он не смог заснуть. От стены так несло холодом, что все время приходилось поворачиваться то боком, то спиной. В вое метели чудился голос: «Пропадете, замерзнете. Зимой люди никогда не жили на Усть-Урте. Кочевники бежали отсюда. Веками никто не осмеливался испытывать на себе его дикого нрава».

— Только без паники. Лучше прикинем, что можно сделать, — убеждал Дмитрий ребят. — Нужна вода, жратва и топливо. Валя, что осталось из продуктов?

Повариха Валя Мацук не обрадовалась:

— Трошки пшена, соли почти нема, хлеб вись зыли, трошки сухарей осталось.

— С дровами обойдемся. В лощине есть саксаул. В крайнем случае будем ломать дом. Хуже с водой. Врачи в Кулсарах запретили топить снег — грязный. А до колодца не доедешь.

— Ай-ай-ай, — перебил Жакен Сысенов, — помнил я, колодец есть рядом, три километра. Аксакал показывал. Вода там мутный, вонючий. Раз такой дело, пить можно.

Утром Андрей Баран принес лист железа. Сделал из него противень. Привязал веревку. На «сани» поставили бидон и котел. Андрей шел впереди, перекинув веревку через плечо. Жакен толкал «сани» сзади. Ветер обжигал стужей, швырял в лицо хлопья снега. Сердце от напряжения билось где-то под горлом. Шли согнувшись — так было легче. Снег выше колен, в низинах тонули по пояс. Они ползли по сугробам, и их следы моментально стирало ветром.

Вернувшись, Баран посмотрел на часы и не поверил. Толкнул соседа:

— Сколько на твоих?

Оказалось столько же. Ходили за водой шесть часов. И это три километра! Проголодались и устали до дрожи в коленях, а повариха поставила на стол пшеничную кашу без соли и масла. Выдала по сухарю.

На пятый день пурга притихла. Ребята повеселились.

— Конец, Дима! — Степан обхватил Желябов. — Давай поборемся, а, Дима?

— Пошли лучше за саксаулом.

Принесли по большой охапке. И опять, словно кто-то нажал кнопку, взвыла пурга, поднимая с земли тучи снега.

Продукты кончились. Даже пшено. Лица у ребят посерели, скулы заострились, ввалились глаза. Желябов предложил рискованный, но единственный выход — сходить к взрывникам. А до взрывников двадцать километров.

Чуть стихло, из вагона вышли Владимир Дононов и Николай Мезенин.

— Коля, а не заблудимся?

— Не должны, до скал бы дойти, а там по лощине легче...

Через день они вернулись. Бросили на стол мешок и свалились спать. В мешке оказались колбаса, хлеб, соль, консервы.

— На пару дней хватит.

Прошли и эти два дня, и опять нависла угроза голода.

7.

На перевалочной базе в Кулсарах волновались. Уже несколько дней с Сай-Утесом не было связи. Машина с продуктами вернулась. Шофер рассказывал: за Бейнеу пурга, какой он никогда не видел.

В вагончик к Еремину ворвалась женщина и, не дав ему опомниться, выпалила:

— Куда зятя моего заслали? Может, в живых уж нет! Бюрократы! Сидите тут, а там люди гибнут. Я в райком поеду.

Женщина была права. Как только в «Гореме» от шоферов узнали о пурге, Еремин снял телефонную трубку:

— Срочно Макат. Управление.

Макат дали тотчас.

— У нас беда. Пурга на Сай-Утесе, — доложил по-военному Еремин.

— Знаем, Михаил Сергеевич. Продукты у них есть?

— Мало, посылали машину, но она вернулась.

— Ясно. Ждите, пришлем самолет. И немедленно отправьте колонну машин. Надо пробиться. Взбунтовавшаяся теща еще не ушла из кабинета Еремина, когда над Кулсарами загудел самолет.

— Слышите? Идите домой, не замерзнет ваш зять.

Самолет быстро загрузили мешками с продуктами, и он взлетел. Летчик настроил радию на Гурьев:

— Прощу вылет на Сай-Утес...

Гурьев долго не отвечал, потом в наушниках прохрипело:

— На Усть-Урте нелетная погода. Вылет запрещаем.

Но летчик был настойчивым.

— Прощу вылет на Сай-Утес, там люди.

Самолет делал уже третий круг над Кулсарами. На земле за ним следили с тревогой. Знали: летчик запрашивает аэродром. Если не добьется разрешения — плохо дело. Наконец, машина пошла на Сай-Утес. От Кульсаров до Сай-Утеса триста километров. Половина пути — в облаках. Полет разрешили под личную ответственность командира самолета.

А через час на Сай-Утес вышли семь машин. Колонну вел главный инженер «Горема» Владимир Анатольевич Печеркин.

Самолет, долетев до Усть-Урта, врезался в снежные облака. Его качало, швыряло так, что командир самолета был вынужден повернуть и сесть в Бейнеу.

Через двое суток в Бейнеу пришел Печеркин.

— Дайте трактор или тягач, сели.

Трактор послали немедленно.

Шоферы, перекидавшие за двое суток десятки кубометров снега, были угрюмы. В другое время все к черту бросили бы, уехали назад. Но кто знает, каково ребятам на Сай-Утесе! И они продолжали откапывать машины.

Самым неудачным был третий день. Четыре машины пришлось оставить в Бейнеу. Дальше пробивались на трех. Уперлись в сору, попытались объехать стороной по буграм, а в них оказались сусликовые норы. Машина Федора Купатенко первая уткнулась в землю носом, за ней — печеркинская.

Однако ребятам все же повезло. Неожиданно из пурги вынырнули три вездехода. Взяли машины «горемовцев» на буксиры и тащили их километров тридцать. Потом свернули в сторону, но до Сай-Утеса оставалось немного.

Балагур Станислав Бочинский веселил сам себя и Печеркина, копируя Райкина:

— Пеед вами кайтина Суикова «Пееход Сувоева чеез Айпы». Сойдаты-патриоты спускались на чем? На всем...

И вдруг в разрывах пурги увидел вагончик. Ура-а!

Строители тоже заметили машины, бросились навстречу.

Печеркин первым выскочил из машины. Он нес в руках какой-то красный ящик. После объ-

¹ Сора — солончаковая пустыня.

ятий и поцелуев Печеркин сказал:

— Прошу проголосовать. Строительный гарнизон Сай-Утеса проголосовал в полном составе.

Ветер успокоился только через неделю. В мае на Сай-Утесе стояло уже десять домов. Теперь можно было подумать и о трубах.

8.

Лубянов, новый начальник участка, до Сай-Утеса добрался на самолете. В курс дела его вводили в воздухе.

— Что такое Сай-Утес? Несколько домиков, которые построила бригада строймастера Желябова. Недавно подвезли вагончики, поставили палатки...

— А трубы?

— Пока не до них. Главное сейчас — как можно быстрее благоустроить поселок. Потом начинать основную работу. Подвозить и укладывать трубы.

Лубянов знал: на всей шестисоткилометровой трассе от Маката до Шевченко сейчас разбросаны сотни строительных отрядов, десятки строительномонтажных поездов, путеукладчиков и мостопоездов. По всей трассе, разбитой на участки, трудятся тысячи людей, приближая тот день, когда по новой железной дороге пройдет первый эшелон с мангышлакской нефтью. Но знал также Лубянов, что нет на всей трассе более сложного и более трудного участка, чем Сай-Утес. И сама дорога, которую с таким нетерпением ждут нефтяники, открывшие на Мангышлаке богатейшие запасы «черного золота», сомкнется именно здесь, на гористом плато Усть-Урт. Лубянов видел карту будущего Мангышлака — она вся была утыкана частоклоном нефтяных вышек. Нефть, главное богатство этого дикого и пустынного края, должна вдохнуть в него жизнь. Нефть и железная дорога.

— Если на трассе самый трудный участок Сай-Утес, то это потому, что насыпь там придется класть на трубах. Почти полсотни труб только на спуске! А каждую нужно привезти за двести километров, уложить... Если хочешь знать правду, Василий Григорьевич, твои трубы — «орешек» всей стройки. Уложишься с ними в срок — досрочно сдадим дорогу. Не сумеешь завести в Сай-Утес трубы до распутицы — дорогу не пустим. Будем ждать три-четыре месяца, пока просохнет степь. Ты там будешь главным, придется заниматься всем, но вся твоя деятельность должна быть подчинена одному: завести и уложить в срок трубы.

Знакомство с Сай-Утесом было коротко. Обо-

шли домики, палатки, вагончики, поговорили с людьми и опять в самолет.

— Летим в Шетпе. Там тебе отдадим железобетонный полигон.

Шетпе Лубянову понравилось больше. Добротные бараки, магазин, хорошая вода. Но мастер Иван Павлович Касьяненко сразу засыпал просьбами, требованиями: «Нет балласта, нет цемента». И еще миллион «нет».

С этих бесконечных «нет» и начал работу на новой стройке прораб Лубянов. Он поселился в недостроенном доме, в котором свободно гуляли сквозняки. В первый же день ему не досталось воды. Трактор тащил водовозку мимо домов. Люди выносили ведра, тазы. К дому прораба машина подъехала пустая. Обидно звякнуло пустое ведро, и Василий Григорьевич пошел занимать воду к соседу.

Немолод уже Василий Лубянов. И жизнь свою прожил не на задворках и не под тихой сенью яблоневых садов. Сапер в войну, одним из первых получивший в дивизии орден Красной

Звезды, строитель в мирной жизни, прокладывавший дороги в тайге и на целине, в песках и горах. Опыта было достаточно. В первые же дни он выделил для себя главные направления в работе:

Первое — продовольствие.

Второе — вода.

Третье — электроэнергия...

И лишь седьмое — начало работы в ущелье.

Первое, второе, третье — все это делалось одновременно. Затрудняло одно: не было связи ни с управлением поезда, ни с управлением стройки. Передавали записки с машинами и самолетами. А жить и строить надо. Строительство труб на Сай-Утесе становилось задачей «номер один».

Но не думал прораб Лубянов, что отвечать ему придется не за трубы, а за хлеб.

Началось все с торжества: в Сай-Утесе пустили печурно. Все население собралось вокруг домика, из трубы которого валил вкусный дымок. Пекарь вынес несколько булок хлеба. Свежих, горячих, своих... Булки пошли по кругу, обжигали руки. Лубянов прикоснулся к хлебу грубой ладонью:

— Дышит!

И пустыня показалась не такой удручающе серой, а золотистой, как корочка сай-утесовского хлеба. Здесь же у пекарни образовалось нечто похожее на митинг. Оказавшийся при этом начальник строительства взял в руки булку и сказал, быть может, самую короткую в своей жизни речь:

— В пустыне свой хлеб. Его возили вам за пятьсот километров. Теперь — свой. Здорово! Я возьму эту булку, покажу в Макате.

И вдруг пекарня стала. Лубянов бросил все дела — и в пекарню. Отказал компрессор, починить нельзя. А без сжатого воздуха пекарня работать не сможет. Но и оставить людей без хлеба тоже нельзя. В раздумье шел от пекарни. Навстречу «ЗИЛ». Лубянов встряхнулся, поднял руку. «ЗИЛ» зашипел тормозами.

— Давай сюда, — Василий Григорьевич вскочил на подножку, — вон к тому домику, к пекарне.

Шофер, взятый так стремительно в оборот, опешил, поехал в указанном направлении.

— Хорош. Давай шланг компрессора.

Шланг протянулся от компрессора машины к форсункам пекарни.

— Долго это, начальник? — умоляюще спросил шофер.

— Испечем, поедешь. Есть у меня специальное разрешение задерживать проходящие машины.

Так повторялось несколько раз, пока не исправили компрессор.

Приходилось бывать прорабу и экспедитором.

Стан мостопоезда № 412 находился в ущелье. Зимой, когда неделями бушевала метель, ни одна машина не могла подняться в поселок, мостопоездовцы сидели без хлеба. И вдруг гул трактора. Удивленные строители выглянули из вагончиков. Из трактора вылезал Лубянов с мешком.

Человек несведущий может удивиться: разве это главное? Ведь задача номер один — трубы.

Лубянов это тоже знал. И еще знал, что не могут люди оставаться голодными, знал, что трубы начинаются с хлеба.

9.

По старому казахскому календарю каждый год имеет свое название: жилан — змея, кой — баран, туак — курица. Всего двенадцать названий.

Заяц по-казахски — «коян». Этим именем называлась зима 1963—1964 года. Именно этой зимой строители готовили большое наступление в районе Сай-Утеса. И именно здесь решалась судьба всей девятистоткилометровой трассы.

Сай-Утес — место, где дорога круто спускается с плато Усть-Урт на Мангышлак. Только на спуске требовалось уложить в насыпь около пятидесяти труб из железобетонных блоков. На юге блоки изготовляли на станции Шетпе. На севере, в Бейнеу, куда успели уже проложить железнодорожные пути, получали готовые. Сай-Утес как раз посередине — до той и до другой станции расстояние по двести километров.

Шоферы готовились к перевозкам блоков основательно. На краю временного поселка будущей станции Сай-Утес поставили пару вагончиков — штаб и гостиница водителей. Ударный отряд сформировали из шоферов 1-й и 2-й автоколонн, находящихся в Макате и Кулсарах. Только от шоферов теперь зависело, сумеют ли строители выполнить свои обязательства — соединить железную дорогу раньше установленного срока.

...Автомеханик Виктор Тихонович Буденный смотрит на часы — четыре утра. Снова ставит на печку ведро с чаем: может, подъедут?

На Усть-Урте пурга. В который раз за последние дни! Вдруг механик услышал гул моторов. Первоначально робкий, теряющийся в вое метели. И вот уже ребята один за другим вваливаются в вагончик. Озябшие, давно не бритые лица покрыты инеем, словно белым мехом. Они шумно ругают погоду, спрашивают, кто уже вернулся.

— Почти все, — отвечает Тихонич. — Булганина с Попучиевым нет. Подождем до обеда, не подъедут — будем искать.

Гена Булганин появился лишь к полудню. Весь в снегу, на одной ноге одет валенок, на другой — сапог.

— Ты где это такую обновку приобрел?

Геннадий не ответил. Упал на табуретку, морщась, стащил сапог, размотал портянку. Нога черная, распухая. Ребята ахнули:

— Где это тебя так?

Булганин рассказал коротко, зло.

Автокран загрузил блоком последнюю, одиннадцатую машину. Кто-то из шоферов крикнул: «Пошел!» Булганин рванул с места, и колонна понеслась.

— Жми, пока можно, — подбадривали себя шоферы.

Геннадий не любил строить никаких планов, но сегодня слишком прозрачно небо, накатана дорога, и он сказал себе: «Часиков в одиннадцать буду в Сай-Утесе. Наконец отосплюсь». В зеркало видна идущая следом машина Андрея Попучиева. Километры бегут, их бойко отсчитывает спидометр, настрояние отличное.

А небо, между тем, заволочло облаками: тяжелыми, низкими. Увлечшись ездой, Булганин заметил их тогда, когда пустыня стала совсем темной. «Б-а-а, — присвистнул Геннадий, — вот те и «часиков в одиннадцать!» Прожив в пустыне не один день, он знал: быть пурге. А пока ее

нет — надо прибавить ходу. Одиннадцать машин летели по снежной равнине, потряхивая кузовами.

Белым туманом поползла по земле поземка, с каждой минутой поднималась все выше. «Дворники» не успевали раскидывать хлопья снега. Сквозь очищенные ими секторы видна только бурлящая белая стена. Колею тут же заметает. Время от времени приходится выглядывать из кабины — смотреть, все ли идут.

Геннадий с Андреем по очереди пробивают дорогу, выбирая направление наугад. Вскоре в снежной кисее обозначились темные пятна вагончиков мехколонны. Рядом с ними уже стояло с полдюжины машин. «Не одни мы влипли», — подумал Булганин. Действительно, вагончики забиты шоферами. Они сидят и лежат даже на полу. Хозяева разводят руками: «Рады, да сами видите...» Однако люди в вагончиках сдвигаются — те, кто лежал, встали, чтобы освободить место товарищам. И все-таки одиннадцать приезжих не могли разместиться. Геннадий мнет рукавицы, потом открывает дверь:

— Я поеду.

Вместе с ним уходит Попучиев. Они опять двигаются наугад. Но вот машину занесло чуть в сторону, и она осела, буксует.

Булганин вынимает из-за спинки сиденья лопату. Пригибаясь от ветра, подходит с лопатой Попучиев. Крошат, метут слежавшийся снег лопаты, жарко шоферам даже на таком сумасшедшем ветру. Вырвали-таки машину из снежного плена.

И снова пробиваются сквозь метель, и опять нечеткие силуэты вагончиков, на сей раз — связистов. Но и у них оказалось то же, что и в мехколонне. Даже стать негде. К тому же ребята спали, и друзья решили, что не стоит их будить. Машины идут дальше. Пробиваются медленно, упорно, и вдруг Булганин, ехавший первым, проваливается в яму. Снова лопаты врезаются в снег. А выюга злобствует. Выбившись из сил, Геннадий и Андрей забираются в кабину, закуривают.

И все-таки им удалось высвободить машину и в этот раз! А буран разыгрался так, что не понять, где небо, а где земля. И вот тогда они, опытные водители, потеряли друг друга.

Теперь Булганин ехал один. Путь ему пергораживает какой-то бугор. Машина не берет его, скатывается. У Геннадия мерзнут ноги. Он снова берет лопату. Ветер не дает стоять в полный рост. Тогда Геннадий опускается на колени и так, на коленях, рубит колею.

Пока Булганин рубил колею, ветер стих, осел поднятый им снег. Оглянувшись по сторонам, Геннадий увидел метрах в пятистах от себя несколько вагончиков, над которыми курился дымок. Бросив лопату, Булганин пошел. Ноги казались чужими.

В вагончике его усадили, попробовали снять валенки, но один примерз к ступне. Когда валенок все-таки сняли, Геннадий увидел свою матово-белую ступню. От тепла она стала быстро распухать. Ребята достали где-то сала, смазали ногу. И в это время в вагон ввалился Попучиев. Взглянув на Геннадия, он тут же вышел и принес свой сапог, который был размером на пять больше, чем носил Булганин. Обмороженную ногу обмотали, осторожно надели сапоги.

До Сай-Утеса Булганин доехал сам. Ему предложили несколько дней не работать. Но он, отспавшись, снова ушел в рейс.

— Привет Лукашевичу, — сказал он на прощание автомеханику. — Берегите Лукашевича, без него мы пропадем.

10.

Сначала Лукашевичу казалось, что ему повезло. Его командировали в Сай-Утес на тягаче. Машина была новая, только что сняли с платформы, и Василий решил, что он на ней будет чувствовать себя в пустыне, как дома: отработал положенные семь часов, отдохнул, «козла» забил...

Тихоньч будил его за час до общего подъема, ставил перед ним кружку горячего чая. Василий пил, обжигаясь. Затем одевался и выходил на улицу. Обычно через полчаса тягач начинал уже греметь дизелем. Тогда один за другим выбирался из вагона ребята, и Лукашевич начинал свое обычное дело: цеплял машину и таскал по поселку, чтоб завести.

Автомобили, которые уезжали в Шетпе, выстраивались в колонну и ждали. Закончив запуск, Лукашевич лихо поворачивал тягач, становился во главе колонны и шел вперед, уминая гусеницами колею. Колонна спокойно приходила к перевалу Маната.

Спуститься или подняться на обледеневший Маната вообще было невозможно без Лукашевича. Если морозы слабые, Маната покрывался слоем скользкой грязи, и Лукашевич спускал всю колонну на тросах. Если Маната обледеневал, Василий своим тягачом не только спускал, но и затаскивал. Шоферы прощались с Василием и уезжали в Шетпе. А он оставался среди серых скал, на фоне которых даже его грозная машина казалась маленькой. В лучшем случае водитель прятал тягач за скалу и на какое-то время растягивался на сиденье подремать. Удовольствие это длилось недолго. Только сомкнул глаза, а его уже настойчиво будит хриплый гудок: кому-то нужно подняться на Маната.

Взял однажды Василий на буксир неповоротливый «МАЗ». Напряженно загудел двигатель тягача. Вскинулась круто вверх дорога. Лукашевич выключил передачу, чтобы перейти на низшую. На какую-то секунду тягач приостановился, и «МАЗ» своей многотонной массой потащил его назад. Связанные тросом, обе машины катятся к пропасти. На счастье, колеса «МАЗа» попадают в колею, потом его разворачивает поперек дороги. Секундная передышка. Лукашевич включает передачу и без остановки вытаскивает машину на Маната. «Пронесло», — вытирает пот Василий.

Каждый день Лукашевич буксирует машины с блоками, пока не подойдет к Маната последняя. Она, как правило, подходит поздно, иногда после полуночи.

А дома Лукашевича уже давно поджидает прораб путейцев.

— В ущелье у нас бригада работает. Сегодня машину послали, а ее нет уже пять часов. На тебя вся надежда.

Василий сидит боком к раскаленной печке. Печка на него дышит теплом, нестерпимо хочется спать. Пока он слушал прораба, несколько раз смыкал глаза. Лукашевич молча вышел из вагона и сел за рычаги тягача.

Он уже несколько раз проехал от поселка к ущелью. Мигая фарами, давал тревожные сигналы. Но не было ни людей, ни машины. Глаза

слипались от усталости. Время от времени Лукашевич забывался и, наклоняясь, сильно ударялся о стекло. Удары на короткое время «освежали». Еще немножко, он не выдержит, уснет на ходу. И вдруг ему показалось, что впереди блестит огонек. Василий присмотрелся: так и есть! Вскоре он притормозил около бригады, которая, потеряв надежду, шла через пургу к поселку. Наугад. Заметив тягач, зажгли факел.

Заглушить двигатель у Лукашевича не хватило сил. Это за него сделал механик. Василий заснул, не раздеваясь. А часа через три в поселок пришел шофер. Он рассказал, что уже несколько суток добирается до Мангышлака. Застрял, ждал, что помогут, но мимо не проехала ни одна машина. Двое пассажиров в кабине совсем замерзают: не смогли даже идти.

— Скорей бы, — умоляюще говорил шофер. — Ведь замерзнут.

Василия стали будить. Он приоткрыл глаза, сказал: «отойдите» — и повернулся на другой бок.

— Вставай, — продолжал дергать его за плечо механик, — людей спасать надо.

Василий полежал несколько минут. Видимо, фраза «людей надо спасать» долго доходила до его сознания. Потом он встал, выпил свою привычную кружку чая и уехал...

II.

Зима приближалась к концу. Но погода не унималась. Чем ближе к весне, тем чаще бушевали бураны. В вагончике теперь редко шутили; в рейсы отправлялись усталые и невеселые. А нужно было поработать еще с полмесяца до весенней распутицы, когда по трассе уже не сможет пройти ни одна машина. По расчетам

выходило, что если водители выдержат, то Сай-Утес получит блоки вовремя и дорогу сомкнут в срок.

Можно было заменить шоферов, но новички долго будут приспосабливаться и не уложатся в график. Тогда в управлении и на центральной автобазе решили: пусть водители сами скажут, как быть.

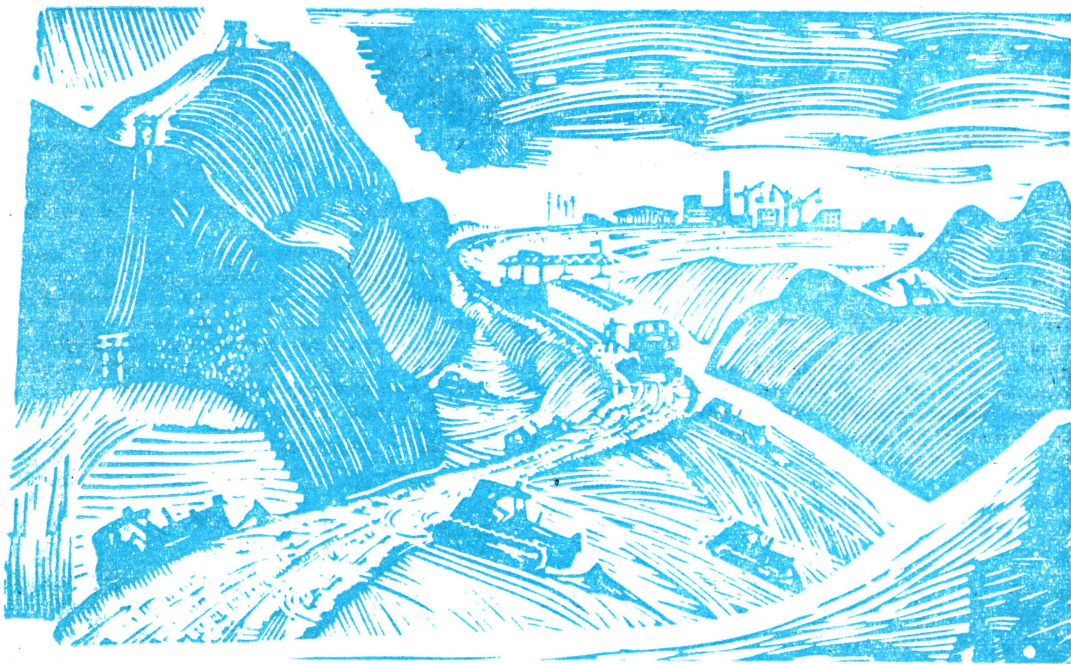
В вагончике шоферов негде было ступить. Разговор начал начальник управления строительства.

— Новая железная дорога почти закончена. Нефтяники уже бурят промысловые скважины. Теперь все зависит от сай-утесовцев: смогут закончить они свой участок в срок — страна уже в будущем году получит первые эшелоны мангышлакской нефти. Но насыпь без труб возводить нельзя...

У нас, ребята, нет никакого права приказывать. До сих пор вы отдавали все силы, работали, как настоящие герои. Стройка обязана вам своими успехами. Но вы знаете, что блоки вывезены не все. Не вывезти их до весенней распутицы — значит остановить движение рабочих поездов на несколько месяцев, а вы не хуже нас знаете, как ждут на Мангышлаке эти поезда. Поэтому нам очень важно услышать, сможете ли вы дотянуть до победы или нам посылать новичков?

В вагоне стало тихо. Сначала многие подумали: «Знаем мы эти уговорчики!» Но сказать вслух никто не решился. Однако сколько уже перевезено! А ведь осталось, в сущности, немного. Уехать, не закончив работу? Неловко как-то. Кто-то за тебя закончит, придет к финишу. Нет, закончить дело надо самим. Поэтому достаточно было одному из них сказать: «Я останусь», как эти же слова повторили остальные.

Опять пошли рейсы за рейсами. Такие же трудные, как и раньше. Но к весне работа была

закончена. Ребята разъехались по своим колоннам, на память оставив на стенке шоферского вагончика автографы: Карелов, Лукашевич, Булганин, Шашок, Горинев, Тетерин, Бекетов, Плещачев, Пайко, Собко, Гладышев, Кривой, Винокуров, Зновец, Адамянц.

А через два года эти фамилии я увидел в газете, в указе Президиума Верховного Совета СССР.

12.

Так рождалась дорога на Мангышлак.

К лету 1964 года, после страшной зимы «кожан», между группами «Юг» и «Север» оставались считанные километры.

По традиции строителей железных дорог смычка — большой праздник, праздник «серебряного» костыля. Право забить последние, специально изготовленные никелированные костыли дается лучшим.

Дорога готовилась к смычке. Это чувствовалось и за сотни километров от укладки, на звеносборочной базе в Макате. В начале стройки отсюда отправили по семьсот метров пути в день, теперь же три километра путей уходило ежедневно к путеукладчику.

С юга укладку вел путеукладочный поезд № 6, с севера — строительно-монтажный поезд № 285.

Северянам предстояло самое трудное — уложить пути на спуске с Усть-Урта. Путеукладчик дошел только до спуска. Дальше по проекту должна идти ручная укладка...

Это совещание состоялось прямо под выливающим мангышлакским небом. Присутствовали заинтересованные, а ими оказались все: машинисты, путеукладчики, бригада головной укладки, главный инженер поезда Лебедев, начальник Башченко. До финиша двадцать километров. Долго идти до него, если укладывать вручную. И прямо здесь, на месте, родилось решение: вопреки проекту пустить путеукладчик по спуску. Пустить с риском, ибо путеукладчик может на спуске опрокинуться.

Меньше всего думали тогда о рекордах.

И путеукладчик пошел. Днем и ночью светило его прожектора. Спали на неокрепшей насыпи. Раскаленные скалы дышали зноем, а люди считали: осталось 15, 10, 5 километров...

За три дня до смычки в Сай-Утес прилетел на самолете прораб строительно-монтажного поезда № 137 Иван Григорьевич Митус. «Здесь», — показали ему место, где должна произойти смычка.

Накануне смычки 28 июня 1964 года путеукладчик северян поднял последнее звено. Митус отмерил от его конца четырнадцать метров, и специальная машина резанула по меловой черте. Последнее звено готово. Оно будет уложено завтра, 29 июня 1964 года. Звено, после которого скажут: путь на Мангышлак открыт!

В этот же день бригада Владимира Якушева начала строить боковой путь, куда после смычки поставят путеукладчики, чтобы дать дорогу первому поезду. Ночью работали при свете автомобильных фар. Уложили путь, поставили стрелочные переводы. К семи утра все было готово. Якушев с бригадой уехал в Сай-Утес.

«Приведу себя в порядок и поеду на праздник», — решил бригадир. Он уже неделю не брился. Поставил на плитку воду. Прилег на кровать и заснул. Проснулся — вода выкипела, плитка перегрела, праздник смычки кончился.

А проходил он так. Путеукладчик пронес сквозь коридор праздничных, нарядных людей последнее звено. Играла музыка, развевались флаги. Рельсы соединены «серебряными» накладками, скручены «серебряными» болтами, забиты «серебряные» костыли. Танцуют вальс. После вальса — митинг. Выступал начальник строительства Мельников.

— Нам приятно сознавать, что сооружаемая железнодорожная магистраль пересекла Каракумы, плато Усть-Урт и полуостров Мангышлак, где с незапамятных времен было одно и то же: пустыни, небо, Каспий, барханы и пыль над горящим без пламени Мангышлаком. Магистраль Макат — Шевченко ложится здесь трассой новой жизни. Эта дорога станет главной артерией для крупнейших в стране месторождений нефти на полуострове Мангышлак.

Почта Маката в тот день работала с небывалой нагрузкой. Телеграммы, телеграммы из разных мест, от разных коллективов:

«Геологоразведчики актюбинской экспедиции горячо поздравляют строителей дороги, которая будет служить ускоренному развитию народного хозяйства Мангышлака».

Коллектив Уральского кожеобувного комбината имени Землячки: «Поздравляем вас с открытием рабочего движения на новой дороге и желаем дальнейших успехов в труде».

«Коллектив Гурьевского педагогического института сердечно поздравляет строителей с вводом во временную эксплуатацию железной дороги, являющейся вкладом в строительство коммунизма. Слава строителям дороги...»

Но дорога еще продолжала строиться.

Лишь перед новым, 1967 годом центральные газеты сообщили, что Государственная комиссия приняла в постоянную эксплуатацию железную дорогу Макат — Мангышлак. А на картах Советского Союза выпуска 1968 года новая магистраль уже оставила свой автограф.

Как по линейке протянулась красная линия трассы вдоль восточного побережья Каспийского моря, и лишь у станции Бейнеу она повернула почти прямо под углом. Около девяти сот километров новых стальных путей, десять современных благоустроенных жилых поселков — таков результат семи лет героической битвы с пустыней, с «убийством дышащей страной».

Мангышлак — Свердловск, 1969

Гравюры И. Михайлина

ПОДАВНИМ СЛЕДАМ

Рисунок Л. Полстоваловой

Синий дымок вился над домиком. В окне за занавеской мелькали тени. И нахохлившийся человек с квадратным бульдожьим подбородком не спускал глаз с окна. Напарник прошептал ему на ухо: — Дополнительно разузнал: пироги они пекут. Как-никак, петров день...

— Тогда пошли на насыпь, — сказал шпик. — Оттуда за домом смотреть станем. Там и дорога видна.

Они поднялись по деревянной лестнице. Накапывал дождик.

Прошло немного времени. Из дома появились с корзинками две девушки в клеенчатых плащах. Если бы шпики знали, какие «пироги» были в их корзинках... Девушки отправились по той же дороге, по которой в этот июльский день 1896 года шли десятки людей в церковь на престольный праздник.

Один из шпииков не без ехидства окликнул их:

— А дождичек не мешает? Или побольше вырасти хотите?

Девушки засмеялись и прошли мимо, к лесу.

Улыбка исчезла с бульдожьего лица:

— Может быть, за ними надо?..

— Чего? Да если бы они тайное замыслили, подались бы к лесу огородами, задворками... Подождем здесь, пока они из церкви воротятся.

* * *

— Вот здесь они и прошли, — сказала учительница Вера Яковлевна Спиридонова.

— А где же стояли шпики? — спросил Володя Золотов.

Ира Малышева взбежала на насыпь:

— Вот здесь, наверное.

Володя походил по насыпи и с недоумением сказал:

— Постойте... Но ведь отсюда видно лишь крышу дома, а не дорогу и огороды. Не могли шпики стоять здесь вслепую, не такие они дураки!

Спор прервала Вера Яковлевна. Она раскрыла папку с материалами следопытов и сказала:

— Погодите, ребята, тут есть слово «мостки». Шпики стояли на мостках, облокотясь на перила. А ну, проверим...

Так и есть. Вот это место, с которого шпики следили за домом и за дорогой. Нашли они и петляющую тропинку, по которой семьдесят три года назад уносили в лес нелегальную литературу Надежда Константиновна Крупская и девушка Лида. Может быть, удастся отыскать хотя бы одну пожелтевшую страничку?! Но прежде всего надо выяснить все подробности того далекого дня 1896 года...

* * *

Небольшой домик на берегу стремительной речки Валдайки окружен тополями. На стене мемориальная доска: «На этом месте стоял дом, в котором в 1895—1897 годы проводила летние месяцы Надежда Константи-

новна Крупская, ближайший друг и соратник великого Ленина».

Часто приезжал на Валдай из Петербурга гидролог Николай Михайлович Книпович вместе с сестрой Лидой. Лидия Книпович стала профессиональной революционеркой, работала вместе с Лениным, была делегатом II съезда партии, распространяла «Искру». А в 1896 году она договорилась с народовольцами, имевшими тайную типографию на Лахте, что будет печатать у них социал-демократическую литературу.

Но шестого июля 1896 года полиции удалось выследить и разгромить типографию. Николая и Лиду Книповичей арестовали. При обыске нашли одиннадцать адресов, по которым рассылались подпольная литература, в том числе адрес Валдайки.

О том, что произошло дальше, следопыты узнали из воспоминаний Н. К. Крупской:

«Я в это время ездил в Полтаву в связи с подготовкой первого партсъезда. Вернувшись из Полтавы, я узнала о случившемся, помчалась на Валдайку и застала там такую картину. Знакомые Книповичей, у которых сохранилась еще одна корзина с нелегальщиной, соседи по даче, не нашли ничего лучшего, как притащить эту корзину на дачу к Книповичам, хотя дача была обставлена шпиками. В корзине оказались ящик со шрифтом, рукопись Владимира Ильича и масса новеньких брошюр. Был петров день. Отправили мы двух домашних работников, дав им рублевку, в соседнее село, где был храмовый праздник, а сами растопили русскую печь, замесили тесто, буд-то пироги печь хотим, и стали литературу жечь. Жалко было до крайности, сколько труда в нее вложена было. Надо бы было сжечь и

ПОДАРОК

Вечером 22 апреля 1920 года в Кремль к Владимиру Ильичу Ленину пришла делегация бойцов Туркестанского фронта. Секретарь доложил, что красноармейцы привезли целый состав хлеба — 20 вагонов с зерном, мукой, сухарями.

Владимир Ильич сердечно приветствовал гостей:

— Здравствуйте, товарищи! Не может быть, чтобы вы в такое время приехали в Москву за трое суток. Да вы, батеньки, — герои!

А герои, смущенные такой высокой оценкой вождя, стали рассказывать, как они собирали хлеб, как везли его за полторы тысячи верст из Илецкой Защиты в столицу.

...В красноармейском полку из сообщения

РОСТА узнали о том, что 22 апреля 1920 года Владимиру Ильичу Ленину исполняется 50 лет. Политрук Иван Дик рассказал об этом красноармейцам своего взвода. А когда закончил беседу, к нему подошел боец-татарин, человек неграмотный, никогда не принимавший участия в разговорах. С трудом подбирая русские слова, сказал:

— Москва — голод, Илецкий Защита — много хлеба. Ленин — большой человек. Его праздник много хлеба посылать надо...

И тут наперебой посыпались предложения. Одни красноармейцы предлагали отчислить от своего пайка, другие — обратиться к населению, третьи советовали «потрясти» интендантов — это народ такой, что без запаса не живет, а где запас, там наверняка и излишки найдутся. Времени оставалось немного — стояла середина марта. Тут же познакомили со своим планом всех бойцов и командование полка.

И вот потянулись на станцию подводы с хлебом. Красноармейцы старательно загружа-

рукопись Владимира Ильича, да не хватало духа. Решили спрятать. Жила в это время на Валдае у Книповичей молоденькая ученица акушерских курсов Христофорова; надели мы с ней клеенчатые плащи — накрапывал дождь, — она взяла в руки под плащ лопату, ящик со шрифтом, куда всунула и рукопись Владимира Ильича, и на виду у шпиков, которые торчали на перроне станции и насмеялись над барышнями, гуляющими по дождю, пропутешествовали в лес, где и зарыли благополучно ящик в землю».

Какая рукопись В. И. Ленина была спрятана Н. К. Крупской в лесу, пока установить не удалось, но следопыты предполагают, что «Объяснения закона о штрафах», судьба которой до сих пор неизвестна.

А может быть, Надежда Константиновна забрала рукопись из леса, когда в 1897 году снова приехала в Лыкошино (бывшая Валдайка). Следопыты продумали этот вариант и решили: вряд ли. Ведь за Крупской был учрежден особый надзор: следили буквально за каждым ее шагом. В Государственном архиве Новгородской области удалось найти такое донесение:

«Вследствие отношения от 2 мая за № 450 имею честь уведомить Вашего Превосходительство, что дочь коллежского ассессора Надежда Константиновна Крупская прибыла на ст. Валдайка 29 минувшего апреля вместе с матерью своею, вдовою коллежского ассессора Елизаветою Васильевною Крупскою и проживает в доме мещанки Ирины Ивановой Веньковской, наняв квартиру только на лето; занятый она никак не имеет, знакомство ведет с семьею дачника, надворного советника Николая Михайловича Книпович и в особенно-

сти дружна с дочерью действительного статского советника Лидиею Михайловною Книпович. Крупская и Книпович посещают друг друга ежедневно.

Особый надзор за г-жею Крупской учрежден.

Уездный исправник Пузырев».

После Октябрьской революции Надежда Константиновна много раз собиралась в Лыкошино, но так и не смогла там побывать. Слишком занята была на партийной и государственной работе. И может статься, драгоценный клад до сих пор хранится в лесу. Но как же разыскать его?

Следопыты решили прежде всего найти девушку, с которой Надежда Константиновна уносила рукопись и шрифт. Но ни в каких архивах не упоминалась Христофорова. Наконец, в своем поселке следопыты познакомились с Марией Николаевной Шаховой, которая хорошо помнит Книповичей и Крупскую. С большим трудом ребята выяснили, что фамилия девушки, которую Надежда Константиновна упоминает как Христофорову, — Лимаренко. Лидия Христофоровна Лимаренко. Узнали и ее адрес в городе Николаеве, написали туда во Дворец пионеров. Известие пришло неутешительное: Л. Х. Лимаренко умерла. Ребята решили разыскать ее родственников, больше узнать о ней самой. Может быть, кому-нибудь она все же рассказывала, куда была спрятана подпольная литература, какова ее дальнейшая судьба? Лыкошинские следопыты надеются и на помощь читателей «Уральского следопыта». А пока они продолжают поиск у себя в поселке, ведут переписку с музейями.

И. РОСОХОВАТСКИЙ

ли вагон за вагоном. Последние дни работали и ночью, при свете фонарей. Но как ни торопились, смогли тронуться в путь только 19 апреля вечером.

В то время отсюда до Москвы неделю, а то и больше добираться надо было. Поезда ходили медленно, во многих местах разрушенные пути были залатаны кое-как. Случалось, бандиты нападали.

— Опоздаем, — горевали бойцы.

Как ни доказывали сопровождающие эшелон, что у них самый срочный груз, в Оренбурге состав загнали в тупик — не оказалось ни паровоза, ни бригады. И тогда решили посвятить в свое дело железнодорожников: рассказали, как собирали хлеб, как хотели успеть в Москву к 50-летию Ильича.

— Сразу бы так и говорили, — всполошились дорожники.

Мигом нашелся паровоз и бригада подбралась. Теперь железнодорожники везде давали ленинскому хлебному эшелону «зеленую улицу».

Какова была радость делегатов Туркестанского фронта, когда к концу дня 22 апреля их поезд подошел к перрону Казанского вокзала. Тотчас же поспешили к Ленину — боялись, что вечером охрана не пустит их в Кремль.

...Ленин внимательно выслушал бойцов, поблагодарил и тут же распорядился распределить хлеб: 4 вагона — для детей Москвы, 4 — для петроградских ребятшек, 2 — для иваново-вознесенских. А 10 вагонов по настоячивой просьбе Наркомпрода — рабочим подмосковных торфоразработок. От них зависело тепло и свет столицы и других промышленных городов Центральной России.

Ильич крепко пожал руки красноармейцам и попросил их передать большое спасибо и горячий привет всем товарищам, приславшим ему такой драгоценный подарок.

В. АЛЬТОВ

Зорняя радость

Ко мне опять нисходит очищенное
Такое, словно тайны ощущение,
Высокое, доверчивое, нежное,
По-юношески злое и мятежное.

Я становлюсь уверенным, речистым,
В сердечных смутах и в поступках чистым.
На помощь никого не призываю,
Любимую отрадой называю.

И мир вокруг расцвел, принарядился,
Как будто
от хандры
он пробудился.
И каждой веткой при любой погоде
Он шепчет мне о счастье
И свободе!

Белый парус

Ливни стихли за грядою горной.
И, взмахнув крылом издалека,
Белый парус по волнам озерным
Тихо уплывает в облака.

За ржаным, еще зеленым колком,
В шорохах доверчивых берез
Плачет, надрываясь, перепелка,
Видимо, оглошшая от гроз.

Зноета июльская и дрема
Вынесли к горячему песку
В мимолетном запахе черемух
Вечную русалочью тоску.

Вся округа в трепете и свете.
Ходит ветер вдоль и поперек.
Может быть, за берегом вот этим
Отыщу я то, что не сберег.

На островах

Мой разум вскружили начисто
Тревожистые печали...
В долбленке, худой и щербатистой,
Я к островам отчалю.

Там папоротник и росы,
Цветы, голоса кукушечьи,
В зеленых платках березы
Сутулятся по-старушечьи.

Там дьявол, он пахнет тиной,
Русалок нагих улещивает,
Нырлет за стаей утиною
И глупых зайчат выслеживает.

Не топтаны травы и полюшко.
Криницы, ручьи гремучие.
И если напьюсь я вволюшку,
То стать обрету могучую.

По щебету по сорочьему,
По злому змеиному шороху —
Шугну я из края отчего
Последнего этого ворога.

Размышление у костра

Нет, не каждый так усердно врет.
Недруг мой, ты ярче красная.
Ну, конечно, я скачу вперед,
Головы соперникам срубая...

Почему ж ты не поднимешь меч,
Праведник, обшоркавший квартиру!
Долго ли на стремя приналечь
И в пути остановить задиру!

Но рысак не слушается, он
Не желает всадника такого:
Комья грязи с четырех сторон
На тебя обрушили подковы...

Ну, а я ловлю твои слова
Без обиды, в общем, и без страха,
Ведь твоя пустая голова
Не достойна яростного взмаха.

Вечер на озере

Заботливый, протяжный клик гусынь,
Упал закат с высокого порога.
И вот уже зыбучистую синь
Пересекает лунная дорога.

Угомонился шорох камыша.
Взошла звезда над миром полновластно.
И за день раскаленная душа
Почти, как это озеро, безгласна.

Отшельничай, живи и не скучай,
Оглядывай поля и перелески.
Но вдруг тебя настигнут невзначай
Давнишних бурь кочующие всплески.

Не отведешь их легкою рукой.
В них что-то есть, упрямое и злое.
И станет ощутимее покой.
И резче обозначится былое.

Голубые излучины

Затрепетал осинник —
Скорого лета жди.
Вон, над всей Россией
Тихо прошли дожди.

У голубых излучин
Травы набухли всклень.
Здравствуй,
прямой и жгучий,
Родины ясный день!

Ветром, туманом, вязом,
Полям, где встанет рожь,
Всем я с тобою связан
Так, что не оторвешь...

Ну, приглядись, далек ли
Бережный шум ветвей!
Он, как забытый оклик,
Первой любви моей.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Следопыты Ленинграда, помогая филиалу Центрального музея В. И. Ленина, ведут работу по увековечению мест, связанных с пребыванием Владимира Ильича и его родных на территории Ленинградской области.

Так, школьники Октябрьского района Ленинграда в поселке Южки, где последние годы жила Мария Александровна Ульянова, приведут в порядок участок, оборудуют помещение для экспозиции, посвященной 100-летию со дня рождения Ильича, установят памятный знак и указатели на дороге.

Такую же работу следопыты города выполнят в Парголово, где Александр Ульянов готовил бомбы для покушения на царя; в поселке Приветнинское, где жила и учительствовала Мария Ильинична Ульянова; на станции Александровская, откуда начинался конспиративный маршрут В. И. Ленина к Царскосельскому вокзалу.

Выполняя это задание, школьники помогут создать Ленинский мемориал на Карельском перешейке и в других местах области. Центр его — Маяк Стирсуден. Здесь находилась дача Л. М. Книпович, где часто бывал В. И. Ленин. Поэтому и вся операция следопытов названа «Ленинский Маяк».

* * *

Следопыты младших классов школ города Ленина и области будут трудиться на ударных участках в создании Кургана партизанской славы на границе трех областей: Ленинградской, Новгородской и Псковской. В Стрельне ребята высаживают в новом парке имени Ленина деревья на пионерских аллеях.

Следопыты Выборгской стороны создают первый в городе пионерский ботанический сад с розарием. Кусты роз для него выращивают краснодарские ребята.

* * *

Хорошей традицией у следопытов Ленинграда стали праздники улиц, носящих имена героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн.

26 февраля 1969 года — в день рождения Надежды Константиновны Крупской — следопыты 349-й школы со знаменем, транспарантами вышли на улицу имени Крупской. К ним присоединились жители района. К памятнику Н. К. Крупской возложили цветы, потом во Дворце культуры провели торжественный вечер.

НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ

В. ТУРУНТАЕВ

Рисунки Н. Мооса

Перестрелка все усиливалась. В частую беспорядочную трескотню автоматных очередей словно вбивался — основательно и методично — перестук тяжелых пулеметов, в котором глохли, тонули и возгласы преследователей, и топот ног, и беглая переключка разведчиков. И все же ухо сумело поймать сухой щелчок минного взрывателя.

Когда раздался взрыв, Марина уже лежала на земле. Со свистом пронеслись над головой осколки. Заложило уши. «Неужели напоролись на мину?»

— Бегом! — срываясь на фальцет, кричит словно откуда-то издалека Половинкин.

Марина успела перезарядить автомат, но было очень неловко стрелять на бегу, все время оборачиваясь. Как-то незаметно она отстала от группы. Она поняла это, только когда прекратила стрельбу: шум общей перестрелки вдруг отдалился, ушел от нее в жидкую рассветную тьму, а в немецкой траншее установилась тишина. Да, но где она, немецкая траншея? Где минное поле?..

До сознания Марины вдруг дошло, что она

потеряла ориентировку. Она остановилась и затаив дыхание некоторое время прислушивалась к выстрелам. Они сдвинулись вправо, стали реже. Марине стоило большого труда сохранить самообладание. Но она понимала, что если что-то и может ее сейчас выручить из беды, так это спокойствие и выдержка. Только не суетиться. Надо спокойно-спокойно все обдумать.

Легкий шорох травы заставил Марину стремительно обернуться всем корпусом. Прямо на нее кто-то шел. Сердце застучало гулко и часто. Палец заплесал, как в ознобе, на спусковом крючке.

— Марина?..

— Я...

— А ну, двигай за мной! — и пошел обратно.

Господи, Леня Власов!

— Все живы? — первое, что спросил Мурчик, встретив разведчиков на краю нейтральной полосы.

— Все, товарищ старший лейтенант! — Половинкин оглядел группу и доложил, какие обнаружены огневые точки.

— Молодцы! — похвалил Мурчик.
Быстро светало. Лица разведчиков лоснились от пота, смешанного с грязью. Вдруг кто-то позвал:

— Григорьев, где ты?..

Молчание.

— Товарищ старшина, Григорьева-то нет!

— Он не был ранен? — спросил Мурчик.

— Тогда он позвал бы на помощь, — ответила Марина. — Я бы услышала.

— Может, отстал?

— Я шла последней.

Мурчик чеканил каждое слово. Черные цыганские глаза его блестели недобро. Но вдруг он как-то осунулся, ссутулил плечи.

— Власов, пойдешь старшим, — сказал он усталым, поникшим голосом. — Возьми троих хлопцев, больше незачем.

Власов спокойно кивнул. Оглядел товарищей и подозвал к себе Монахова.

«Неужели опять туда, к немцам?» — знобко поежилась Марина.

Но таков закон разведчиков: сколько их уходит на задание, столько должно и вернуться. Включая раненых и убитых. Даже тело убитого товарища нельзя оставлять на той стороне. Чтобы каждый разведчик, идя на опасное, всегда связанное со смертельным риском дело, был уверен в том, что товарищи в любом случае не оставят его одного. А если даже и случится, что группа по возвращении кого-то не досчитается, тогда... Тогда, вот как сейчас, разведчики пойдут снова туда, откуда только что вернулись. Пойдут, чтобы найти потерявшегося товарища — живого или мертвого — или погибнуть.

Марина подумала, что ведь и ей надо пойти: если Григорьев ранен — оказать ему первую помощь. Это ей показалось настолько само собой разумеющимся, что, не спросив даже разрешения, она просто присоединилась к Власову и Монахову. Никто не остановил ее.

Власов подозвал еще двоих. Так впятером и поползли.

Утренний туман, закурившийся было над ложиной, быстро густел и опускался на ее дно. Марине казалось, что разведчики ползут слишком медленно. «Скорее, ну скорее же!» — мысленно поторопливала она их. Она чувствовала себя более других виновной в случившемся: слишком увлеклась стрельбой и забыла о главной обязанности санитарного инструктора. Но ведь никто же не звал ее на помощь? Ведь никто не звал? Она бы услышала, даже если бы Григорьев позвал ее шепотом... Она бы услышала, услышала!..

Туман стелился над самой головой. Разведчики ползли почти вслепую, лишь чутьем угадывая направление. Но этот же туман и скрывал их от вражеских наблюдателей. Ни с немецкой, ни с нашей стороны не было слышно выстрелов. Разве что где-нибудь вдалеке прострочит пулемет и — снова все тихо.

Вдруг передний, Монахов, замер на месте. — Мина!

Марина увидела, как он медленно, осторожно повел рукой в сторону от себя, что-то нащупывая в траве, выдернул из земли колышек, к которому была примотана одним концом идущая от мины проволочка, отвел эту проволочку в сторону и дал знать остальным, что путь свободен. Мину он трогать не стал.

Разведчики поползли дальше. Они ползли до тех пор, пока в молочно-белом тумане не наткнулись на лежащего ничком Григорьева. В густой траве были видны стриженный затылок, плечи и откинутый на спину капюшон маскхалата.

Власов показал на смутно проглядывавшие в тумане кусты, чуть правее того места, где лежал Григорьев, и подал знак быть всем наготове: немцы как пить дать могли устроить здесь засаду.

Марина рукавом вытерла взмокший лоб. Она видела, как то же самое сделал и Монахов.

Сперва Власов один подполз к Григорьеву. Остальные держали автоматы на боевом взводе. Потом Власов подозвал Марину. Значит, Григорьев жив, подумалось ей: ведь понадобилась ее помощь!

На голове у него, повыше уха, виднелась небольшая круглая ранка, от которой на лоб сбегали темные застывшие ручейки. Волосы были пострижены коротко, ежиком, и потому ранка была хорошо заметна. Марина обеими руками приподняла голсу убитого и возле глаза увидела вторую ранку. Шарик от мины прошел насквозь. Вот почему никто из разведчиков не слышал крика о помощи: смерть наступила мгновенно.

Вдвоем с Власовым они осторожно потянули тело убитого. Прислушались. Немцы изредка постреливали далеко в стороне, но поблизости было тихо и спокойно. Туман лег совсем низко, на траву.

На том месте, где только что лежал Григорьев, примята трава медленно поднималась. Подполз еще один разведчик. Под мертвое тело подсунули плащ-палатку и потянули за собой.

Мурчик ждал их. Он долго смотрел на убитого, горестно качал головой и все приговаривал:

— Эх, Григорьев, Григорьев! Ну вот и все, отвоевался, брат... — и упрекал Половинкина: — Хиба ж вы не бачили? Какая же бисова сила вас понесла в самую лощину! Я ж говорил: тут минное поле!

Но видно было, что он и сам понимает: в суматохе ночного боя не так-то легко держаться намеченного на карте направления. И все разведчики это понимали и винули старшину Половинкина лишь за то, что он взял Григорьева на задание:

— Видел же — не в настроении парены!

— Да я его просил остаться! — оправдывался Половинкин. — И так уговаривал, и так...

— Все равно не надо было брать, ты ж — старший.

Никто не ставил гибель Григорьева в прямую связь с его настроением. Но это тоже было, как закон: разведчик должен идти на задание бодрым и собранным.

— Такая уж у нас работа, — сказал Монахов Марине. — Тонкая и вся на нервах, — и неожиданно заключил: — А ты молодец! Не помню, чтоб наш прежний санинструктор ходил когда-нибудь дальше нейтральной полосы.

И другие разведчики хвалили Марину. Но ей казалось, что ее просто жалеют и нарочно не замечают ее промахов. От этого она переживала вдвойне. Она за эти два года войны видела много смертей. Но Григорьев был первым убитым на ее глазах разведчиком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Когда немцы прорвали фронт на Курско-Белгородской дуге и повели наступление на Обоянь, нашу отдельную разведроту перебросили в район села Мелового. Отсюда мы ежедневно ходили на задания. Однажды, вернувшись из разведки, мы не застали роту на ее прежнем месте: всем разведчикам было приказано занять оборону возле урочища Круглое и вместе с другими подразделениями отразить танковую атаку противника.

Я оказалась в одной ячейке с Леной Власовым. Танки двинулись сплошной черной громадой. Первым бросил связку гранат командир роты Мурчик. Подбитый им «тигр» со скрежетом развернулся и застыл на месте. Но и сам Мурчик был сражен очередью из танкового пулемета. Когда я подползла к нему, он был уже мертв.

Второй танк подбил Лена Власов.

Весь день и всю ночь держали оборону разведчики. Утром мы положили на повозку тело Мурчика и похоронили на Донцовом хуторе, в школьном саду.

А еще через несколько дней наша дивизия была перебросена на Калининский фронт».

— Красивые у вас тут места.
— Красивые,— согласилась Марина.
— Наверное, соловьи по ночам заливаются.

— Да уж теперь-то какие соловьи — скоро осень,— сказала, глядя в озеро, Марина.

— Отчего же вы здесь одна?

— Да вот захотелось посидеть на бережку.

— А может — вы русалка?

Марина засмеялась:

— Не бойтесь — утащу в озеро?

— Не боюсь,— сказал старший лейтенант.—

Я ведь только с передовой. Кто там побывал — самого черта не побоятся, не то что русалки.

И он стал рассказывать о боях под Харьковом и на Курской дуге, о том, как жутко сидеть в окопе, когда на тебя напалзуют грохочущие, изрыгающие смертоносный огонь «тигры»...

— Вам этого не понять,— сказал офицер.— Да и не нужно понимать. У вас, женщин, совсем иное предназначение в жизни...

Сколько раз уже слышала Марина эти слова. Конечно, лучше бы не воевать девушкам — что и говорить. Лучше бы ни им, ни парням не воевать. У парней тоже иное предназначение в жизни — не война.

— А девушки там были?

— Были,— ответил офицер.— Но на передовой их мало — они больше в санбатах.

Помывшись в бане, Марина надела юбку, голубенькую с белым воротничком майку, тапочки и пошла к озеру. Уселась на поросшем мягкой травой берегу и засмотрелась на спокойную воду. Из лесу, где в небольшом овраге расположилась рота, доносились голоса и смех разведчиков, а здесь было удивительно тихо. Даже как-то не верилось, что на свете вообще может быть такое: лес, озеро, голубое небо над головой и нет на тебе гимнастерки и тяжелых сапог.

За спиной зашуршала трава. Марина обернулась и увидела начищенные до зеркального блеска хромовые сапоги, наутюженные галифе, новенькую сукожную гимнастерку с погонами старшего лейтенанта и крупные-крупные глаза на худощавом продолговатом лице.

— Можно с вами посидеть?

— Присаживайтесь, места хватит,— сказала Марина.

Старший лейтенант присел чуть позади, на корточки, видимо, не хотел мять галифе.

Марине понравилась игра: офицер принял ее за местную.

— Тут были солдаты, рассказывали про одну разведчицу...

— А, наверное, про Марину. Есть такая.

— Говорят, смелая девушка, — высказала предположение Марина.

— Разведчики вообще ребята смелые, — согласился офицер. — Подобраться к немецкой траншее и взять «языка» не так-то просто.

— И эта девушка тоже ходит за «языком»?

— Ходит.

— Будь я мужчиной — наверное, сразу влюбилась бы в нее, — сказала Марина.

— Насчет влюбиться — не знаю, — с сомнением покачал головой офицер. — Мне ни одна девушка у нас в дивизии не нравится. Грубые они. Курят. Водку пьют.

— И эта разведчица тоже курит и водку пьет?

— Тоже, — сказал старший лейтенант. — Фронт есть фронт. Представляете: в роте сотня здоровых, сильных ребят — и одна девушка среди них. Спит с ними в одной землянке...

— Ой, что вы! — ужаснулась Марина. — Как же так можно!

— А куда она денется — не станут же ей отдельную землянку рыть.

Что правда, то правда — последнее время спала Марина со своими разведчиками в одной землянке. В самом деле, куда денешься? При-

Как раз в этот момент из лесу вышли Моныхов и Власов.

— Маринка! — заорали они оба разом. — Вон ты где! Ясно... А мы-то с ног сбились, ищем! Живо к командиру роты!

У старшего лейтенанта и без того продолговатое его лицо еще сильнее вытянулось. Он посмотрел на Марину глазами человека, оскорбленного до глубины души:

— Как вы могли?.. Как вы могли?..

Марину душил смех:

— А что я? Вы сами сказали, что я похожа на русалку, — и она пошла вместе с разведчиками в расположение роты.

— Через час выступаем, — сказал Власов.

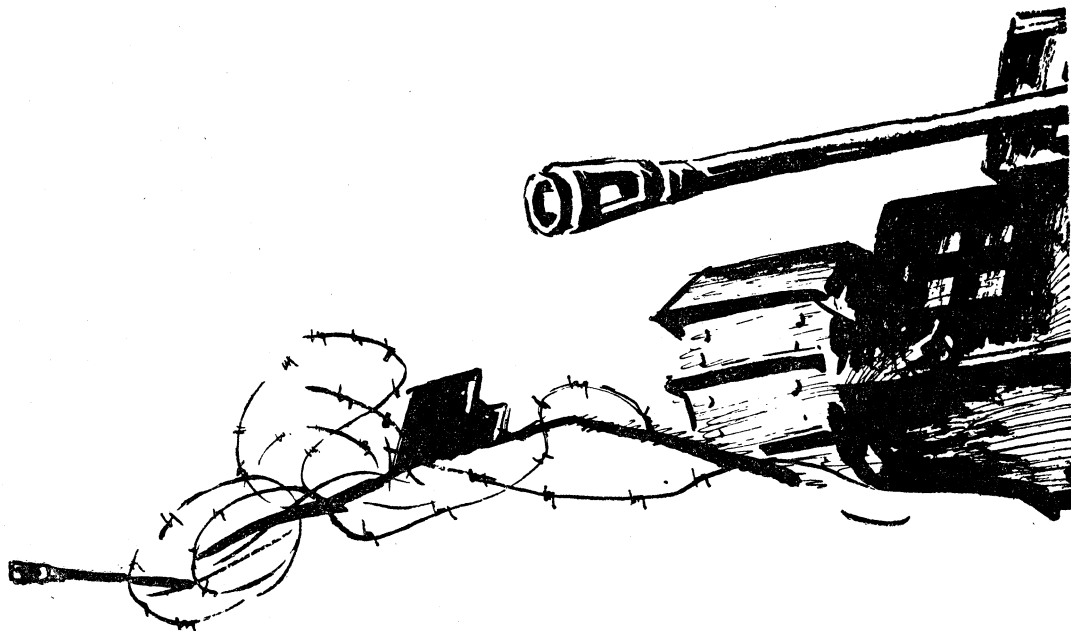
II

Идут разведчики по дороге, к месту сосредоточения. Жарища. Ни ветерка. Пыль щиплет глаза — то и дело проносятся мимо машины, и пыль не успевает оседать. Марина смотрит на разведчиков — жаль ей ребят: как вышли на рассвете, так все идут, идут, а пути еще и конца не видно.

Остановила одну машину:

— Подбрось.

Шофер открыл дверцу:

дешь ночью с задания мокрая, замерзшая, в темноте переоденешься в сухое — и на топчан. Растолкаешь спящих богатырским сном разведчиков, втиснешься в серединку, с одного стянешь полу шинели, с другого, сунешь которому-нибудь под мышку, в самое тепло, свой нос — и спишь до утра. А утром опять на задание.

— Увидел я вас, — продолжал старший лейтенант, — и как будто домой, в родную деревню вернулся...

— Влезай!

— Да я не одна, — Марина кивнула на разведчиков.

— Э, нет! — сказал шофер. — Иди со своим взводом пешком.

— Ну, что тебе стоит! Ведь порожняком едешь!

— Мало ли что.

Остановила другую машину. Третью. Тот же результат.

Перевалили через горку. Под горкой — ручей и кустарник. За мостиком дорога опять идет на подъем и круто поворачивает в сторону.

— Живо — в кусты! — скомандовала Марина.

Разведчики поняли ее с полуслова — спрятались.

Вот и машина. Перед мостиком шофер сбавил скорость.

Марина вскочила на подножку, попыталась открыть дверцу.

— Да что она у тебя заколоченная, что ли?

— Руки у тебя — крюки, — сказал шофер. — Ну-ка, посторонись!

— Постой, а ты, может, не туда едешь?

Мне — в Красное...

— Да садись! — начал уже сердиться шофер.

Поглядела назад — разведчики уже в кузове.

— Ну ладно, поехали!

Мотор заскулил на подъеме.

— Что-то тяжело идет, — покачал головой шофер. — Откуда ты?

— Из разведроты.

— А зовут как? Марина? Была у нас в саперном батальоне одна Марина...

— В Девятой гвардейской?

— Постой, постой! — шофер пристально взгляделся в ее лицо. — Неужто — ты? Маринка? А меня не узнаешь?..

— Как же не узнаю? Коля Мосиенко?

— Он!..

— Ну, здравствуй, Коля!

И пошли спросы-расспросы. Оказывается, Девятая гвардейская стоит совсем недалеко.

Марина принялась перечислять по фамилиям саперов, вместе с которыми воевала под Москвой и на Харьковском направлении. Никого из них не было в батальоне: одни ранены, другие убиты...

— Смотри-ка: все новые... — вздохнув, сделал для себя открытие Коля. — А ты чего свой орден не носишь?

— Не успела получить. А тебе кто сказал про орден?

Указ только на днях вышел, а этот Коля уже все знает!

— Вот те на! Кто сказал? Может, ты сама того не знаешь про свой орден, что я знаю — как-никак при штабе батальона служу. Тебя ведь еще позапрошлой весной представляли, да где-то, видно, затерялся наградной лист, а потом, после Двуречной, ты в госпитале была, — новый написали...

— Да при чем тут Двуречная? — снова подивилась Марина. — Меня за эвакуацию раненых под Харьковом наградили. Уже в Сто восемьдесят четвёртой, после госпиталя.

— Погоди... — Коля наморщил лоб, пытается понять что к чему. — Ты про какой мне орден толкуешь? Я тебе говорю о Красной Звезде...

— И я о Красной Звезде, — сказала Марина. — Вот только что указ был...

— Погоди... Тот указ я еще прошлым летом читал. Ты вытаскивала раненого лейтенанта под Двуречной и тебя тогда в плечо ранило... Я же тебя и в госпиталь отвезил. Все плечо тебе разворотило. Вот вскорости после этого и указ вышел. Выходит, тебя еще и в Сто восемьдесят четвёртой наградили? Ну, знаешь! А медаль «За оборону Москвы» получила?

— Да нет...

— А знак Гвардии?

— Ничего я еще не получала!

Коля усмехнулся:

— Разведчица!.. Ну, да так-то скорей в гости соберешься. — Он вдруг опять нахмурился, покачал головой: — Тяжело что-то машина идет! Марина приснула, глянула на шофера озорными глазами:

— Все в порядке, Коля: в кузове мои ребята сидят.

Коля так и ахнул:

— Вот девка! Бывалого шофера надула! И много их там сидит?

— Взвод!

— Ну, это ж надо! — застонал Коля. — У меня ж машина и так под самую завязку нагружена! Это ж надо было придумать...

Так вышло, что Марине в один день вручили сразу два ордена, медаль и знак Гвардии.

III

Весь день немцы отходили с боем, и к вечеру им удалось наконец зацепиться за одну из деревенок.

С наступлением темноты шестеро разведчиков отправились на уточнение переднего края. Они подобрались к самой той деревеньке и всю ночь ползали под носом у противника, высматривая огневые точки.

Немцы, сидевшие в ячейках, время от времени постреливали из автоматов, запускали ракеты и вполголоса переговаривались. И только их боевое охранение не подавало признаков жизни, как будто его тут и не было вовсе. Было или не было — это следовало установить точно. Наверняка где-нибудь в кустах, на полпути между опушкой и линией вражеских окопов, сидят притаившись два или три фрица с пулеметом. Проморгать боевое охранение — значило поставить под страшный удар свою пехоту, которая будет здесь наступать.

Лишь незадолго перед рассветом, когда разведчики уже отползли назад, к лесу, Марина — единственная некурящая среди них — услышала запах табачного дыма. Это была не махорка — ее крепкий специфический запах Марине был достаточно хорошо знаком. Она замерла, медленно втянула в себя воздух. Тронула Леню Власова за плечо:

— Немцы рядом...

Осторожно, затаив дыхание, прислушиваясь и принюхиваясь, разведчики ползли к кустам, из которых тянуло сигаретным дымком. Там, в кустах, в тесном окопчике, сидели два немца. Поблескивали мокрые от дождя каски. Было искушение бросить пару гранат.

Однако старший группы сделал знак, и разведчики осторожно стали отползать от кустов.

Разведрота расположилась в небольшом леске, метрах в трехстах от дороги. Среди березок, осинки и елочки двумя рядами выстроились шалаши, сложенные из веток и накрытые сверху плащ-палатками. Чуть в стороне дымила кухня. Три разведчика, пристроившись на бревнах, чистили картошку. Белые картофелины одна за другой летели в бак, разбрызгивая во все стороны воду. Андрей Верстин, ротный повар, с довольным видом ходил вокруг котла. Первым заметив вернувшихся с задания разведчиков, он закрутил над головой ложкой, салютуя им,

— Вернулись? Ну, как там немцы — еще не смотались?

Разведчики не торопились с ответом:

— Мы-то знаем, где немцы, а вот ты лучше скажи: чем нас кормить будешь? По всему видно, завтрак еще не готов...

Андрей обиделся:

— Не бойтесь, у меня всегда найдется, чем кормить. Каша горячая — идите, получайте.

Марина прошла к ручью. Сняла сапоги, ступила в прохладную воду, умылась. Затем скинула отсыревший маскхалат, повесила на кусты сушить. А Верстин уже кричит:

— Марина, иди снимай пробу!

Есть совсем не хотелось. Так бы легла и уснула. Леня Власов принес котелок с кашей — как всегда, на двоих, — поставил на траву, достал ложку, уселся поудобней, позвал:

— Иди, Марина, трескай! Потом спи себе, сколько влезет.

Она через силу поглотала каши и залезла в шалаш. Свернулась в комочек на мягких ветках и уснула крепким младенческим сном.

Проснулась от какого-то грохота. Вскочила на ноги, не понимая, что происходит.

Вокруг рвались снаряды, вздымались столбы черной пыли, летели вверх комья земли. Марина упала на траву, закрыв лицо руками, и лежала так, пока не утихло.

Один снаряд разорвался возле кухни и разбросал все поварские принадлежности Верстина. Андрей с громкой руганью ходил вокруг, подбирая то, что уцелело:

— Вот гады! Нашли время артналет устраивать.

Он осторожно снял с котла крышку, на которую понасыпалась земля. Проходившие мимо разведчики не удержались от шутки:

— Что, Андрей, хороша приправа? Прямо к обеду, а?

Верстин сделал вид, будто собирается стряхнуть в котел землю с крышки:

— Вот я вам эту приправу и накидаю в суп!

Марина сидела босиком у шалаша и грела ноги на проглянувшем из-за туч солнышке, когда ее позвали к Калужскому. Калужский, спокойный, убеленный сединами ездоной, был парторгом роты, а Марина — его заместителем.

— Сходите во взвод, почитайте разведчикам, — сказал он, протянув Марине свежие газеты, и предупредил: — Почитаете — газеты разведчикам не оставляйте, заберите с собой, а то живо на самокрутки пустят.

Уже вдогонку крикнул:

— Да, пока вы на задании были, к вам тут лейтенант один заходил. Васильев. Из истребительного батальона. Хотел завтра еще зайти.

В приподнятом настроении Марина пришла во второй взвод. Разведчики сидели возле шалашей, каждый занимался своим делом. Монахов, расстелив на траве плащ-палатку, чистил автомат. Абрамов чинил гимнастерку. Цехмистренко перекладывал содержимое вещмешка. На кустах сушились портянки и маскхалаты.

— А, Марина, — вскинул голову и заулыбался Монахов. — Газеты принесла? Ну, что там новенького?

Марина присела на траву, стала читать сводку. Подходили разведчики, усаживались в кружок, притихшие, слушали.

Вдруг кто-то крикнул:

— Марина, к капитану!

Она передала газеты Абрамову:

— Читайте пока сами, ребята. Я сейчас приду, — и бегом направилась к землянке командира роты капитана Мартынова.

Вход в землянку был завешан плащ-палаткой. Внутри было темно, и Марина не сразу увидела склонившихся над развернутой картой Мартынова и старшину Половинкина. Свет в землянку проникал через крохотное оконце.

— Пойдете с группой, — сказал ей Мартынов. — Возьмите с собой санитарную сумку с полным комплектом медикаментов.

— Товарищ капитан, разрешите не брать сумку, — попросила Марина.

— Выполняйте приказ, — Мартынов оторвал наконец глаза от карты. — И не забудьте хорошенько проверить ноги у тех разведчиков, которые пойдут на задание.

— Есть взять сумку и проверить ноги у разведчиков! — козырнула Марина и вышла из землянки.

Кое-как отыскала в одной из повозок свою сумку, напихала в нее перевязочных пакетов. Сбежала к старшине роты за спиртом. Тем временем командир взвода построил разведчиков и велел им разуться. Пока Марина осматривала у них ноги, сам он проверил у каждого оружие. Затем приказал получить сухой паек, пополнить запас патронов и гранат:

— Пойдем надолго, в тыл к немцам.

Невысокий длиннолицый старшина Половинкин держался с какой-то необычной торжественной напряженностью.

Леня Власов тревожно заглянул Марине в глаза:

— Ты тоже пойдешь?

— Конечно!

— И капитан тебе разрешил?

— А почему бы нет? — Марина даже обиделась.

Пока она разбирала, чистила и смазывала свой автомат, набивала патронами запасной диск и подвешивала к поясу гранаты, ей вспомнилась самая первая ее встреча с лейтенантом Васильевым.

Это было прошедшей весной, еще в медсанбате, сразу после боев под Кантемировкой. Марина вышла в приемную и увидела сильно рассерженного офицера в новой шинели с черным, перекрещенным двумя орудийными стволами ромбом на рукаве. Офицер был высок и строен. Сероглаз. Из-под шапки выглядывала светлая прядь, а брови и ресницы были очень темные, почти черные.

Он просил принять раненых солдат, которых привез с передовой.

Сестра, дежурившая в приемной, посмотрела карточку из санчасти и отказалась принимать раненых:

— Вы не наши. Поезжайте в свой медсанбат.

— Как же так? — сказал офицер. — Мне дали их по пути. Сказали — довезешь и сдашь... Мне надо ехать дальше.

— Ничего не знаю, — ответила сестра.

— Я их оставляю вам, и весь разговор! — спокойно сказал офицер.

Марина озорно улынулась ему:

— А может, и сами останетесь?

Офицер вскинул голову и посмотрел на Марину, как ей тогда показалось, с презрением.

— Нечего мне у вас делать!

Марина выбежала из приемной, прошла к себе в отделение, сказала военврачу Егоровой:

— Послушай, Людмила, там лейтенант привез раненых, а у него их не принимают — не из нашей части. У нас же есть места.

Егорова велела привести раненых.

— А как тебя зовут, черноглазая? — спросил у Марины сразу повеселевший офицер с черным ромбом на рукаве.

Она передернула плечами:

— Может, благодарность хотите записать?

— Извините...

Вскоре он уехал. И осталось в памяти у Марины только его стройная фигура в новой шинели и черный бархатный ромб на рукаве, перекрещенный двумя желтыми оружейными ствольными. Да еще румяные, будто с морсса, щеки.

Вторая ее встреча с лейтенантом Васильевым

произошла буквально на другой же день после первой. Прибежала в операционную Оля Березовская и так, чтобы все слышали, закричала:

— Маринка, тебя там лейтенант дожидается. Вот такой! — она вытянула вверх руку и еще на цыпочки встала.

Марина выскочила в приемную. Вчерашний лейтенант с черным ромбом на рукаве шагнул ей навстречу и остановился в нерешительности. Застенчиво улыбнулся:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответила Марина, посмотрев на него снизу вверх.

Ей стало смешно: он такой большой, солидный, стоит перед нею, как мальчик, и мнет в руках шапку.

— Что вы смеетесь?

— А что вам от меня надо? — спросила она. Лейтенант замялся, подыскивая слова:

— Ну... Я попросил позвать вас, а вы вот смеетесь...

— Опять раненых привезли?

— Нет, зачем же... Я сам пришел.

Марина опять не удержалась от смеха:

— Ну вот: вчера я предлагала вам остаться — не остались, а теперь — сами пришли...

Лейтенант посмотрел на нее большими серьезными глазами:

— Вы очень заняты?

Марина пожала плечами:

— Конечно! Я ведь на службе.

В это время в приемную вошел старший лейтенант Пономарев. Остановился, прислушался к разговору.

— Это что же ты, а? — принялся он отчитывать Марину. — А ну, приглашай гостя к столу! — подошел к лейтенанту, спросил, из какой он части. Тот вытянулся, надел шапку и начал докладывать по форме, но Пономарев сразу остановил его:

— Ладно, ладно! Как фамилия?

— Висильев.

— Звать как?

— Вася.

— И отец, поди, тоже Вася?

Мимо прошла Надя Дворянова:

— Ну, наконец-то на Маринку внимание обратили!

Они недолго встречались с Васильевым. Однажды он прибежал рано утром, чтобы сообщить, что их дивизион спешным порядком перебрасывают на другой участок фронта.

И пока обменивались номерами полевой почты, Вася все поглядывал на часы...

К вечеру капитан Мартынов вывел разведчиков на исходную позицию, в расположение стрелкового батальона. Пехотинцы стояли в ячейках, с головой укрывшись от дождя плащ-палатками. Слышно было, как капли дождя барабанят по жесткой парусине.

— Ну, что немцы? — спросила Марина у ближнего пехотинца, прыгнув к нему в ячейку.

— Да что... Постреливают гады. Особенно вон там, на болоте. Спать не дают, — пехотинец улыбнулся и принялся растереть обеими руками колено. — Ломит, спасу нет.

В ячейке было тесно и сыро, под сапогами хлопала жидкая грязь. В этой грязи, под дождем, солдаты стояли уже вторые сутки, и неизвестно, сколько еще простоят. Разведчикам редко приходится вот так томиться без дела. В то время она еще не знала, в какие непредвиденные положения могут иной раз попасть разведчики. Ей еще не приходилось сутками лежать в наблюдении где-нибудь в болотистой, насквозь простреливаемой низине на нейтральной полосе, не имея возможности ни растереть задеревеневшее колено, ни перебраться с товарищами парой слов.

Марина пыталась разглядеть сквозь сетку дождя неприятельские окопы. Но там не было заметно никакого движения — будто все вымерло. Только слева, издали, временами доносились автоматная и пулеметная трескотня. Это немцы простреливали кустарник на болоте. И вдруг возле самого, как ей показалось, уха воздух разорвался пулеметной очередью. От неожиданности Марина присела.

— Вот дьявол! — засмеялся пехотинец и погрозил в сторону соседней ячейки, где располагался пулеметный расчет. — Напугал девку...

Несколько разведчиков пристроились возле блиндажа. Абрамов свернул сигарку и, накиннув на голову плащ-палатку, задымил под нею.

— Вот жизнь! — Вдохнул кто-то из разведчиков. — Даже покурить по-человечески нельзя. Учув запах табака, стали подходить к землянке пехотинцы.

— Дайте махорочки, братцы! Третий день без курева.

Абрамов протянул кисет. Разведчики тоже бедствовали — последнюю махорку взяли на до рогу. Но как не угостить своего брата-солдата.

Пехотинец вытянул из кармана смятый газетный клочок, оторвал на сигарку, расправил, взял из кисета щепоть махорки, ловко завернул, прикурил у Абрамова под плащ-палаткой и, не пряхась, с наслаждением затянулся.

— Ух, братцы, спасибо! — и пошел к себе в ячейку. А уже другой пехотинец сворачивал себе сигарку, за ним в очереди стояли еще двое...

Тогда разведчики, глядя на них, задымили в открытую. Уже темнело, и дождь все сыпал не переставая — вряд ли немцы могли что-нибудь сейчас разглядеть из своих окопов.

Марина вошла в блиндаж. Там, склонившись над картой, старшина Половинкин обсуждал с командиром стрелковой роты план перехода разведчиков через линию фронта. Разговор, как видно, подходил к концу.

— Значит, вот так, по болоту и двинем, — повел Половинкин карандашом по карте.

— Товарищ старшина, немцы сильно простреливают болото, — сказала Марина.

— Вот и хорошо, — с явным удовлетворением произнес Половинкин. — А тебе что надо — чтоб немцы с оркестром нас встретили? Где больше стреляют, там меньше нас ждут. Ясно?

— Ничего, пройдете, — сказал командир роты. — Я вам двух проводников дам, они вчера лазили по болоту, знают, где можно увязнуть, — и он быстро вышел из землянки. Следом за ним вышли разведчики.

— Ну, братцы, удачи вам!

Было совсем темно, когда цепочка разведчиков с двумя пехотинцами в голове вышла к болоту и двинулась через кусты на неприятельскую сторону. Мокрые ветки кустов выскальзывали из рук и хлестали по лицу, под ногами хлопала вода. Перед глазами возникали и тут же пропадали цветные пунктиры трансирюющих пуль. Красные ракеты тускло освещали болото.

Разведчики вышли на сухое место, залегли. На прощание Монахов и Власов отсыпали проводникам махорки, и те отправились назад.

Немного выждав, двинулись дальше. Кустарник становился все реже и выше и незаметно превратился в лесок. Пулеметные очереди и вспышки ракет остались позади. Время от времени над головой со свистом пронеслись снаряды и рвались где-то впереди.

— Наши, — добродушно определил Монахов.

— Ты вот попади под них — будут тебе наши, — ворчливо отозвался Власов.

Вышли на луг, поросший густой высокой травой. Решили не рисковать и обойти луг по опушке. Ноги заплетались в траве. Пришлось сбавить шаг. Чаще обычного останавливались и прислушивались, держа автоматы наизготовку.

Прошли еще немного по лесу, и впереди открылось большое поле. Справа, в отдалении, темнела роща. Разведчики залегли. Потихоньку стали переползать поле, и вдруг со стороны рощи до них донесся похожий на команду выкрик. Разведчики затаили дыхание. Вспышка. Тяжелый грохот орудейного залпа. И снова, уже отчетливей, команда: «Фойер!» Вспышка, грохот...

Половинкин и Власов вдвоем поползли к роще. Остальные остались лежать на месте.

В роще располагалась батарея дальнбойных орудий. Половинкин отметил квадрат, и группа двинулась дальше. Когда уже почти достигли противоположного края поля, слева послышался неясный шум. Разведчики залегли в неглубокой, поросшей травой меже, затаились и стали ждать, а Власов и Косенко выползли вперед. Шум усиливался, и вскоре показалась повозка, за которой шли солдаты — человек шесть. За первой повозкой — другая, на нею — третья. Полевая дорога сворачивала в лес.

Дозорные сообщили, что за лесом, по большой проселочной дороге, движутся в сторону передовой войска. Разведчики переползли к опушке, затем прошли через лес, подобрались к самой дороге и залегли на обочине в кустах. Несколько часов наблюдали за движением грузовых машин. В небе стоял гул самолетов. Судя по близким разрывам зенитных снарядов, самолеты были наши.

Ближе к утру дорога опустела. Разведчики углубились в лес.

— А ну, Володя, настраивайся на передачу, — сказал Половинкин. — Пора.

Тарасов снял рацию, забросил на дерево антенну, надел наушники. Все это — молча, с видом человека, вполне отдающего себе отчет в исключительной важности того, что он делает. Тем временем Марина, Власов и Цехмистренко отправились в дозор. Пока шла передача, они сидели, прислушиваясь к отдаленному шуму моторов. Потом подошел Половинкин:

— Ну как, все тихо? Сейчас пройдем еще километра два и будем отдыхать.

Шли, как по тревоге, почти бегом, чтобы еще затемно миновать луг и снова углубиться в лес.

Наконец, Половинкин остановил группу и, выставив дозоры, велел располагаться на отдых.

Голодные разведчики достали из мешков хлеб, колбасу, сало и молча с жадностью принялись за еду. Цехмистренко не упустил случая позубоскалить:

— Что за народ: стоит им только увидеть жратву — сразу обо всем забудут. Расположились, понимаешь, как дома, а тут, понимаешь, войей за них!

Подобревшие от еды разведчики в ответ только мычали набитыми ртами и продолжали как ни в чем не бывало свое дело, пока не насытились. Кто знает, когда им придется снова поесть — может, и сегодня еще вечером, а может, только завтра.

— Товарищ старшина, разрешите закурить!

— Закуривай по одному.

Власов достал кисет, свернул козью ножку. Цехмистренко накрыл его плащ-палаткой.

— Чур я за тобой!

Чиркнула спичка, и из-под плащ-палатки застелился по траве махорочный дымок.

Покурив, Власов передал козью ножку Цехмистренко, за которым уже занял очередь Николаев.

Марина прилегла в сторонке на сырую траву, положила под голову руки и тут же заснула. Последнее, что она услышала, были сказанные кем-то слова:

— Эх, благодать-то какая!..

Часа через два ее разбудили, и снова вместе с Власовым и Косенко она отправилась наблюдать за дорогой, к которой указал на карте Половинкин. Прошли немного вперед по лесу, затем двинулись вдоль опушки и ползком пересекли небольшую поляну, поросшую высокой и густой травой, в которой хорошо было укрываться, но наблюдать отсюда за дорогой мешали кусты. Решили пробраться к этим кустам и там залечь. Но едва лишь Власов приподнялся, собираясь первым перескочить открытое место, как из лесу выкатилась повозка, запряженная двумя лошадьми. Лошади, фыркая, старались на ходу ущипнуть немного травы, немец-повозочный дергал вожжи, сердито понукал животных. Другой немец, сидя рядом, клевал носом. Трое солдат понуро шли за повозкой. Было слышно, как хлопали в такт шагам крышки их ранцев.

— Может, пугнем, а? — поглядел Власов на Косенко, — «Язык» будет.

Тот покачал головой:

— Шуму наделаем.

Косенко был старше других разведчиков. Ему было лет тридцать, но рассудительности его хватило бы на все пятьдесят. Числился он в роте ездовым, но нередко ходил на задания наравне с другими разведчиками. Вернувшись из разведки, первым делом шел смотреть, накормлена ли лошадь. Марину он звал «девочкой» и часто на правах старшего предостерегал: «Ты поосторожней, девочка, с нашим братом, солдат он и есть солдат».

В середине дня группа снялась с места. Долго шли по какому-то некошеному лугу с жесткой остистой травой до пояса.

На душе у Марины было тревожно и смутно. Острее, чем когда-либо, чувствовала она сейчас свою оторванность от понятного и привычного для нее мира прифронтовой полосы, где рвутся снаряды и мины, свищут пули, где в любой момент тебя могут убить, но где в то же время до своих позиций — рукой подать. Там, если даже тебя убьют, товарищи вынесут тебя и похоронят, как принято хоронить разведчиков.

А здесь, в тишине, в такой, казалось бы мирной и покойной тишине, когда лишь редкий-редкий пролетающий высоко над головою снаряд или неожиданно возникающий гул самолетов в сером, забитом тучами небе напоминает о близости фронта, когда не знаешь, с какой стороны тебя подстерегает опасность, — здесь настоящему страшно.

Передние остановились и залегли, и тотчас же без команды залегла вся группа. Осмотрелись. Прислушались.

Впереди, в небольшом овражке, протекал в кустах ручей. Разведчики спустились в овражек, оставив наверху несколько дозорных.

Вмиг забыли об опасности, жадно прильнули к чистой студеной воде. Кто-то стал отфыркиваться, но его тут же сдернули:

— Ты, зафыркал!

Марина развязала шнурок, откинула капюшон маскхалата, смочила водой голову и лицо.

И уже Половинкин командует:

— Все, хватит! Наполнить фляжки и — вперед! Нехотя поднимаются разведчики с колен, отходя от ручья. Цехмистренко ворчит:

— Ну и жизнь! Напиться и то как следует не дадут.

Озираясь, по одному перешли на другую сторону ручья и скрылись в кустарнике.

Цепочкой взобрались на пригорок, за которым виднелся лиственный лес.

Вечер. Разведчики расположились на небольшой полянке. Радист Тарасов настраивает радию. Половинкин готовит данные для передачи. Монахов лежит с соломинкой в зубах, смотрит в небо и о чем-то думает. Остальные сидят кружком, тихонько разговаривают.

Вот Тарасов настроил радию, и Половинкин стал передавать сведения в штаб дивизии. Получил дальнейшие указания: командованию нужен был «язык».

— Порядок, — мечтательно проговорил Половинкин. — Возьмем «языка», и — домой.

— Ну как, Марина, не жалеешь, что пошла с нами? — спросил Цехмистренко.

— А я, вроде, не жалею!

Половинкин принял ее сторону:

— Скорей кто-нибудь из вас захнычет.

Послышался легкий хруст. Кто-то шел по сухой осенней траве, затем стал пробираться через кусты.

Половинкин нахмурился, оглянулся на шум.

— Говоришь вам, говоришь... Ровно как об стенку горох! Ну, чего вот он лезет, как слон?..

Перед этим один из разведчиков отошел по нужде, и время было ему возвращаться.

— Не иначе, как Монахов!.. — предположил Цехмистренко. Монахов невозмутимо, с ленцой отозвался:

— Я тут.

Раздались негромкие смешки. Но тотчас же смолкли. Кусты трещали совсем уже рядом. Цехмистренко приподнялся возмущенный и, видимо, приготовился сказать пару слов, но Половинкин положил ему руку на плечо:

— Тише ты...

Из кустов высунулась рука, другая загребла пучок веток, и вот на фоне листвы обрисовался силуэт человеческой фигуры — голова в пилотке, плечи, торс...

— Хальт! — негромко выкрикнул, не сдержавшись, Цехмистренко.

Человек на какое-то мгновение замер, всмотрелся в разведчиков и вдруг, проорав что-то по-немецки, повернул обратно и бросился бежать напрямом через кусты.

Двое кинулись за немцем, но скоро вернулись с пустыми руками.

Половинкин скомандовал:

— Быстро уходите!

Тарасов надел на плечи свою радию, и разведчики, пригнувшись, скорым шагом пошли через кусты к полянке, за которой виднелся лес. Они побежали к лесу, но еще не достигли его, как над кустарником, откуда разведчики только что вышли, зашипели ракеты. Полосы света, как от автомобильных фар, пробежали по траве. Разведчики залегли.

Заработали минометы. Мины стали одна за другой рваться в кустах и на поляне.

— Ну и связь у них, сволочей, работает! — восхищенно сказал Монахов.

Чафф... чафф... Одна мина разорвалась недалеко от того места, где лежал Тарасов со своей радицей.

— Не ранило? — спросил у него Половинкин.

— Кажется, радицу задело, — ответил тот.

Когда обстрел кончился, разведчики укрылись в лесу. Там они принялись бурно обсуждать случившееся.

— Ну и паразит! — обругал Цехмистренко немца. — Откуда он только взялся? Какой-то дурной, право...

— Орать не надо было, — сердито сказал ему Власов. — Сейчас бы уже вели «языка»!

— Да я откуда знал, что это немец? — оправдывался тот. — Думал, кто из наших — припугнуть малость хотел.

Всеобщее возмущение перекинулось на дозорных: они-то куда смотрели?

Дозорные обиделись:

— Мы за дорогой смотрели!

— Право, дурной немец, — снова высказал свое суждение Цехмистренко. — За таким не углядишь.

И хотя виновных не нашлось, разведчики старались не смотреть в глаза друг другу: каждый втайне чувствовал какую-то свою личную вину во всей этой истории с немцем. И Половинкин, понимая состояние разведчиков, не старался искать козла отпущения.

— Шляпы мы, а не разведчики, — только и сказал он.

Никто ему не возразил.

— Эх, закурить бы!.. — тоскливо вздохнул кто-то.

— Только по-быстрому, — разрешил старшина.

Разведчики приготовили крошево из сухих листьев — махорка уже кончилась, — бережно вытряхнули из кisetов на ладони махорочную пыль, смешали все это и свернули по сигарке.

— Ох, а у меня что есть! — Марина, с трудом сдерживая охватившее ее радостное чувство, протянула на раскрытой ладони газетный пакетик: — Смотрите, махорка!

Разведчики обступили ее со всех сторон, и некоторое время никто из них не решался взять с ее ладони этот пакетик.

— А не врешь, Маринка? — почти с угрозой в голосе спросил Власов.

Тогда она сама развернула газету:

— На, понюхай!

Разведчики радовались, как дети:

— Ой, спасибо, выручила! Дай бог тебе жене после войны хорошего. Да как у тебя она, махорка-то, оказалась?

Марина уклончиво ответила:

— А я что, не солдат, что ли? Это мой НЗ.

Тем временем Тарасов обследовал радицу. Она была пробита в двух местах осколками, но действовала. Разведчики подшучивали над радистом:

— Понятно, почему ты таскаешь эту свою бандуру: не будь ее — все осколки попали бы тебе в спину.

Тарасов незлобно огрызнулся:

— Вот ты потаскай ее да попадай с нею!

Что верно, то верно: во время обстрела падала на землю с тяжелой радицей на спине радисту приходится в несколько приемов. Марина видела, как, заслышав вой мины, высокий и неуклюжий Тарасов сперва тяжело опускался на

колени, а затем, упершись в землю руками, уже растягивался во всю свою длину.

Темная осенняя ночь. Низкие тяжелые тучи над головой. Ничего впереди не видно. Только чутьем угадывают разведчики дорогу. Но ни один сучок не треснет у них под ногами.

Слева, там, где проходила дорога, послышался шум. Разведчики двигались параллельно дороге. Оставив радиста и с ним еще двоих на опушке, они перешли поляну. За поворотом дорога спускалась в низину. Оттуда доносились выкрики, лошадиное фырканье, завывание моторов. Видимо, образовался затор.

Вскоре по дороге двинулись автомашины с лехотой, а немного погодя — длинные, крытые брезентом повозки, запряженные тяжеловозами и сопровождаемые каждая двумя-тремя солдатами. Шаги солдат были размеренны, неторопливы. В такт шагам брякали котелки. Слышался негромкий говор. Кто-то насвистывал.

Разведчики сидели у самой дороги затаив дыхание. Скрип колес и топот шагов постепенно затихли вдаль. Но вскоре снова возник шум — с другой стороны. Приближалось еще несколько повозок.

Марина была в группе с Николаевым, Власовым, Цехмистренко и Половинкиным. Остальные разведчики устроили засаду левее. Повозки

миновали первую засаду и уже поравнялись со второй...

Николаев подался вперед. Знакомый сухой щелчок. На дороге сверкнуло пламя, и раздался взрыв гранаты. Немцы с криками бросились врассыпную. Застонали раненые. Разведчики открыли огонь.

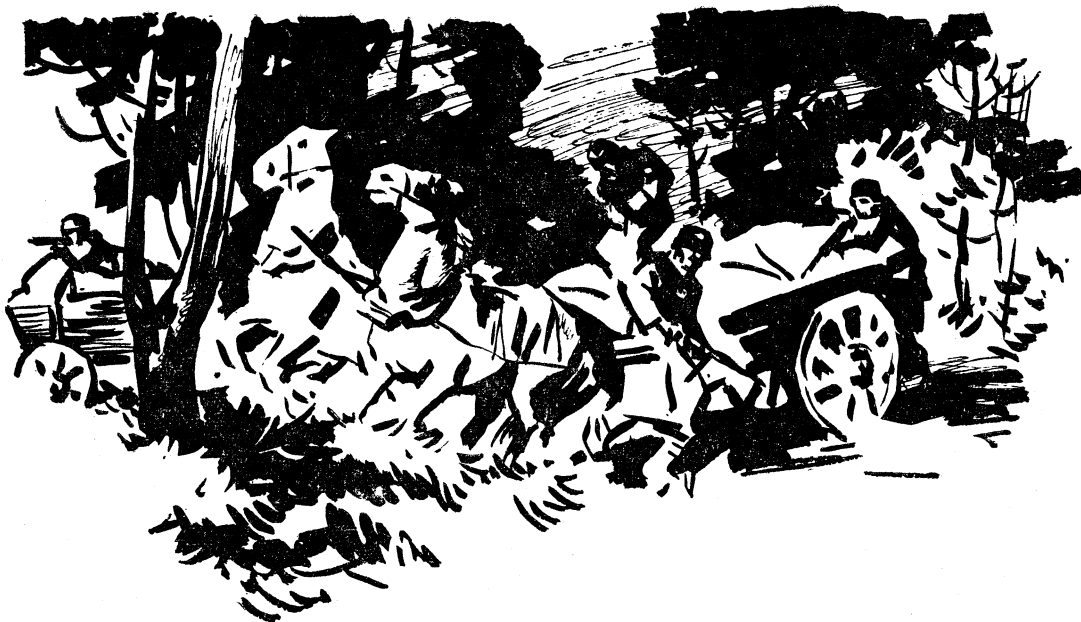
Марина увидела, как один немец споткнулся и упал. Цехмистренко и Половинкин бросились к нему, скрутили. К ним подбежал Власов. Втроем оттащили немца в кусты. А Марина и Николаев тем временем вели огонь из автоматов и бросали через дорогу гранаты. Немцы залегли в противоположном кювете и яростно отстреливались. Слева огонь все нарастал — видно, подросла еще группа немцев.

— Отход!

Немцы преследовали разведчиков, которые теперь уползали к лесу. Жесткая колючая трава царапала лицо. Штрихи трассирующих пуль стелились по самой земле. Непрерывно взлетали ракеты.

Марина последней вошла в лес. Ее уже звало: был ранен Николаев. Рана оказалась легкой, пуля пробилась мякоть предплечья, не задев ни нерва, ни вены. Но у Марины дрожали руки, и она дольше обычного накладывала повязку.

— Все целы? — спросил Половинкин.

— Все, — сказал один из разведчиков.

— Ну-ка, проверь еще раз. Немец цел?

— Цел, товарищ старшина! — в один голос ответили Цехмистренко и Власов. — Послушный гад попался: сам полз.

Немец сидел под деревом, обхватив руками колени и внимательно приглядывался то к одному, то к другому разведчику, стараясь, видимо, понять, кто тут старший. Несколько раз Марина ловила на себе его недоумевающий взгляд.

— Как у него там Гитлер, гут? — спросил Половинкин.

— Найн, найн! — замотал головой немец.

— Ну, пошли дальше!

Власов потянул немца за шиворот:

— Ты, вставай! Расселся...

Немец поднялся, испуганно оглядел разведчиков. Ему показали рукой вперед, и он, сгорбившись и втянув голову в плечи, зашагал рядом со своими конвоирами.

Разведчики шли скорым шагом и, словно забыв о том, что они не на своей территории, незаметно сблизись в кучу. Половинкин шепотом, но энергично обругал их:

— Как идете, так вашу!.. А если — мина? Всех до одного укукошит...

Разведчики растянулись цепочкой.

Время от времени Половинкин останавливал группу, доставал фонарик и, прикрыв его плащ-палаткой, сверялся по азимуту.

А разведчики, пользуясь случаем, «разговаривали» с немцем. Немец все озирался вокруг, тыкал в разведчиков пальцем:

— Партизанен? Партизанен?

Те кивали:

— Я, я!

Тогда немец показывал на свою грудь:

— Капут?

Разведчики весело переглядывались:

— Стоило нам ходить так далеко, чтобы теперь кокнуть тебя!

Немец грустно качал головой:

— Я, я...

Во время одной из остановок Марина решила немного побаловать разведчиков: достала фляжку, отвинтила пробку и каждому дала по разу глотнуть. Разведчики подталкивали фляжку руками, приседали, старались хлебнуть побольше. Но впереди был еще долгий путь, и надо было оставить немного про запас, на случай, если кого-нибудь ранит. Поэтому Марина крепко держала фляжку в руках.

Кругом было спокойно, и разведчики быстро продвигались к линии фронта. Слух уже улавливал знакомые привычные звуки прифронтовой полосы, когда неожиданно поблизости хлопнула граната. Прострелотала очередь. Еще. Еще.

Разведчики бросились врассыпную. Темноту прорезал истошный вопль Половинкина:

— Ленька, держи немца!!!

Разорвалось еще несколько гранат. Отстреливаясь, разведчики укрылись в кустарнике.

— Все целы?

— Все, товарищ старшина!

— Марина, проверь.

Тарасов доложил:

— Товарищ старшина, рацию гранатой на куски разбило... — голос растерянный, виноватый. Половинкин отмахнулся:

— Черт с ней, с твоей рацией! Надо уходить, пока немцы не очухались.

Справа и слева слышались автоматные очереди. Видимо, кустарник уже прочесывался. Разведчики спустились в болотистую низину и пошли напрямик.

Когда вышли на открытое место, снова попали под обстрел. Но на этот раз стреляли из-

далека — скорее всего, из траншей. Разведчики еще ускорили шаг. Впереди двигались дозорные, следом вели пленного, а за пленным, выбиваясь из сил, трусила Марина. Немец и правда попался послушный: без команды, когда надо, ложился, полз, перебегал, снова ложился и снова полз рядом со своими конвоирами. И вдруг:

— Стой, кто идет?..

— Свои, — ответили разведчики, забыв даже назвать пароль — так обрадовались они этой встрече.

Не задерживаясь, прошли прямо в роту. Выскочил из своей палатки капитан Мартынов:

— Ну как, все целы?

Половинкин доложил о выполнении задания.

— Товарищ капитан, — выступил вперед Тарасов, — рацию разбило гранатой. Ничего от нее не осталось.

— Ладно, — махнул рукой Мартынов. — Что рация, главное — люди все целы.

Он сам повел пленного в штаб дивизии.

Марина зашла в шалаш и сняла с себя мокрый маскхалат. Она чувствовала, что, несмотря на усталость, не уснет сейчас.

Переодевшись в сухое, она пошла в расположение противотанкового дивизиона. От волнения сильно билось сердце. Марина представляла себе встречу с Васей Васильевым какой-то необычной и радостной. Она боялась, что в первую минуту не выдержит и расплачется.

Но на том месте, где, как ей сказали, стоял противотанковый дивизион, уже никого не было. Два часа назад дивизион был переброшен на другой участок фронта.

IV

Вечером седьмого марта 1944 года командир разведроты капитан Мартынов поздравил гвардии старшину Парфенову с наступающим праздником.

— Девчата в медсанбате вечеринку затевают, — сказал он и, достав из кармана кисет, принялся сворачивать самокрутку. — Давно, поди, не танцевала с кавалерами?

— Какие же танцы, товарищ капитан!

— А вот такие: под патефон, — посмотрел на часы. — До двадцати четырех ноль-ноль можешь быть свободна. Хватит?

— Ой, спасибо, товарищ капитан!

Марина вприпрыжку бежала к своей землянке. Навстречу шли солдаты с котелками — был час ужина.

— Ты чего такая веселая, Маринка?

— На вечер иду!

Вот и землянка. С разбегу Марина запуталась в плащ-палатке, навешенной для тепла на дверь изнутри. Послышались недовольные голоса:

— Кто там еще лезет? Заходи скорее — дует.

Разведчики сидели вокруг печурки и тянули из кружек чай.

— А я на вечер иду!

Все заинтересованно повернули головы. Юра Каткович спросил:

— У тебя хоть юбка-то есть — в чем танцевать будешь?

— А как же!

Юбка у нее в вещмешке. Наверное, только измялась вся. Ну, да в санбате у девчонок есть уют.

Каткович пригладил ладонью рыжеватые усы.

— Нас-то возьмешь с собой?

— Не хватало еще! Здесь надоели, — Марина скинула гимнастерку, оторвала полоску белой материи и стала пришивать новый подворотничок.

Каткович не унимался.

— Что ж, — тяжело вздохнул он. — Напрашиваться не будем. Тоже и у нас своя гордость имеется...

А правда, вдруг подумалось Марине, почему бы и не позвать кого-нибудь из ребят? Вот только кого? Веселыми, счастливыми глазами она оглядела разведчиков. Все они славные парни и, будь ее воля, она взяла бы их всех с собой на танцы в медсанбат. Но кого же выбрать? Катковича? Он умница и веселый, даже интеллигентный. С ним о чем угодно можно поговорить — скучно не будет. Поплясать, попеть — это тоже за ним не станет. И только кавалером своим она его представить не могла. Кем угодно — товарищем, старшим братом, — только не кавалером. Так уж с самого начала сложились отношения между нею и остальными разведчиками. Они, как большие наивные дети, ревниво берегут ее — единственную в роте девушку — и от посторонних ухаберов, и друг от друга... Они не простили бы ей, если бы она вдруг в кого-нибудь влюбилась. Наверное, все разом возненавидели бы ее... К счастью, она и не думает ни в кого влюбляться.

Но все-таки кого она позвала бы с собой сегодня на вечеринку? Вот разве Сашу Туманова... Но Саша Туманов сам не пойдет. Он уже улегся на топчан. Под головой кулак, а в изголовье — коптилка. Читает какую-то книжку без начала и без конца. Саша Туманов, по прозвищу «Одесса», высокий, смуглый, красивый парень, попал в разведку из морской пехоты после ранения. Он никогда не снимал с себя тельняшки и заносил ее уже до дыр. Видно было, что он тоскует по морю, по товарищам, с которыми воевал прежде. Но вот что Марине казалось странным: когда в роте появлялся почтальон и разведчики шумно обступали его со всех сторон, Туманов на это время куда-нибудь уходил подальше, а потом долго от него слова нельзя было добиться. Да и вообще он не очень-то вступал в разговоры, если они не касались службы. Но иногда на него находило: вдруг ни с того ни с сего примется рассуждать об охоте на львов, про которую только что прочитал в безымянной книжке, или о судьбе племени инков... Марину он первое время словно бы не замечал, и ее самолюбие помаленьку страдало от равнодушного Сашиного взгляда.

Нет, не пойдет с ней Туманов...

— Ты там не очень, смотри, — сказал Каткович. — Знаем мы этих лейтенантов.

Это показалось Марине обидным. Что за народ, обязательно надо испортить настроение! Она досадливо отвернулась.

— Раз так — никуда я не пойду!

Каткович сразу дал отбой:

— Тоже мне, шуток не понимаешь! На-ка вот, погрейся на дорожку, — и он протянул ей кружку с горячим чаем. — Не сердись.

Марина взяла кружку.

Потом она достала из вещмешка зеленую, военного образца, юбку, разгладила ее ладонями, примерилась.

— Кру-гом! — скомандовала она разведчикам, и те послушно отвернулись, чтобы дать ей переодеться.

Но как раз в этот самый момент в землянку взлетел связной:

— Парфенова, живо к ротному!

Когда она опять вернулась в землянку, разведчики уже натягивали маскхалаты. Делали они это спокойно и основательно, как если бы собирались на дорогу, зная, что отстоят у станка свои восемь часов и — домой.

— Да ты не расстраивайся, Маринка, — сказал Каткович. — Ведь еще только седьмое, до праздника далеко. А там, живы будем, поди, выйдут нам по чарке...

Она не то чтобы расстроилась. Просто было немножко грустно. Ведь, по правде сказать, она еще ни разу в жизни не танцевала с кавалерами. И была у нее сегодня маленькая мечта: заиграет музыка, закружатся пары, и подойдет к ней высокий красивый офицер: «Разрешите пригласить на вальс!..» Совсем крошечная мечта была. Ну, ничего не поделаешь. Праздник там или не праздник — сегодня ей танцевать уже не придется. Когда она явилась к ротному, он даже не посчитал нужным отменить отпуск, который сам же предоставил Марине четверть часа тому назад. Он лишь сказал, что дело предстоит трудное, и велел захватить на этот раз побольше перевязочных материалов. Но и этого он мог не говорить.

Группу повел командир взвода лейтенант Малых, который сменил выбывшего по ранению старшину Половинкина. Гуськом, в полный шаг, долго выходили на исходный рубеж. Перед глазами, на фоне дрожащего, выветленного ракетами и словно бы фосфоресцирующего неба четким силуэтом вырисовывалась широкая спина Катковича. Время от времени тот оборачивался и недовольно бросал:

— Чего отстаешь?

— Да не отстаю, успокойся! — и Марина прибавляла шаг.

Впереди, чуть правее, тяжело ухнуло. Вот — еще. На этот раз снаряд разорвался левее. И пошло. Немцы начали вечерний обстрел наших позиций. Снаряды рвались методично, через равные промежутки времени. И при каждом разрыве вздрагивала под ногами земля.

Когда группа вышла к переднему краю, освещение ракетами усилилось. Пришлось засесть в траншею и выжидать, пока не кончится обстрел. Траншея была мелкая, с уклоном в одну сторону и заледенелым дном. Марина никак не могла пристроиться поудобней: то нога затекала, то подмерзал бок.

— Ну посиди хоть минуту спокойно! — сердился Каткович.

Ракеты взлетали одна за другой. Иногда их повисало в воздухе по три и по четыре сразу, и тогда можно было рассмотреть в бинокль каждый бугорок на том берегу. Лед на реке был весь разбит снарядами, и казалось, будто на сером, изрытом воронками снегу лежит большая черная мертвая змея. И только в одном месте, на излучине, виднелась перекинутая с берега на берег белая полоска шириной метра в полтора. На карте здесь значился мост. Уцелевшие чудом доски настила видно крепко держались на сваях. По этим доскам разведчики и предполагали перебраться на тот берег. Другого пути не было. И сейчас, когда вся долина реки была залита ярким мертвенно-белым светом, казалось просто невероятным, чтобы немцы прозевали, не за-

метили целую группу разведчиков, когда она будет перебираться через этот единственный, стоящий на самом виду мост.

Вражеский берег был высок и обрывист. От моста сразу начинался подъем в гору. По склону в два ряда тянулись траншеи, соединенные между собой ходами сообщения. Третья траншея проходила по самой вершине, прямо через деревню, от которой теперь осталось лишь название — Бураки — да обугленные развалины. Над развалинами мрачным черным обелиском возвышалась единственная печная труба. Возле трубы немцы установили тяжелый пулемет.

Задание, которое получили разведчики, выразилось одной короткой фразой: «Уточнить передний край противника в районе Д. Бураки». Возможно, у немцев на этом участке не один, а два или три пулемета. Разведчики должны были точно установить их число и местонахождение. Они должны были также выяснить, с какой плотностью располагается в траншеях пехота.

Готовилось наступление, и командование дивизии все настойчивей требовало от разведчиков активных действий. Разведчики ни одного дня не сидели без дела, и если они до сих пор не добыли контрольного пленного, то вовсе не потому, что не старались его добыть. В последний раз они снова вернулись с пустыми руками, хотя готовились к операции долго и тщательно: темными метельными ночами они ползали через нейтральную полосу в расположение противника и вели наблюдение за одним блиндажом с такого близкого расстояния, что даже сквозь завывание ветра слышали немецкую речь. Следы, которые оставляли разведчики на снегу, к утру заметало. И как раз в последнюю перед операцией ночь метель утихла, небо очистилось от облаков, и на нем зажглись яркие звезды. Возможно, что немцы утром обнаружили следы разведчиков, ходивших последний раз в наблюдение, и устроили возле блиндажа засаду. Но это — всего лишь предположение, высказанное уже после, во время разбора не удавшейся операции. Если была засада, то для чего тогда немцы взяли разведчиков под сильный перекрестный огонь еще задолго до того, как те подползли к блиндажу? Куда логичнее было подпустить группу вплотную к цели и отрезать ей путь к отходу. Когда с двух сторон по разведчикам забили пулеметы, старший группы командовал: «Бегом, вперед!» Разведчики быстро вышли из полосы обстрела и укрылись в кустарнике. Двое остались лежать на снегу. Одного Марина перевязала, другой уже не нуждался в помощи. Может быть, старшему следовало тогда вернуть группу назад? Но у разведчиков не было уверенности в том, что неприятель их обнаружил. Операцию решили продолжать. И вот четверо разведчиков, вооруженные гранатами, финками и пистолетами — группа захвата, — уже крадутся к блиндажу. Сейчас они ворвутся внутрь и... Но ворваться в блиндаж им не удалось. Внезапно оттуда, из блиндажа, ударил в глаза разведчикам слепящий свет, и в упор по ним забил пулемет. Кто-то из ребят успел метнуть в амбразуру гранату, и пулемет захлебнулся, но тут слева ударил другой... А несколько часов спустя Марина плела из еловых веток венки погибшим в этой операции товарищам. С одним из них — старшим сержантом Монаховым — она ходила в свою первую разведку на Курск-Белгородской дуге, восемь месяцев тому назад. Сколько она уже сплела за это время венков, сколько

оплакала!.. Теперь вот — Монахов. Теперь из этой группы в двенадцать человек она одна осталась в роте. Неужели очередь за ней?

...Наконец все вокруг погрузилось в непроглядную тьму. Исчезли и река, и мост, и гора, и труба на горе — как будто их вовсе и не было. Исчез Каткович. Исчезли разведчики. Показалось было, что и сама Марина перестала вдруг существовать — осталось лишь сознание, ощущение прожитой жизни.

Сколько это продолжалось? Секунду? Полсекунды? А может, целую минуту, пока не взлетела следующая ракета и все не стало на свое прежнее место — и река, и гора, и сгоревшая деревенька на горе, и неподвижная, ссутулившаяся спина Катковича?

Но теперь было тихо — артобстрел кончился. И когда ответила свое эта последняя ракета и снова все вокруг погрузилось во мрак, Марина почувствовала легкое прикосновение руки Катковича:

— Пошли.

Она взяла удобней на руку автомат и поползла за Катковичем, стараясь держаться от него на таком расстоянии, чтобы не выпускать его из виду. В темноте она едва улавливала движения его рук и ног, но этого было вполне достаточно, чтобы чувствовать себя вместе с группой, живой ее частью.

Послышалось знакомое шипение, и тело инстинктивно замерло, вжалось в снег. Глаза сами собой зажмурились, чтобы потом, когда ракета догорит, им не надо было привыкать к темноте.

Ракета еще не догорела, когда в напряженной темноте раздался негромкий удивленный возглас:

— Ой, кто-то шеволится!..

Это новичок Коля. Он сейчас лежал рядом с Мариной. Марина вглядывалась в темноту. Ничего не видно.

— Сиди, сам ты шеволитесь!

Послышался сердитый шепот:

— Отставить разговоры!

Но немного погодя Коля вновь удивленно ойкнул:

— Ой, Марина, шеволится!

Теперь Марина тоже увидела. В неровном свете догорающей ракеты ей тоже показалось, будто на горе зашевелилась труба сгоревшего дома. С тех пор и прилепилось к парню это нелепое прозвище — Шеволится. Коля Шеволится. А настоящая фамилия забылась.

До реки, вниз по пологому склону, дополз-

ли сравнительно быстро. Затем лейтенант выслал вперед трех разведчиков. Остальные остались ждать. Лежали, как остановились, цепочкой, чутко прислушиваясь к малейшему шороху, доносившемуся со стороны моста.

Марина не видела и не слышала, как эти трое поползли к мосту и как один из них вернулся назад и доложил лейтенанту, что по мосту пройти можно. Она мысленно дублировала работу старшего группы, и, когда рука Катковича вновь легонько коснулась ее плеча, она поняла, что на мосту все тихо, и сейчас наступит самый, пожалуй, ответственный момент всей операции: если группа благополучно перейдет на тот берег — можно считать, что полдела сделано. Вся штука в том, чтобы на мосту тебя не осветили ракетой. Но если действовать слишком поспешно — может скрипнуть под тобою мерзлая заледневшая доска или о нее стукнется автомат. Пока двое или трое ползут — остальные лежат затаив дыхание и чутко прислушиваются.

Когда наступила очередь Марины ползти через мост, она даже почувствовала некоторое облегчение. И может быть, поэтому она меньше волновалась и движения ее были легки и бесшумны. Один раз она, правда, испуганно вздрогнула, когда что-то стукнулось под мостом о сваю — может, это был всего лишь кусок льда, — послышался легкий всплеск, и тут же со стороны немцев прострочил, как бы в ответ, автомат. Но прошла секунда, другая, и вновь установилась напряженная тишина.

Последними поползли через мост Каткович и лейтенант Малых. Остальные уже вскарабкались на обрыв и залегли цепочкой вдоль его края. Сверху Марине был виден весь мост — темносерая неровная полоса на черном фоне спокойной воды. Фигуры разведчиков, медленно движущиеся по мосту, даже с такого близкого расстояния были едва различимы глазом. Только бы не засветила ракета! Пока все складывается удачно. Остается каких-нибудь три метра... Два... Каткович и лейтенант ползут друг за другом почти впритык, осторожно, как слепые, ощупывая руками скользкие доски.

Лейтенант — он полз первым — уже коснулся руками берега, когда в воздухе внезапно возник и как бы повис над головами разведчиков жуткий в этой своей внезапности вой мины. Как-то доли секунды он нарастал, усиливался и лопнул, как-то тоже неожиданно — глухо и сильно. В следующее мгновение Марина увидела возле моста взметнувшийся вверх столб воды.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

СЕВЕРНЫЙ УРАЛ — это короткое лето, часто тоскливая осень и долгая суровая зима. Гораздо оптимистичнее смотрятся на карте: Пицунда, Гагры, Геленджик... Но почему-то с каждым годом все больше и больше людей едет на Кольский полуостров, на Камчатку, на Соловецкие острова. Некоторые забираются даже на Таймыр. Очень скоро и на Северном Урале будетлюдно.

Северный Урал настолько индивидуален, что, побывав тут раз, невозможно забыть увиденное.

На этих снимках показана лишь часть того, что нам довелось заснять на Денежкином Камне, на Главном хребте, на реках Лямпа, Кутим, Улс, Вишера.

По вечерам тайга затихает. И ты стараешься не шуметь, чтобы не потревожить ее дремоту.

Главный хребет. Полторы тысячи метров над уровнем моря. Многие говорят, что это мало... Но вы заберитесь сюда сами.

Плодородного слоя, как такового, — нет. Просто мох, камни и... деревья. Небольшие террасы, подьемы. Затем растительность исчезает, только кое-где, одолев крутизну, наперекор ветрам дерзко зеленеют березки. Потом исчезают и они. Вы остаетесь один на один с камнем.

Река в горах — это неумолкаемый разговор, то нежный, то гневный. Это — и путь к вершине: река в верховьях наиболее спрямлена. Стремительность горной реки заряжает вас энергией, придает лег-

Выше этих мест уже ничего не растет.

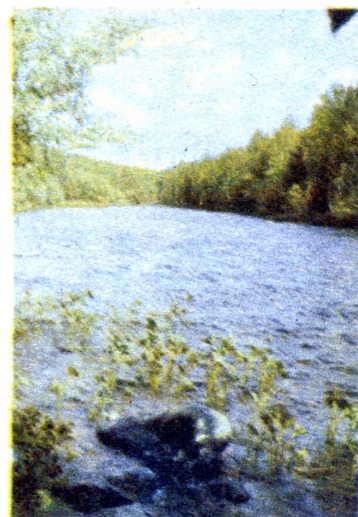
Подходы к хребту сулят столько неожиданного, что не знаешь: досадовать или радоваться.

Это начало Лямы Кутимской...

кость движениям. «Голос» Сухого Шарпа в половодье полон спокойной силы. Звуковая палитра Лямы Кутимской насыщена разнообразием. А Кутим озорно и бешено звенит и играет на перекатах. Я знал одного чудака, который всерьез хотел составить «звуковую карту» горных рек.

Но звуки звуками, а вы до конца не поймете, что такое горная река Северного Урала, если не отведаете уха из хариуса. Вы надолго запомните тот перекат, где вашу самодельную «мушку» из медвежьего меха стремительно схватит верткая серебристая рыбина. Трудно передать всю остроту переживаний этого момента. Это — спорт! Это — честный поединок с сильным и опытным противником!

После впадения Лямы, Кутим становится полноводным и буйным. Раздолье для рыбаков и байдарочников.

Конец июля, начало августа. Когда с гор не дуют ветры, в долинах наступает удивительная пора: теплый воздух, настоенный на разнотравье, пьянящ и тягуч. Из-под ног в разные стороны разлетаются яркие цветы. Что за наваждение? Цветы плавно опускаются на землю... Так ведь это же бабочки!

Над прибрежными кустами струится нагретый воздух. Слышно, как кто-то далеко внизу старательно отбивает косу. Да еще глуше — перестук моторки. Двадцать — тридцать километров поднимаются люди вверх по Кутиму на богатые покосы. И стоят по берегам крутобокые стога — символ прочной оседлой жизни.

А над лесом уже собираются плотные белые облака. Они наползают друг на друга, сшибаются. Не «за горами» многодневные затяжные дожди — первый признак наступающей осени.

... А это метаморфоза, произошедшая с ней. Несколько десятков километров — и в этой красавице уже трудно угадать угловатого подростка.

Стога — верный признак оседлой жизни.

Была гроза. Тайги стонала и хрипела. А утром только следы разрушений напоминали о страшной ночи. На берегу лежала огромная ель. Прозрачные капли смолы блестели на солнце, да мохнатые ветви осторожно касались воды.

В этот год в тайге будет много белок, клестов, синиц.

Если у вас есть в резерве несколько дней, остановитесь в районе бывшего поселка Кутим, не спеша походите по окрестностям, посетите развалины Кутимского железодобывающего завода, поднимитесь на отроги гор к старым рудникам. Покинутые людьми места всегда дают пищу для размышлений.

По вечерам перед вами молчаливо и гордо синее таинственное Кваркуш. Прекрасно

знаешь, что вон на том ровном плато манси пасут оленей, а вон за тем перевалом начинается тропа на Ваю, но воображение рисует картины давней жизни северных племен, беснующегося у костра шамана, и отблески пламени играют на золотом идолище — легендарной Бабе...

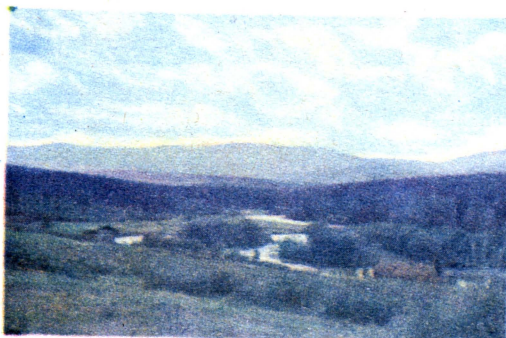
До следующей встречи, Северный Урал!

П. Деркач.

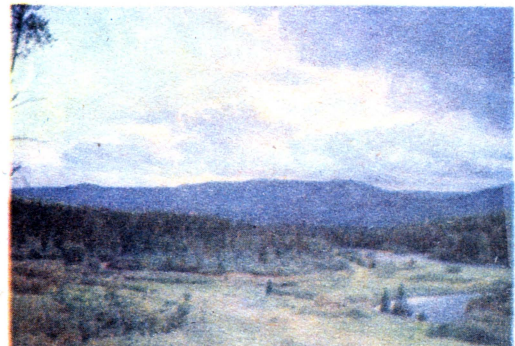
Фото автора

Сегодня в тайге праздник: веселый путь, голубое небо и сочная зелень.

Долина Кутима. Вечереет. Позади уже много километров пути.

Вид Кваркуша настраивает на эпический лад. Кажется, что именно здесь родились многие легенды.

И. РУБАН

МИТИНГ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

ВИЗИТ „ГЕНЕРАЛА“

Л. КОМАРОВ

Рисунки Л. Полстоваловой

Несколько лет назад в редакцию журнала «Москва» зашел пожилой человек и показал характеристики, выданные ему много лет назад Г. М. Кржижановским и А. В. Винтером.

В характеристике, написанной академиком А. В. Винтером, в частности, говорилось:

«Знаю Бреннера с 1907 года, когда поступил на Московскую электростанцию, директором которой был Р. Классон. В 1912 году, когда приступили к постройке первой в России торфяной электростанции, Классон привлек Бреннера, которого высоко ценил, к организуемым работам. В 1925 году, когда была закончена постройка Шатурской электростанции имени Ленина и она была включена в систему МОГЭСа, Бреннер состоял ее ученым секретарем. За тридцать девять лет работы в МОГЭСе и Главэнерго он внес большой вклад в дело строительства и эксплуатации электростанций».

Когда я познакомился с Василием Александровичем Бреннером, ему было под девяносто лет. Рассказал он мне одну прелюбопытную историю...

Было это в канун Октябрьской революции. Шла империалистическая война. Все заводы России выполняли военные заказы. Немало было работы и на московской электростанции.

Директором-распорядителем станции в то время был известный энергетик Роберт Эдуардович Классон.

В управлении станции постоянно быва-

ли посетители — правительственные чиновники, промышленники, требовавшие увеличения подачи электроэнергии, представители различных обществ.

Роберт Эдуардович Классон, чтобы как-то разгрузиться от массы дел и забот, попросил Бреннера, в то время ученого секретаря станции, взять на себя труд принимать посетителей и, по возможности, самостоятельно разрешать вопросы.

И вот в один из февральских дней 1916 года на станцию приехал неизвестный генерал. Курьер доложил Бреннеру, что его превосходительство желает поговорить с директором-распорядителем.

— Проси! — кивнул Бреннер.

Их превосходительство вошли в кабинет и, приятно улыбаясь, потребовали:

— Нам необходимо поговорить лично с Классоном.

Генерал был довольно молод, подтянут.

— Не можете ли вы мне изложить ваше дело? — спросил Бреннер. — Роберт

Эдуардович очень занят. Может быть, я смогу вам помочь.

— Нет, мне нужно лично повидать директора Классона,— сказал генерал.— Дело очень важное.

Генерала провели к Классону.

Минут через десять-пятнадцать Классон по телефону вызвал Бреннера к себе. Генерал сидел в кресле у стола.

— Его превосходительство задались хорошей целью: снабдить наши прифронтовые лазареты художественной литературой,— сказал Классон Бреннеру.

Роберт Эдуардович вырвал из блокнота листок и размашистым почерком красным карандашом написал: «В кассу. Выдать Бреннеру В. А. 500 рублей для обеспечения прифронтовых лазаретов художественной литературой. Классон».

— Прошу вас, Василий Александрович, получите деньги и вручите его превосходительству.

Генерал любезно простился с Классоном.

— У вас очень приятный директор,— сказал он Бреннеру на прощание.

Недели через две утром Классон срочно вызвал Бреннера к себе. Он был очень взволнован, ходил из угла в угол по кабинету и дергал себя за бородку.

— Василий Александрович! Что за личность под видом генерала вы привели ко мне несколько дней тому назад? Никакой это не генерал... Меня вызвали в

охранку... Кто бы это мог быть? Сколько вы ему дали денег?

— Пятьсот рублей, как вы распорядились...

— М-да,— Классон остановился у окна.— История малоприятная. Но я к этим прохвостам не поеду. У меня нет никакого желания снова иметь с ними дело...— он задумался.— Однажды, это было уже в Баку, они мне ужасно надоели. У меня работал прекрасный монтер Сергей Яковлевич Аллилуев. Он был из революционеров. Его несколько раз арестовывали. После отсидки он снова приходил ко мне, и я брал его на работу. Все это, разумеется, не очень нравилось бакинской охране, и в конце концов меня вызвал к себе для объяснения губернатора... М-да! Так вот, в охранку я не поеду. Поедете вы. Я ведь знаю об этой истории не больше вас. Обратитесь там к некоему полковнику Бергу.

— Ну, а если?..

— Если что, мы вас вызволим оттуда.

Бреннер нанял извозчика и поехал на Тверскую, в Малый Гнездиковский переулок, где находилось охранное отделение Московского градоначальника.

Мрачное помещение с большими деревянными скамьями вдоль стен настраивало на невеселые мысли. Жандарм проводил Бреннера в нужный кабинет.

ЧЕЛОВЕК № 182944

В седьмом номере журнала за прошлый год был опубликован мой очерк «Доктор Федотов». Помните, там говорилось, что в 1943 году Федор Тимофеевич Федотов вместе с главным врачом Емильчинской больницы Василием Прокофьевичем Козюлиным и еще четырьмя товарищами был арестован гестапо? Из шестерых лишь одному Федотову чудом удалось уйти от фашистов. Вот момент его встречи с партизанским связным Василием Гараем:

«— Федотов?!
— Не видишь?

Смотрит пустыми глазами, и руку в карман.

— Вижу... Вчера гестапо Козюлина расстреляло и еще четверых... тех, что с тобой взяли».

Вскоре после опубликования очерка в адрес Федора Тимофеевича стали приходить письма от соратников по партизанскому отряду и Емильчинской подпольной организации. Одним из первых откликнулся... Василий Прокофьевич Козюлин!

Оказалось, что партизанский связной был введен в заблуждение и не кем иным, как самим гестапо: ничего не добившись от подпольщиков Васи-

— Кто вы, ваша фамилия, должность, зачем пожаловали? — спросил полковник.

Бреннер назвал.

— Вы — немец? — спросил полковник.

— Нет, я русский. Родители знали по-немецки, но были православными.

— А фамилия — немецкая, — начал полковник Берг.

— Но ведь у вас, простите, тоже...

— Да, но мы приходим из старинного дворянского рода, — сказал полковник. — Скажите, что за прохвост к вам приходил?

— Вы спрашиваете о генерале нашей армии?

Берг стукнул кулаком по столу и начал кричать:

— Сколько денег вы ему дали?

— Пятьсот рублей, — сказал Бреннер, — как и было приказано.

— А сколько вы получаете?

— Двести пятьдесят.

— Вы этому проходимцу отвалили ваш двухмесячный оклад!

— Но объясните, пожалуйста, в чем дело?

— Хотите знать, кому вы дали деньги и на что? Извольте! — Полковник перезал на стуле. — Вы выдали пятьсот рублей бунтовщику, революционеру. Это уже не первый случай. Они собрали большую сумму и завалили прифронтовые

лазареты революционной антиправительственной литературой!..

— Видно, знают дело, — произвольно вырвалось у Бреннера, и он пообещал: — Если этот генерал снова явится к нам, мы его задержим.

— Что?.. — полковник Берг нахмурился. — Так он вам и пришел еще раз!

— Чем же кончилась вся история? — спросил я у Василия Александровича.

— А ничем. Скорей всего, «генерала» жандармы не поймали. А вскоре совершилась Октябрьская революция. Об этом происшествии я в свое время сообщил Глебу Максимилиановичу Кржижановскому. А несколько лет спустя он мне рассказал: «У меня в Садовниках как-то гостил Владимир Ильич. Я ему поведал историю с твоим «генералом». Ленин от души смеялся и тоже очень хотел знать, кто же был этот талантливый человек, так ловко сыгравший «генерала».

Но это так и осталось загадкой.

История подпольной революционной борьбы знает немало случаев, когда в условиях строжайшей конспирации подпольщикам приходилось прибегать к самым фантастическим трюкам. Порой, чтобы отвлечь внимание сыщиков и шпионов, приходилось устраивать целые спектакли.

Одним из таких отважных бойцов большевистского подполья был и безвестный «генерал».

для Козюлина, Ивана Журбы, Петра Грицака и Андрея Подгорецкого, гестаповцы Емльчинского отделения инсценировали расстрел и отправили арестованных тайком в Житомир, в свою вышестоящую инстанцию. Четверых. А что же они сделали с пятым? Пятый — гебитсврач Самусенко — оказался провокатором. Он-то и выдал гестаповцам известных ему подпольщиков. Впоследствии предатель был казнен партизанами.

Несколько месяцев немых пыток. Фашисты догадывались, что ниточка из Емльчинского подполья тянется в Житомир. Но ни один из четверых не проронил ни слова. Тогда гестаповцы бросили всех четверых в концлагерь, в один из самых страшных лагерей смерти — в Майданек. Видимо, рас-

считывали, что кто-нибудь в конце концов все же ослабнет духом, не вынесет длительных мучений и проговорится.

Там, в Майданеке, официально перестал существовать человек по фамилии Козюлин. Вместо него появился заключенный под номером 182944. Однако он продолжал оставаться душой и руководителем отважной четверки, коммунистом, и друзья по-прежнему звали его Васей. С риском для жизни он оказывал врачебную помощь больным и раненым узникам лагеря, подбадривал товарищей, тех, кто начинал падать духом, убеждал их в необходимости вести борьбу.

После Майданека — Освенцим. Но и этот комбинат смерти не поколебал мужества советских людей. Незадолго перед отступлением гитлеровцы эва-

куировали часть заключенных в Ляйтмериц — наспех сооруженный в Судетской области концлагерь, — где вскоре намеревались физически их уничтожить.

Козюлин сумел организовать побег своей четверки. Ему, Подгорецкому и Грицаку удалось перейти линию фронта. Четвертый, Иван Журба, пал от пули эсэсовца. Затем в составе 12-й танковой бригады Василий Прокофьевич воевал до самого дня победы.

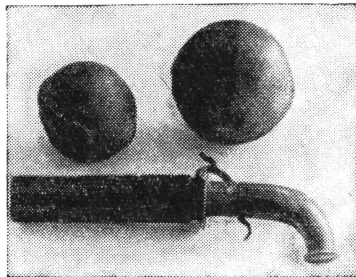
Но как же все-таки Козюлин попал в Емльчинское подполье?

Летом 1941 года 140-я стрелковая дивизия, в которой служил молодой военврач третьего ранга Василий Козюлин, оказалась в окружении. В районе Шепетовки гитлеровцы взяли Василия в плен вместе с группой раненых, которых он не

В городе Артемовском, на окраине, получившей название Новостройки, ребята нашли пистолет, четырехствольный, с латунной рукояткой. Все детали его кованые. Сваренные стволы поворачиваются на 90 градусов, устанавливая заряженный ствол для очередного выстрела.

Пистолет этот сделан в XVIII веке, когда были предприняты первые попытки автоматизации личного оружия. К сожалению, отметку о времени изготовления или имя мастера, которое раньше ставилось на каждом изделии, обнаружить не удалось.

Что за история кроется за этой находкой? Ее можно лишь представить. Пистолет был найден вблизи старой зимней дороги, идущей от Екатеринбургa через Невьянск, село Покровское и Шогриш на уездный город Ирбит. День и ночь по этой дороге тянулись

обозы с товарами на знаменитую Ирбитскую ярмарку, на тройках неслись купцы. Не дремали и лихие люди. Вот и приходилось вооружаться торговому люду и чиновникам.

Но мы так и не узнаем, почему один из стволов остался заряженным, а на другом есть

вмятина, похожая на след сабельного удара...

Близ той же дороги найдены чугунные ядра. Как они попали сюда и почему поверхность ядер шероховатая?

Во время Отечественной войны 1812 года уральские заводы поставляли русской армии пушки, бомбы, ядра, картечь. Лили ядра Режевской завод корнета Яковлева, Алапаевский и Ирбитский подполковника Яковлева. Но не везде имелись шлифовальные станки. Известно, что с Ирбитского завода (ныне поселок Красногвардейский) возили шлифовать ядра в Режевской завод и только оттуда направляли их на Утку для сплава по Чусовой. Возможно, ребята и нашли продукцию старого Ирбитского завода.

Пистолет и ядра переданы в Артемовский народный краеведческий музей.

А. БРЫЛИН

пожелал оставить на произвол судьбы. По пути в Житомир — пленных гнали пешим порядком — ему и политруку роты Михаилу Подройкину удалось совершить побег. В Житомире Козюлин встретил знакомого врача Василия Дмитриевича Шишкина, оказавшегося членом подпольной организации. После необходимой в таких случаях проверки Шишкин познакомил Козюлина с одним из руководителей Житомирского подполья доктором Першиным. Подпольный комитет снабдил Василия Прокофьевича документами и направил со специальным заданием на работу в Емильчинскую больницу.

Вскоре после прибытия туда Козюлина Емильчинская районная больница стала настоящим штабом вооруженного сопротивления оккупантам. Было налажено снабжение партизан медикаментами, из тайников извлекалось оружие и переправлялось в партизанский отряд. Одно время в больнице хранилось — в операционной, в прачечной, в морге — четыре пулемета, два ящика винтовок,

семьдесят гранат, более тысячи патронов. В 1943 году, будучи уже на подозрении у гестапо, Василий Прокофьевич вместе со своими соратниками по подполью организовал две боевые группы из офицеров Советской Армии, бежавших из немецких концлагерей, вооружил их и переправил в партизанский отряд Маликова.

Передо мной письмо еще одного из четверки отважных — Петра Ивановича Грицака, — адресованное Федору Тимофеевичу Федотову:

«Перед Октябрьскими праздниками зашел ко мне наш Каленик Григорьевич (бывший председатель Емильчинского подпольного комитета Лавренчук — А. С.) и познакомил с «Доктором Федотовым». Захотелось написать тебе несколько теплых слов, как другу по совместной борьбе. Двадцать пять лет прошло с той поры. Федя! Это же четверть века! И вдруг — «Доктор Федотов», Емильчинское подполье, гестапо, конспирация, расстрел Козюлина и еще четверых... Среди этих четверых был и я.

И вот перед глазами преис-

подняя: подвалы гестапо, СД, допросы и пытки. Отольют водой и опять: «Зачем ездил в Житомир? Чем занимались Козюлин, Федотов, Овчинников?» Потом колючая проволока с током высокого напряжения, дымящие днем и ночью трубы крематориев. Но где-то там, за пеплом и дымом, вставал исполненный образ русского солдата, веру в которого не могли сломить ни Освенцим, ни Майданек. По всем этим этапам прошла наша четверка смертников, душой которой был Вася Козюлин — «едят его мухи с комарами» (любимое его выражение было в то время)».

Сейчас Василий Прокофьевич живет там же, в Емильчино, работает в районной больнице хирургом. Десятки людей ежедневно приходят к нему на прием, и мало кто знает об удивительной судьбе этого человека, о его подвиге и о том, что у него под белым халатом, на левом предплечье, до сих пор виден номер — 182944.

А. САНИН

ВОЛК

Рассказ

В. ПЕЧЕНКИН

Управитель Усть-Лагвинского завода Сарычев верхом на гнедом жеребце Цезаре возвращался с прииска Золотникового. Окрестные прииски временно перешли под его управление, а на Золотниковом теперь приходилось бывать особенно часто, так как работы на нем только начинались.

На этот раз поездка Сарычева была связана с неприятным событием. Старатели взбунтовались, требуя сносного жилья, харчей и, главное, убрать приказчика. Народ на Золотниковом все больше пришлый. Свои местные, бывшие демидовские крепостные, получившие волю пять лет назад, те на такое не решились бы.

Сарычев и сам знал, что приказчик Пантюхин — большой прохвост. И рабочих обсчитывает, и ворует всевозможными способами. Но работник он дельный,

умелый, и так ловко, подлец, сводит концы с концами, что на любой вопрос у него всегда готов ответ. И на этот раз он все толково объяснил своим коротким тихим тенорком, предъявил ведомости, приходно-расходные книги и даже слегка прослезился, рассказывая о своих обидах.

Что говорили рабочие, Александр Кириллович не дослушал. Велел арестовать четырех зачинщиков.

Когда Сарычев садился на коня, приказчик с глубоким поклоном, подняв руку выше своей блестящей, точно коровьим маслом смазанной лысины, протянул ему маленький сверток в чистом холщовом платке.

— Дозвольте великодушно проздравить ваше благородие с днем ангела. На счастье-с!

Александр Кириллович развернул,

глянул. Это был золотой, пожалуй, с четверть фунта весом, самородок, напоминающий лошадиную голову.

— Ох и шельма ты, Пантюхин.— Сарычев доброжелательно посмотрел на приказчика.— Ну, гляди у меня! Чтоб все тут было в порядке!

И тронул коня.

Сарычев спешил. Действительно, сегодня его именины, а тут заваруха на прииске. Под вечер начнут съезжаться гости — исправник, священник, доктор, чины заводской администрации, все «светское общество» небольшого горнозаводского поселка. Уже давно пора было быть дома.

Арестованных стражники повезли в телеге трактом. Сарычев же решил ехать кратчайшим путем, по узкой лесной тропе — так до завода всего верст пятнадцать. Сопровождавшему его уряднику это не понравилось, но он смолчал и послушно свернул с тракта вслед за управителем. Тропу Сарычев знал хорошо, не одну осень сюда ходил охотиться.

Было часов около четырех пополудни. Апрельское солнце грело крепко, напористо. Первая половина апреля была холодной и снежной, а теперь стояли добрые деньки. В густом ельнике пахло оттаявшей землей, нагретой палой хвоей и смолой. В чащобах еще лежал серый снег, а на горных полянах было сухо и уже зеленело. В распадках под копытами хлюпала вода, хотя настоящие, летние болотины должны встретиться ближе к реке.

Первая такая болотина попалась, когда проехали верст семь. Тощие, захудалые елки и сосенки росли здесь редко, пахло сыростью, воды было больше. Цезарь всхрапнул брезгливо и пошел осторожнее.

— Ну ты! Чего оробел? — Александр Кириллович нетерпеливо дернул уздечку, направляя коня на узкую, подгнившую гать. Мокрые жерди прогибались, конь фыркал и вздрагивал. Урядник остановился, пережидая, пока проедет барин.

Вдруг конь Сарычева осел, рванулся, заскользил передними копытами. Потом замер, простонал коротко и жалобно. Александр Кириллович сполз с седла в неприятную болотную жижу. Левая задняя нога Цезаря глубоко ушла в щель настила. На мокрой темной шерсти ноги розовела, наливаясь кровью, большая рана.

Урядник тоже спрыгнул с коня и поспешил к барину. Причмокнул, крутнул бородой и сказал:

— Конь больше не ходок, однако. Дай бог, барин, ежели только вывих. Кабы не сломана, она, нога-то. Не трожьте, ваше благородие, я сейчас...

Он принес сухую еловую валежину, вставил между жердями, нажал. Щель раздалась.

— Выводите, барин, легонечко. Н-но, родимый, н-но помаленьку! Вы, назад его, назад... Ишшо разок. Во-от так.

Он ловко подхватил окровавленную ногу и поставил на жердь. Вдвоем они свели дрожащего, спотыкающегося коня на берег. Урядник, цокая языком, осмотрел, ощупал ногу Цезаря, вынул из папыхи желтый застиранный платок и перевязал рану.

— Не сломал, стало быть. Свихнул только. Что ж, ваше благородие, не судьба, видно, по этой тропе. Садитесь-ка на моего конька, да в обрат вертаться надо.

Сарычев сплунул со злостью и взобрался на урядникова коня.

— Ты вот что, — сказал он, подумав. — Веди Цезаря на прииск. Смотри, осторожно веди, понял?

— Да рази мы не понимаем! Такой конь! Одна порода, можно сказать!

— То-то же. А я поеду дальше.

— Ой, барин, не надо бы! Мало ли в лесу кто встретится. Может, и недобрый кто. Опять же лед на реке ненадежный — звон как припекает. Конь-то ваш, барин... Одно слово — примета плохая.

В словах урядника был, конечно, резон. Но Александр Кириллович представил себе холостяцкую, но хорошо обжитую свою квартиру в полукаменном обширном доме. Сейчас там именинная суета. Повар-армян, щелкая языком и

чмокая губами, колдует на кухне. Поленькая мягкая домоуправительница Фенечка шумит на него, шпыняет горничную и самолично пробует приправы, точно целуя ложку пухлыми вкусными губами...

Сарычев вынул часы. Было без четверти пять.

— Пустяки, ничего со мной не станется. Полдороги проехали, не стоит возвращаться. Ну, с богом. Береги коня.

— Бог с вами, барин. А только не надо бы...

Не слушая, Сарычев поехал к гати. Привычный ко всяким дорогам, конек легко перешел настил.

Миновав еще несколько распадков, Александр Кириллович благополучно доехал до реки. Лагва здесь не широка, сажень восемь всего, но глубокая и быстрая. Летом верховые проезжали ее вброд верстою ниже. Сейчас еще держался на реке ноздреватый искристый лед, с виду довольно прочный, хотя у берега была уже вода. Сарычев осмотрелся и направил коня напрямик. Низенький лохматый конек покорно ступил на лед и пошел, осторожно ставя копыта. Лед тревожно зашипел. Сарычев спешился и повел коня в поводу.

Берег был совсем рядом, когда лед просел. Сарычев упал грудью на край источенной солнцем льдины. Но она обломилась, перевернулась и ударила Сарычева. Вынырнув, он схватился за шею бьющегося коня, но рука лишь скользнула по мокрой шерсти. Александр Кириллович отчаянно закричал, а вода залила крик, свела судорогой тело. Больше он ничего не помнил.

...Плыла тихая песня. Слов не было, только плавный легкий мотив. Запахло сухой травой... Александр Кириллович медленно открыл глаза.

Тесная низенькая землянка. Стены из неструганных бревен. Застекленное оконце под самым потолком и за ним оранжевые солнечные стволы сосен. Дверь раскрыта, и за ней тоже сосны. У двери на колышке, вбитом в стену, висела его кожаная куртка. В углу на чурбаке стояла деревянная бадейка. Все виделось четко, ясно, кругом был удивительный покой. И над всем этим звучала тихая ласковая песня. Она казалась приятной, успокаивающей, словно это пели сосны.

Александр Кириллович глубоко вздохнул. Песня оборвалась.

Кто-то шевельнулся позади, за изголовьем. Над Сарычевым склонился человек. Немолодое мужицкое лицо его со слегка вьющимися темно-русыми волосами и бородой, было красиво, серые глаза смотрели умно и внимательно. Сарычеву показалось, что это лицо он уже видел когда-то, может быть, вчера, может — в детстве.

— Здравствуй, барин,— спокойно и просто сказал человек.

— Ты кто? — спросил Сарычев. Во всем теле он чувствовал великую слабость. Не хотелось даже говорить.

— Гурьяном меня зовут,— сказал мужик.— Да, Гурьяном. Как ты, оклемался маленько?... Ништо, бог даст, встанешь скоро.

— Что со мною было?

— Из реки я тебя достал, барин. А ежели подумать, так с того свету. Каюк тебе бы был. Вот лошаденку твою вызволить не смог, погибла лошадка. Тебя, должно, льдиною пришибло, девять ден в беспамятстве был. Думал, уж не отудобеешь. Да теперь ништо, встанешь.

«Где я его видел?» — старался вспомнить Сарычев. Почему-то эта тронутая легкой сединой борода и серые глаза связывались у него с запахом травы и терпким привкусом на языке. В самом деле, мужик поднес к его губам глиняную чашку, и жесткая ладонь подсунулась под шею.

— Вот испей-ка.

Сарычев с удовольствием глотнул пряный сладковатый отвар, пахнущий медом.

— А теперь спать надо, — Гурьян

опустил его голову на сенное изголовье, постоял, посмотрел и отошел.

«Нет, я его где-то видел», — опять подумал Александр Кириллович. Но вспоминать, думать не хотелось. Тихий лесной шум навевал ласковую дрему. Сарычев уснул.

Должно быть, спал он долго. Проснувшись, почувствовал себя освеженным и бодрым, хотел встать, но только приподнялся, как стены и окна качнулись, поплыли. Сарычев со стоном лег.

Открылась дверь, и вошел Гурьян.

— Хорошо ты спал, барин, — сказал он, ставя на чурбак бадейку с водой. — Уснул вчера о полдень, а теперича утро. Ну, как можетесь?

— Хорошо. Слабость только.

— Был бы жив, а сила наберется — молодой еще. Сколь тебе годков-то?

— Тридцать четыре. Ты тут живешь?

— Ага, земляночка это моя. Ты лежи, рано тебе вставать. Лежи, сейчас есть будем, вот только ушица на костре доварится. Ха-арошая ушица, из харьюза. Пока отвару испей.

Он шагнул к полке в углу.

— Послушай, э-э... Гурьян. Почему ты не отвез меня домой?

— Куда ж тебя везти, хворого-то? Лихоманка у тебя была, весь горел, ровню печка.

— Но ты сообщил в Усть-Лагву, что со мной несчастье?

— Нет.

— Как — нет?! Почему?

— Ты лежи, лежи, барин. А в Усть-Лагву мне ходу нету. Мы ведь с тобой, хотя и незнакомые, а встречаться доводилось. Али не признал меня?

Он вдруг обернулся и глянул в упор, пытливо и требовательно.

И Сарычев вспомнил.

Было это прошлым летом. Александр Кириллович ехал в коляске с завода домой. У волостного правления он увидел толпу — провожали троих рекрутов из заводских, которых он сам же приказал забрить в солдаты за дерзкое поведение. Рекруты сидели в телеге, и стражник-возница уже взял вожжи. Телегу окружали человек десять конных стражников, отодвигая, тесня толпу провожающих. Рекруты сняли шапки и закрестились на колокольню заводской церкви, заплакали, запричитали бабы.

Коляска уже миновала толпу, когда позади послышался женский вопль. И ра-

зом загудела толпа. Сарычев оглянулся. Простоволосая молодая баба рвалась к телеге, и один из стражников наотмашь стегал ее нагайкой. Женщина кричала и тянулась к телеге. Двое других стражников держали за руки ее мужа-рекрута.

Кучер Сарычева остановил коней. Александр Кириллович хотел крикнуть, чтоб скорей отправляли подводу, а бабу пока заперли куда-нибудь. Но тут из толпы выскочил плечистый мужик в синей рубахе, ловко ухватил руку стражника, вырвал нагайку, а самого стащил с коня. Баба, сразу смолкнув, кинулась к мужу, приникла. А на плечистого мужика навалились четверо стражников.

— Пошел! — крикнул Сарычев кучеру. Резкий крик заставил управителя обернуться:

— Барин!

Мужик в располосованной синей рубахе стоял с заломленными за спину руками, отодвигая плечами стражников. Серые глаза глядели на Сарычева пытливо.

— Барин! За что вяжут?! Она же, баба-то, брюхата, а ее нагайкой! Нешто можно! Заступись за нас, барин!

— Молчать! — рявкнул подоспевший урядник. — Вашбродь, это бродяжка беглый, Гурьяшка Волк, смутьянщик!

Сарычев недовольно бросил уряднику:

— Ты что, порядок навести не можешь? В камеру его, заковать! Да пошел ты, ч-черт!

Кучер хлестнул коней.

Спустя неделю Сарычев, проезжая с исправником мимо волостного правления, припомнил эту историю и спросил, что с тем мужиком. Исправник неохотно ответил:

— Выпороть не успели. Вывели на допрос, он конвойного в зубы и — бежал. Да от меня не уйдешь. Когда Лагву переплывал, пристрелили.

...Сарычев закрыл глаза и сказал сквозь зубы:

— Тебя Волком кличут?

— А, признал! Вот то-то же... Ждут меня в Усть-Лагве цепи да плети. Так-то, барин...

Гурьян отвернулся к окну. Там меж сосен стлался утренний туман и слышались птичьи голоса.

«Так я в... плену?! — Сарычеву стало горько от своей беспомощности. — Господи, что же это?»

Он ощупал глазами свою висевшую у двери куртку. В кармане он всегда носил маленький бельгийский пистолет...

— Не вставай, барин, пистолы твоей там нету,— жестко сказал Гурьян.

«Ну да, конечно, бродяга взял пистолет! Что же дальше? О, господи, помоги мне!»

— Хорошо,— сказал Сарычев строго.— Можешь не беспокоиться за себя. Иди в завод или в первую деревню и передай, чтобы прислали за мною подводу. Я обещаю, что тебя не тронут. Иди и передай.

Мужик еле заметно усмехнулся.

— Ты теперь отведал, барин, как доверяться вешнему льду?! Ну, а мы слову барскому верить учены.

— Чего же тебе от меня надо?!— теребя выдержку, спросил Сарычев.

— Чего ж от тебя, хворого, возьмешь? Лежи себе. Оздоравливай.

Александр Кириллович рванулся, сбросил укрывавший его армяк и закричал:

— Ты! Мужик! Как ты смеешь держать меня здесь? Что задумал, варнак?! Мстить хочешь?! Все равно не минуешь кнута да решетки! Запорю насмерть! О-о!..

Опять все поплыло в глазах, Сарычев повалился с узеньких нар прямо на руки Гурьяну.

— Ты тихо, барин,— строго сказал Гурьян, укладывая его.— Тихо. Нельзя тебе. И ругаться не надо. Брань на ворота не виснет. Тебе другие слова, барин, надобны... Ложись-ка, испей.

Он поднес чашку с отваром. Александр Кириллович судорожно вздохнул и покорно выпил. Потом повернулся на бок и, все ещё вздрагивая, устался на сконце.

Гурьян вышел и скоро вернулся, неся деревянную миску с горячей ухой.

— Вот, поешь,— Гурьян поставил миску на край нар и положил деревянную большую ложку.— Нако-ся вот сухарика. Хлеба-то у нас нет.

Сарычев взял. Хлебнул, ожегся. Дух в ложку и причмокивая, жадно ел вкусное варево, пахнущее костровым дымком. Доел, облизал ложку, посмотрел на Гурьяна. Тот покачал головой:

— Хватит на первый раз. Потерпи маленько. Погодя, еще налью.

Потекли дни выздоровления. Гурьян поил Александра Кирилловича отварами и настоями из трав, кормил ухой и вареной

дичью, диким медком. Иногда он уходил на охоту — ставить силки на птицу и зайца. Случалось, приносил хлеб, должно быть, бывал в деревне. В остальное время сидел на коротком сосновом чурбане рядом с нарами или, если Сарычев спал, у входа в землянку и, тихо напевая, плел корзины или ладил берестяные бураки.

Иногда переговаривались об охоте, о звериных повадках, о травах, о рыбалке. Про встречу у волостного правления не вспоминали.

Александр Кириллович думал о своем положении. Великодушные бродяжки его злило. Он понимал, что это не слепая покорность мужика барину и не попытка выслужить прощение. Но что же тогда? И что будет дальше? Гурьян спокоен, значит, найти землянку нелегко. Если и искали Сарычева, то теперь бросили, сочли погибшим. Оставалось одно: ждать и набираться сил, чтобы потом при первом удобном случае бежать, если не удастся прибрать Гурьяна к рукам...

— Ты что же — старообрядец? Или из секты какой? Икона висит, а не видно, чтобы молился.

— Пошто старообрядец? Кержаки, они в своей вере заматерели, их ни в какую сторону не сдвинешь.

— А ты кому веришь?

Гурьян смущенно улыбнулся.

— Битый я, барин, сколь раз битый и ученый. А верю все же людям...

Не скоро, но подняли все-таки Сарычева отвары и настои. В хорошую погоду он выходил теперь из землянки, опираясь на плечо Гурьяна. В лесу целебно пахло хвоей и немного болотом. Высокие корабельные сосны стояли густо, одна к другой, за ними в глубине виднелся ельник. Сарычев ложился на пихтовые ветви у костра так, чтобы дым отгонял комаров, и смотрел в синее небо. От лесных запахов и теней шло тихое забытие. Слово поляна и землянка только снились ему, были не настоящими. А может быть, наоборот — не настоящим было все прошлое: детство в поместье, завод с его постоянным лязгом, заботливая Фенечка. И была всегда только эта поляна...

— Ты, я слышал, беглый? — спросил как-то Сарычев у Гурьяна.

— Было дело, ушел из острога.

— А в острог — за что?

Гурьян глянул на Сарычева, усмехнулся и снова принялся плести корзину.

— Что ж, ежели хочешь, расскажу. Заводчика Собакина знаешь? Как, поди, не знать. Так вот, лет все семь тому, от казны Собакину дадены были земли. Как там у них в бумагах писалось — пустые земли, не занятые. Почали управители да приказчики хозяйствовать, новые угодья к делу прибирать. А была в тех землях деревенька, жили казенные мужики. Рассудил господин Собакин: коли земля теперича моя, стало быть, и мужики мои. И записал всю деревню себе в крепостные. Ахнули мужики от беды такой. Послали ходоков в губернию. Да чего там, губернское начальство с господином заводчиком не спорщики. Помыкались ходоки по разным присутствиям и вернулись ни с чем. Вот и выбрали мужики меня, порадей, дескать, за народ, добейся до губернатора самого. Собрали деньги мне, и пошел я в Екатеринбург, а отель в самую Пермь стал добиваться. Нашел барина одного. Был он, видать, из тех, на ком правда держится — денег не взял ни сколь, бумагу сам написал, научил, к кому идти. Стал я ждать губернатора — уезжал он куда-то. Сижу это раз в трактире, хлебушко с квасом ем. Подходят двое, собакинские приказчики. Сели, разговор завели. «Иди, говорят, обратно в деревню, не тебе, сиволапому, с их благородием господином Собакиным спорить». И дают мне три целковых. Чтобы, значит, отступился я, к губернатору не шел. Кинул я им эти деньги в морды и пошел прочь. А они в крик, будто я их обворовал, три рубля взял. Полиция уже наготове, и свидетели нашлись. Так и попал я в острог. А вина на мне одна — правду у господ искал. Как тебе это поглянется, барин?

Помолчали.

— У тебя семья осталась дома?

— Как же! Женка, сыночек двое. Так и жили в крепостных до самой воли. Когда ушел я из Сибири, дома побывал, пособил им, чем мог. Однако жить мне там нельзя, потому — беглый. А здесь я вольный, — он обвел взглядом поляну. — Ты знаешь ли, что такое воля?... Эх, не знаешь! Ты ее по-настоящему не чувствуешь.

Гурьян уронил на траву готовую корзину и задумался.

Он долго молчал, глядя в умирающие язычки костра. Потом Гурьян сказал обычным ровным голосом:

— Пойдем-ко ужинать. Пора, однако... Шел второй месяц лесного житья

Александра Кирилловича. Он оброс черной бородой, исхудал, по-прежнему жаловался на слабость и выходил из землянки, опираясь на костыль или на Гурьяна. Но спал и ел хорошо. И, глядя на него, Гурьян одсбрительно кивал:

— Еда идет — болезнь уходит. Ешь!..

Несколько раз Сарычев пытался осторожно выспросить, в какой стороне находится Лагва, завод, однако Гурьян отмалчивался или переводил разговор на другое.

В погожий жаркий день, когда Гурьян ушел куда-то, должно быть, на реку, Сарычев решил осмотреть местность. Теперь он чувствовал себя достаточно окрепшим, хотя при Гурьяне и сохранял беспомощный вид. По высокой, никогда не кошенной траве он пересек поляну, низновал опушку и углубился в лес. Саженья в десяти от поляны бесшумно струился родничок, откуда Гурьян носил воду. Сарычев перешагнул его, вошел в ельник. Идти стало трудно, под ногами путались валежины. Потом пошли кочки, между ними зачмокала вода. Ельник поредел, расступился, и перед Сарычевым разлеглось поросшее мхом и клюквенником болото. Он вернулся на поляну, посидел, отдыхая, у дымокура. Гурьяна все еще не было. Сарычеву захотелось осмотреть противоположную сторону. Слабость давала о себе знать, дрожали ноги, словно прошел он много верст. Дойдя до первых сосен, он оперся о ствол и... ноги подкосились — саженья в пяти, в густых кустах жимолости, неподвижно стоял и смотрел на него волк. Смотрел настороженно, чуть подавшись вперед. Сарычев вскрикнул и сполз по стволу вниз, успев заметить, как бесшумно сомкнулись кусты. Сердце билось неистово, стучало в висках. Он знал, что в эту пору волк вряд

ли нападет на человека, но встреча лиш-
ний раз напомнила, что в тайге рискован-
но идти одному, безоружному, не зная
дороги.

Оглядываясь, он добрался до землян-
ки и лег к костру, задыхаясь и обливаясь
потом. До белого каления доводила
мысль, что выхода отсюда, собственно,
нет никакого, и он, всеильный управи-
тель завода и приисков, находится в пол-
ной зависимости от прихоти мужика, бро-
дяги, беглого каторжника. Успокаивало
только то, что не так же, за здорово жи-
вешь, лечит его Гурьян. Вероятно, потре-
бует выкуп, сукин сын. Это и скверно и
унизительно, однако ж...

Вскоре пришел Гурьян со свежей, еще
живой рыбой, подбросил в костер веток и
подвесил котелок с водой. Сарычев мол-
ча следил за его движениями, понемногу
успокаиваясь — все же Гурьян не походи-
л на головореза. Александр Кирилло-
вич вздохнул, перевел взгляд на опуш-
ку — и схватил Гурьяна за рукав, выбив
хариуса.

— Волк! Смотри, волк!

Давешняя звериная морда снова вы-
глядывала из кустов, наблюдая за
людьми.

— А, этот! — спокойно оглянулся
Гурьян. — Не бойся, барин.

Он встал и пошел к опушке. На этот
раз волк не убежал, глядел так же вни-
мательно и вроде бы даже дружелюбно
на приближающегося человека. Гурьян,
приговаривая что-то вполголоса, подо-
шел вплотную и протянул зверю хариуса.
Волчьи клыки мелькнули верхках в трех
от руки, и хариус исчез в пасти. Гурьян
присел на корточки и все говорил тихонь-
ко, ласково.

Зверь стоял неподвижно, слушал. По-
том поднял морду, глянул на Сарычева
и пропал в кустах...

— Да ты колдун, что ли?! — растерян-
но крикнул Сарычев.

Гурьян вернулся, присел у костра и
опять принялся чистить рыбу.

— Зачем колдун? Я обнаковенный.
А волк этот знакомый мне. Слышал пого-
ворку: с волками жить — по волчьему выть?
В первое лето, как я сюда пришел, встре-
тился мне этот волчонок. Кто-то картечью
в него саданул, да не до смерти, ушел
подранком. Помирал уже, однако. Ну,
хоть и зверь, а все божья тварь, жить
тоже охота. Я картечину вынул, выходил
его. Что ж, думаю, друг, оба мы от лю-
дей затравлены, обоим тайга — мать
родная. Оклемаюсь он, в тайгу ушел.
Волк не собака, зверь вольный. Однако,
иной раз приходит ко мне... Не бойся его,
он хороший. Не тронет.

— Все у тебя хорошие, — усмехнулся
Александр Кириллович. — Люди хоршие,
волк хороший... Я, должно быть, тоже
хороший... А я тебя в острог хотел...

— Что ж, ты барин, может, и ничего...

— А скажи, Гурьян, — спросил Алек-
сандр Кириллович ровным голосом. —
Вот я дворянин, а ты дворян не любишь.
Почему же ты меня спас?

Гурьян снял острием ножа прилипшую
к рукаву чешуйку и ответил:

— Я тогда у реки был. Слышу, кри-
чит кто-то. Гляжу — человек тонет. Тут
звание спрашивать недосуг, вызволять
надо. А опосля — не спущать же тебя об-
ратно в полынью. Может, ты не совсем
пропащий. Может, в тебе еще совесть по-
вернется. А? Как думаешь?

Сказано это было так спокойно и рас-
судительно, что у Сарычева позеленело в
глазах от ярости и унижения. Еле сдержи-
ваясь от крика, он обессиленно лег и ут-
кнулся в траву.

Ночью прошла гроза, и утро было про-
зрачное, чистое, нежное, как девичья
улыбка. Александр Кириллович проснулся
свежим, бодрым. Он потянулся с хруст-
том, поднялся с нар и, надев сапоги, вы-
шел из землянки. Трава, мокрая, чуть
прибитая дождем, искрилась под солн-
цем, с деревьев падали тяжелые капли.
Гурьян возился у костра.

— Здравствуй, барин. Каково ночевал?

— Выспался изрядно. Эх, утро-то!

Узкой тропинкой Сарычев пошел к ручью — теперь он ходил без костыля, — умылся холодной чистой водой и, не утираясь, пришел к костру, сел на сухое, подостланное Гурьяном рядно.

Молча пили чай из смородинового листа, макая ржаные сухари. Потом Гурьян сполоснул и прибрал чашки, отнес в землянку и вышел с постиранной рубашкой и курткой Сарычева.

— Собирайся, барин, пойдём.

— Куда? — несколько растерялся Александр Кириллович.

— Домой пойдешь, в завод. Оздоровел ты, гляжу, дойдешь. Али тут поглянулось? Тогда живи на здоровье, — Гурьян улыбнулся добродушно.

У Сарычева часто застучало сердце, стало радостно и странно. Радостно, что, кажется, все кончилось, он опять здоров и скоро, может быть, даже сегодня же, вернется домой. И странно, что вот сейчас он уйдет отсюда совсем, а Гурьян все еще не ставит никаких условий, не просит денег и прощения прошлой вины, ничего. Или хитрит?

Сарычев неуверенно встал, скинул гурьянову рубашку, надел свою, не сразу попав в рукава. Только теперь он сообразил, что мужик с утра одет по-дорожному, как ходит в деревню — в трепаных сапогах, войлочной приисковой шляпе, подпоясанный крученым, с кистями, немного даже щеголеватым пояском. Через плечо висела легкая холщовая котомка.

Лицо у мужика было задумчивое и немного торжественное.

— Посидим, барин, перед дорогой.

Они сели на рядно. Александр Кириллович оглядывал поляну, опушку, остерчевшую землянку — не верилось, что, слава богу, в последний раз. Косясь на Гурьяна, осторожно, будто поправляя на руке куртку, ощупал карман. Пистолета не было. Глухо звякнули ключи. Нащупалась записная книжка. И еще что-то. Ах да, самородок, что приподнес приказчик. Гурьян не взял его. Необычный все-таки мужик.

— Гурьян, — позвал Александр Кириллович. — Вот, возьми. За спасение мое, за... Ну, за все...

Он достал и протянул сверток. Гурьян не шевельнулся.

44 — Ты чего, Гурьян? Это же золото! — Сарычев поспешно раскинул холст, само-

родок тускло блеснул. Гурьян сказал медленно.

— К тебе с душой, а ты золотом откупаешься.

Сарычев смутился. Видно, Гурьян хотел чего-то подороже.

— Дело твое. Я думал... — он пожал плечами, подержал еще самородок и опустил обратно в карман.

— Ну, с богом, — Гурьян встал и широко перекрестился.

Спина Гурьяна колыхалась перед глазами. Иногда он останавливался, придерживал ветку, чтоб не хлестнула Сарычева, и шел размеренным шагом дальше, одному ему знакомым путем. Осторожно перешли болото, углубились в дремучий ельник. Не было и намека на тропу, но вел Гурьян уверенно, не останавливаясь. Сарычев попытался было запомнить дорогу, но вскоре бросил — сам леший запутается. То шли они просторным веселым сосняком, то продирались сквозь чащобу ельника, поднимались по крутым склонам и спускались в болотистые распадки. Когда проходили сырым путаным осинником, Сарычеву показалось, что в кустах мелькнуло и скрылось поджарое тело волка. Александр Кириллович старался теперь не отставать, задыхаясь и обливаясь потом, шел по пятам Гурьяна. Так шли часа два. Сарычев устал, все чаще спотыкался о полусгнивший валежник и кочки, тяжело дышал, рубашка вымокла. Но Гурьян все шел.

В глухом распадке у ручейка остановился, обернулся.

— Замаялся, барин? Ништо, терпи. Опнемся чуток да пойдём дале. Ты не садись, не встать потом. Испей, умойся.

Прислонясь к стволам, они отдыхали с полчаса. Гурьян достал из котомки сухари и вареного рябчика. Поели, напились. И опять Гурьян сказал:

— С богом, — и зашагал дальше.

Отдыхать пришлось еще дважды. Сарычев совсем выбился из сил и готов был запросить настоящего, долгого привала, когда они неожиданно вышли на дорогу. Хороший наезженный тракт между двумя стенами леса спускался с невысокой горы и заворачивал направо. Было безлюдно, знойно и тихо, только внизу за поворотом еле слышался невнятный рокот. Часы Сарычева давно стояли, но время было, вероятно, за полдень.

— Пришли, барин, — сказал Гурьян. — Отсюда тебе вперед, мне назад. Иди

все вниз, там мост через Лагву. Чуешь — шумит? До завода верст, поди, с десяток. Ништо, дойдешь помаленьку. Может, на лошади кто встренется, подвезет. Вот и все. Прощевай, барин. Живи.

Он снял шляпочку, отер ею лоб и улыбнулся.

— Как — все? — удивился Александр Кириллович. — А ты... А тебе что же, ничего не надо... за это все?

— Ты, барин, у смерти по самому краю прошел. И подумать тебе время было. Вот и рассуди сам, как рассчитаться тебе с мужиком. Не со мною — я что!..

Он умолк, глядя на верхний конец дороги.

— А вот, гляди, тебе и оказия вышла.

Александр Кириллович обернулся. На взлобке горы показалась подвода и четверо верховых — стражники.

«С прииска везут сдавать золото, — догадался Сарычев. — Скоро я буду дома!»

Их тоже заметили. Один из стражников что-то крикнул, хлестнул коня и поскакал по склону вниз. Над его плечами в такт галопу подрагивал ружейный ствол.

— Удачи тебе, барин. А мне-ка с ими встречаться не след, пойду я. Счастливо тебе, барин.

Гурьян поклонился, надел шляпу и повернулся к лесу.

— Да-да... — рассеянно сказал Сарычев и опять оглянулся на всадника. Тот быстро приближался, крутя нагайкой. Стражник тоже видел, как уходил в лес бродяга, он ловко, по-охотничьи, сорвал с плеча ружье, блестнул на солнце вороненый ствол.

— Сто-ой! — крикнул стражник.

И с Александра Кирилловича мгновенно слетел дурман лесной поляны... Вдруг снова ощутил он себя управителем Усть-Лагвинского завода. Долгие недели унижительного, обидного бессилия кончились...

— Эй ты! Постой! — крикнул Сарычев.

Гурьян остановился и оглянулся не спеша.

— Постой! Поедешь со мной в завод. Гурьян спокойно улыбнулся.

— Нет, барин. Не обессудь, а только теперь гусь свинье не товарищ.

Стражник был уже совсем близко.

— Стой! — забыв усталость, Сарычев сбежал с тракта на траву и схватил мужика за плечо. — Стой, сволочь!

Теперь Гурьян понял. Серые глаза выразили сначала безмерное удивление. Потом они потемнели, лицо покривилось гримасой. Он ухватил управителя за отворот куртки, легко приподнял и отбросил. Сарычев ударился спиной о сосну и на миг потерял сознание, но тотчас же пришел в себя, приподнялся на руках и, хрипя и захлебываясь, закричал на подсакавшего стражника:

— Взять! Схватить, мерзавца! О-о-о!..

— Ваше благородие! Господин управитель! — вытаращил глаза стражник.

— Да хватай же его, сволочь! В цепи его!

Стражник слетел с седла и бросился в глубь сосняка, где еще колыхались ветви густого подлеска. Впереди на взгорье среди стволов мелькнула фигура мужика. Стражник вскинул ружье. Но тайга спрятала в зелени синюю рубаху. Заслоняя лицо рукой, стражник продрался на небольшую прогалину, взглянул и встал, как вкопанный — там, где только что бежал мужик, теперь не спеша уходил рослый поджарый волк. На бегу он обернул оскаленную морду и нырнул в заросли.

— Оборотень! — позеленев, выкрикнул стражник и, шепча молитву, рванулся назад к дороге.

— Схватить его! В цепи! О, мерзавец!! — все еще бился в траве Сарычев. И горы, и лес ответили эхом:

— Мерзавец!

Рисунки Л. Полстоваловой

АЛЬБОМ КОМИССАРА ОРАСА

В Ленинграде, в музее Арктики и Антарктики, я увидел измерительный прибор. Чья-то рука начертила на нем по-итальянски: «Комиссару Орасу. 18 июля 1928 г.» Привлекла внимание и выставленная тут же часть обшивки самолета. На ней было то же имя: ему, Орасу, дарил шведский летчик Лундборг обломок своей, попавшей в беду, машины.

Пауль Орас... В памяти всплыло то, что я уже знал о нем: родился он в Таллине, здесь эстонский юноша впервые познакомился с нелегальной большевистской литературой, отсюда в 1916 году отправился учиться в Кронштадт, в морское инженерное училище, в канун Октября распространял среди моряков революционные листовки, возглавив роту балтийцев, сражался против Юденича. Я читал послужной список Ораса, в котором значилась учеба в Военно-морской академии, и служба во Франции членом советской военно-морской технической комиссии, и пребывание за рубежом на посту военно-морского атташе...

Но что связывало сына Эстонии со шведским полярным летчиком Лундборгом? Почему именно здесь, в музее, повествующем о покорении Арктики и Антарктики, экспонировано то, что принадлежало некогда военному моряку Орасу?

Сорокалетней давности газеты, письма, телеграммы, дневниковые записи — все то, что представлено в залах этого музея, перенесли меня в те летние дни 1928 года, которыми помечены и измерительный прибор, и часть обшивки самолета.

Мир следил тогда за отважной экспедицией итальянского военного инженера Умберто Нобиле. Газеты заполнены были сообщениями о полете его дирижабля «Италия» к Северному полюсу.

В 4 часа 10 минут утра 25 мая с борта дирижабля передали: воздушный корабль борется с сильным юго-западным ветром. Затем радио «Италии» умолкло. Молчало оно и на следующий день, и еще много томительных дней.

Где-то над ледяными просторами произошла трагедия. Но где? В каком уголке Ледовитого океана? Ведь последняя радиogramма не указывала местонахождения дирижабля.

Во всех странах еще раздумывали, с чего начать организацию спасения, а в Советском Союзе уже был создан специальный комитет. В самые отдаленные пункты северного побережья полетели распоряжения: если, потеряв управление, дирижабль отнесет к нашим берегам, оказать ему всемерную помощь. По указанию советского правительства на

поиски срочно снаряжали две экспедиции на ледоколах «Малыгин» и «Красин».

Но Арктика хранила по-прежнему тайну «Италии». И вдруг — телеграмма с Севера, из глухого села Вознесенье-Вохма: радиолобитель Шмидт принял сигналы на иностранном языке:

— Италия... Нобиле... Фран... Иосиф... СОС... СОС... СОС... Тири... Тено... Эн...

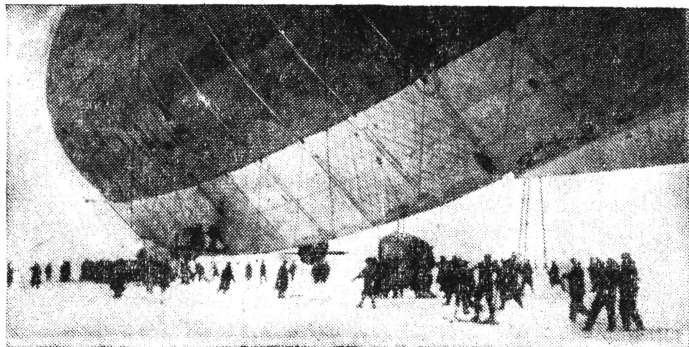
Вскоре удалось войти в связь с группой Нобиле. Стало известно местонахождение итальянца, а значит, определены и маршрут спасательных экспедиций.

Смельчаков на «Красине» возглавил известный полярный исследователь Р. Самойлович. А правой рукой ученого, его заместителем стал Пауль Орас.

Вот запись, сделанная им 15 июня, в тот день, когда ледокол «Красин» отправился на поиски экипажа «Италии»:

«В 14 часов 20 минут окончена вся погрузка. Принято 2000 тонн угля. Запас продовольствия для всего состава экспедиции на шесть месяцев. В 15 часов 15 минут отдали швартовы... Заработала радиостанция. Пошла первая радиogramма в Комитет помощи в Москву... В три дня ледокол приготовлен к походу. Ленинградские организации вписали в фолиант своих побед новую страницу. Славную страницу...»

Как встретила суровая Арктика Пауля Ораса и его товарищей? Я узнал об этом в доме на улице Восстания. Комната, в которой меня приняли вдова Ораса — Юдифь Ефимовна и ее дочь, полна была реликвий красинской эпопеи. Самая замечательная из них лежала передо мной — одетый в черный переплет альбом с доброй сотней уникальных снимков.

«Италия» готова к полету.

Пауль Орас.

— Почти все эти снимки, — сказала Юдифь Ефимовна, — сделал сам Пауль. Он не расставался со своей «лейкой» и запечатлел на пленку весь поход.

Тронутые временем фотографии воскрешали славную эпопею. Я видел советский ледокол на пути в Берген, видел его идущим норвежскими шхерами, пересекающим северный полярный круг. На нескольких листах альбома — снимки, иллюстрирующие запись Ораса:

«В солнечную ночь вдаль скрываются за горизонтом берега Норвегии. Перед нами беспредельность океана — Северного Ледовитого океана. Как много о нем писалось! Сколько искусных писателей старались переложить на бумаге всю его мощь и величие! Загадочный, таинственный! Сколько людей погибло в океане, стараясь разгадать его тайны, открыть все земли, острова, лежащие в его необъятном просторе! Сейчас океан перед нами расстилается в своей безбрежной шире».

На фото — айсберг, первый вестник приближавшихся льдов. «Несколько пленок и пластинок израсходовано, — записал Орас, — визитная карточка полярных льдов зафиксирована». С бака ледокола он снимал и тогда, когда корабль крепким

форштевнем разбивал толстый лед. Рядом с Орасом были и профессор Самойлович, и капитан «Красина» — эстонец Карл Эгге.

«За последние часы, — гласит сделанная Орасом запись, — форсировали льды с большим упорством. Многогодовалые полярные льды оказались очень прочными. Давали разбеги и с полного хода налетали на лед. Мачты гнулись и вибрировали, как в лихорадке. Корпус ледокола содрогался от сильных толчков».

Вот и места, где должны уже были, казалось, быть потерпевшие. Бинобль Ораса оглядывал ледяную пустыню. Заунывно звучала над нею сирена ледокола. Но тщетными оставались призывы: нигде не видать никакого знака, никто не отзывался на рев сирены.

А пробиваться вперед становилось, между тем, все труднее. На одном из снимков — «Красин» среди сплошного торосистого льда. Орас записал: «Я сплю за сутки часа два. Этого вполне достаточно, чтобы восстановить силы. Значи-

Б. Чухновский, Р. Самойлович, П. Орас.

К. Эгге.

он свое последнее сообщение. Значит, еще одно несчастье?! И вдруг снова писк радио.

«Карта номер 303, — доносил Чухновский, — Мальмгрен обнаружен широте 80 градусов 42 минуты долготы 25 градусов 45 минут т.ч. Небольшом выском остроконечном торосе между весьма разреженным льдом двое стояли с флагами, третий лежал навзничь т.ч. Сделали над ними пять кругов т.ч. Совершенно чистая вода ограничена 80 градусом 40 минутами зпт 30 меридианом берегом Северо-Восточной Земли и линией острова Рипса на $\Sigma N \Sigma$ по указанной широте т.ч. Поэтому группу Вильери обнаружить не могли т.ч. Виден был

только Вреде т.ч. Выбора посадки не было от берега т.ч. Сели торсистое поле миль от берега т.ч. Туман мешает точно определиться т.ч. Конце пробега снесло шасси т.ч. Сломано два винта... т.ч. Считаю необходимым Красину срочно идти спасать Мальмгерена».

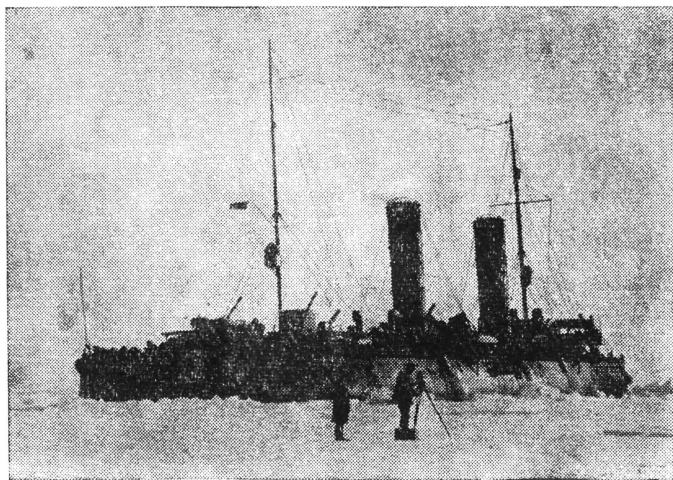
Снимки зафиксировали путь «Красина» к месту, где обнаружены были потерпевшие, встречу с ними экипажа советского ледокола. Зафиксировали они и переход к затерянной во льдах другой пятерке участников полета «Италии». Я увидел на одном из снимков ледяное поле, на нем — прогнувшуюся радиомачту, какой-

тельную часть суток провожу на верхней палубе и в радиорубке».

Сделанные им кадры повествуют о том, как создавался ледяной аэродром, как выгружался с корабля самолет Б. Чухновского, как отсюда, с ледяного аэродрома, отправлялся этот прославленный летчик на поиски экипажа «Италии».

Самойлович и Орас находились тогда в радиорубке. Отсюда поддерживали они связь с Чухновским. Здесь первыми приняли от него радостную весть, облетевшую вскоре весь мир: «Видели группу Мальмгерена» — группу из экспедиции Нобиле.

Но оборвалась связь с Чухновским. Уже четыре часа, невыносимо долгих четыре часа прошло с тех пор, как передал

«Красин» в походе.

У потерпевшего аварию самолета Лундборга.

то предмет, темнеющий недалеко от палатки, группу людей. Чуть в стороне от них виднелся торчавший вверх хвостом аэроплан Лундборга. Вылетев на поиски пострадавших и обнаружив их, он при одной из попыток снизиться потерпел аварию. Часть обшивки этого самолета с дарственной надписью Лундборга Паулю Орасу и экспонируется ныне в ленинградском музее. Этим шведский летчик свидетельствовал свое уважение к комиссару арктического похода. Популярность Ораса росла тогда с каждым днем. Она росла не только среди участников спасательной экспедиции. Его имя узнали во многих странах все, кто озабочен был судьбой экипажа «Италии» и с напря-

женным вниманием следил за переходом «Красина».

В альбоме Пауля Ораса есть снимки, сделанные в Норвегии. На одном из них он обращается к приветствующим краинцев восторженным толпам, на другой с ним рядом — советский полпред А. Коллонтай.

«Мы вместе с т. Коллонтай, — вспоминал позднее Орас, — прибыли на ледокол. Около трапа нас встретила вся команда. Сам собой организовался наш митинг... Александра Михайловна поблагодарила руководство, команду, всех за работу и поздравила с блестящим успехом».

Есть в альбоме и снимки, воскрешающие необыкновенный день, когда расцвеченный флагами, сопровождаемый почетным эскортом, «Красин» вошел в Неву. Ее набережные усеяны были десятками тысяч людей...

— Пауль, — вспоминает Юдифь Ефимовна Орас, — всегда гордился своим участием в этой экспедиции. Он бережно хранил все, что напоминало ему о ней: и те реликвии, которые после его смерти я передала в Музей Арктики и Антарктики и которые экспонируются сейчас там, и этот альбом со снимками, и свои заметки о событиях сорокалетней теперь уже давности.

В этих, сделанных в 1928 году, заметках я прочел такие взволнованные строки:

«Сколько тяжелых часов, суток пришлось перенести всем нам! Но уверенность, что многие — миллионы рабочих и крестьян — ожидают от нас приложения всех сил к победе, заставляла всех нас с новыми силами, с удвоенной энергией продолжать работы. Пройденные «Красиним» 9890 морских миль, из которых 1050 миль во льдах, надолго останутся в памяти рабочих и крестьян всех стран».

А. ЛЮБАРСКИЙ,
действительный член
географического общества
СССР

*Фотографий из альбома
П. Ораса*

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

НАХОДКИ

ЮНЫХ ГЕОЛОГОВ

Весной этого года секретариат ЦК ВЛКСМ и коллегия Министерства геологии СССР приняли постановление наградить почетными грамотами ЦК ВЛКСМ, Министерства геологии СССР следопытские отряды, участвовавшие в массовых геологических походах.

Среди лучших — много уральских ребят. Какие открытия сделали они? Какую помощь оказали поисковым партиям?

Следопыты Половинкинской средней школы Пермской области по заданию Ольховского геологического отряда отбирали и промывали пробы на золото, помогали засыпать шурфы.

А их земляки из Платошинской средней школы проверяли по просьбе геологов заявки на галенит и асбест, взяли большое количество металлометрических и шлиховых проб. На областной конференции юных геологов они подарили делегатам двадцать две коллекции минералов.

Много лет участвуют в геологических походах следопыты школы № 2 города Каменска-Уральского Свердловской области. Последние успехи ребят: на правом берегу реки Реж обнаружили залежи графита, недалеко от деревни Костино нашли выходы яшмы, у деревни Фоминой — мрамор и горный хрусталь. Школьники подали три заявки в комиссию по делам первооткрывателей.

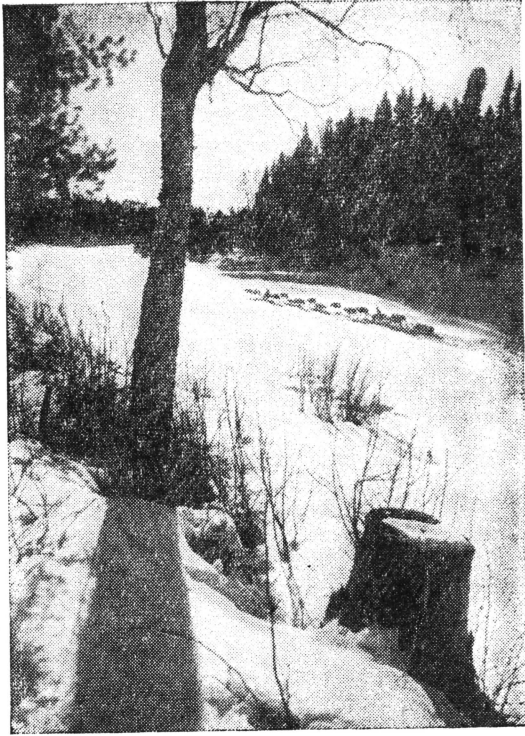
В городе Ревде в Доме пионеров организована юношеская геологическая партия «Малахит». Летом следопыты провели поисковые работы по рекам Светлая, Козья и Ревда. На горе Шунут описали обнажения и отобрали образцы минералов. Исследовали в своем районе старые рудники и карьеры.

В результате — шесть заявок на открытие месторождений полезных ископаемых, одна из них, по мнению геологов, имеет промышленное значение.

А следопыты городского Дома пионеров Нижнего Тагила подали заявку на кварцевый песок.

В Челябинской области юношеская поисковая партия школы № 1 города Верхнеуральска провела металлометрическую съемку на площади двенадцать квадратных километров. Ребята составили топографический план участка, отобрали шестьдесят проб. А следопыты из поселка Бердяш по заданию Бакальской геологоразведочной партии обследовали реку Куваш, провели шлиховые пробы русловых образований реки и ее притоков, обнаружили аномалию при радиометрическом исследовании большого гранитного массива.

Е. СЕРЕБРЕННИКОВА

ТАЕЖНАЯ

ПЕСНЯ

М. ЗАПЛАТИН

Северной трассой

Прямой рейс самолета АН-2 по трассе Пермь — Ныроб — Шежим — гора Мань-Пупы-Нёр — Няксимволь за три с половиной часа перебросил нас с помощником через Уральский хребет на север мансийского Зауралья.

Пилоты впервые летели по этому маршруту и были удивлены тем, что я его знаю. Я показывал им с воздуха старинные деревни Усть-Бердыш и Светлый Родник, горы Койп, Печорья-Толях-Сяхль, каменные истуканы на вершине Мань-Пупы-Нёр, четыре лиственницы на Манье, лесные завалы на реке Лопсие.

— С вами можно лететь без штурмана! — сказал летчик.

Что ответить ему? Совсем недавно эти места

я прошел своими ногами. А в войну, между прочим, был штурманом...

Итак, мы в Няксимволе. В Перми был уже последний снежок, а здесь, несмотря на раннюю весну, еще по-зимнему холодно. На горизонте белеет знакомый хребет Пас-Нёр.

Наш прилет завершается радостной встречей со старыми друзьями: Иваном Лавериным и Сашей Папуевым.

— Пася олэн, рума! — с удовольствием услышал я мансийское приветствие Ивана...

В тот же день Лаверин отбыл из Няксимволя, сказав, что ждать нас будет в своей избушке на Висуме.

Со мной помощник Юра, бывавший уже в той мансийской глухомани, куда мы держим путь. У нас большое экспедиционное снаряжение и съемочная аппаратура. Наша легкая кинокамера «Аррифлекс» — с набором мощной телеоптики.

Предусмотрели мы и специальное снаряжение: две палатки, спальные мешки, болотные резиновые сапоги, унты, ватники, полшубки, теплое белье, накомарники, камасовые ложки, ружья, патроны, радиоприемники, электрофонари. Не забыли, конечно, про основной запас продовольствия.

В тайге мы должны прожить два-три месяца. Наша задача — снять фильм «Весна в Нялингсуйпауле».

Встреча у костра

Весь другой день прошел в пути.

Продолжительное время мы мчались по едва заметной оленьей дороге, срезающей гигантскую петлю Сосвы севернее села Нерохи. Затем свернули на старую просеку, ведущую в верховья Хуры. И к вечерней темноте едва не дотянули до цели — остановились на ночлег в ельнике вблизи речки Урайпаты.

У нашего каюра Миши Пеликова первая забота — искать корм. Копнул он снег ногой — там ягеля нет. Зато много пепельных лишайников свисает с веток елей.

— Это нюси. Тоже сали тэл, олений корм, — объясняет Пеликов.

Горит костер. Шалаш из веток. Крепкий чай. За костром — темнота.

В лесу неожиданно раздается голос:

— Пася, рума!

Мы застываем на миг с кружками в руках. Из таежного мрака, бесшумно скользя на лыжах, вышел человек. На поводке у него две собаки. Ружье через плечо. За спиной рюкзак. Перед костром пришелец сдвинул капюшон малицы, и красный свет пламени озарил его лицо.

— Догнал я вас!..

— Иван! Откуда взялся?..

— Из Нерох бегу за вами...

— А мы думали, ты давно в избушке!

— Вы-то на оленях, а я пешком! Три раза чай пил дорогой!..

Утро следующего дня выдалось солнечным. Безоблачное голубое небо и яркий снег слепили глаза по-весеннему.

Во второй половине дня наш караван стремительно скатился с горки на обширную поляну при впадении речки Урайпаты в Сисум.

— Избушка теперь совсем близко, — обратился ко мне Иван.

Я кивнул: знаю!

Еще три километра, и мы выезжаем на высокий берег с темной еловой рощей. Затем минуем болото. И видим вдали, на косогоре, заснеженную крышу избышки.

Олени, тяжело дыша, затаскивают нарты по крутому склону в ограду перед избой, в изнеможении ложатся на снег. Кажется, и мы готовы, раскинув руки, развалиться в пушистой снежной перине.

— Вот и приехали,— говорит хозяин избышки.

Миша Пеликов добавил:

— Тут еще одна изба был, сгорел...

Пока разгружаются нарты, Иван входит в свой дом, и мы слышим — метет там пол, гремит посудой, загружает дровами железную печурку.

Вскоре задымила труба, загудела. Ожило пустовавшее жилище.

Юра мой очень сдержан, молчит, наверное, устал. А я хожу около избы.

Здесь мне знакомо все. Вот рядом с избой стоит на четырех высоких «ногах» лабаз — сомя. Хранилище продуктов, шкур и всякого охотничьего добра. Чуть дальше сомя на двух столбах водружен продолговатый бревенчатый ящик — сопас для хранения зимой мяса, дичи, рыбы. В другой стороне — баня по-черному и маленькая избенка, в которой жил брат отца Ивана.

В глубине бора, под старой высохшей сосной — могила матери Ивана, обнесенная аккуратной изгородью из тонких жердей. Рядом перевёрнутые вверх полозьями нарты. По снегу тянутся следы — это Иван ходил, навещал могилу. На дощатом саркофаге лежит охапка свеженакотых дров, закопченные чайник с котелком и кружка.

На другой день наши мансийские спутники уезжают за лосиным и оленьим мясом, заготовленным Иваном еще зимой. Собак не берут с собой. Не хотят отвлекаться, разыскивать их, когда увяжутся за зверем.

— Кутю мы вас оставим, чтобы скучно не было,— говорит Иван.

Два пса Валь и Ворсик, привязанные за шею ремнями, с грустью смотрят на приготовления своих хозяев к отъезду.

Лесная сказка

Бывает так на глухой таежной реке — она вдруг разольется на два узких рукава, и между ними вырастает «корабль с высокими мачтами и зелеными парусами» — остров с рощей стройных островерхих елей или мохнатых кедров. Сказочный вид.

К этим островам у меня давно появилось особое отношение: мне всегда кажется, что на одном из них потомки древней Югры захоронили свое золотое идолище — Сорни най...

С утра веселый мартовский день. Солнце золотом разлилось по сосновому бору. Мы с Юрой едем к острову Мань-Тумп. На плечах Юры штатив с аккумулятором, на моих — рюкзак с кинокамерой, оптикой и запасом кассет с пленкой.

Крепкий наст хорошо держит лыжи. Возле островка Мань-Тумп снимаем предвечерние пейзажи. Здесь же мы повторим съемку,

когда подтаает снег, и тогда, когда он весь сойдет. Проследим кинокамерой весь ход весны на одном и том же пейзаже. По-моему, это интересно!..

В сопровождении собак мы уходим за Висум, к дальнему болоту. Белое снежное поле во всех направлениях исчерчено звериными следами. По ним нетрудно прочесть картину прошедшей ночи. Вот туда-сюда носились зайцы. Рядом с их следами выделяются отпечатки крупных лап. Это россомаха охотилась за белками.

Чинно-важно прострочила снег лиса. Цепочка ее следов тянется почти идеально прямо. Однако, резкий излом дорожки — лиса повернула вправо, и тотчас из-под ее морды взлетели спавшие в снегу тетерева: остались неглубокие ямки да след на снегу от первого взмаха крыльев.

Большие глубокие следы оставил лось, осторожно пробиравшийся по краю болота. Глухарь пожаловал сюда: отпечатки его лап тянутся из леса. Побродил, попетлял по снегу, не нашел клюквы и вернулся в тайгу.

Почему рябчик маленький?

Иван с Михаилом приехали и сразу же повезли мясо дальше.

Каждый день по вечерам я нетерпеливо поглядывал через окно на болото, не раз выходил на лыжах. Ждал Ивана и дождался.

Заурчал однажды Валь и устоялся на дальний лес. Спустя немного показался лыжник, отягощенный рюкзаком.

Я выбежал к Лаверину, взял у него тяжелую ношу и пожурил немного.

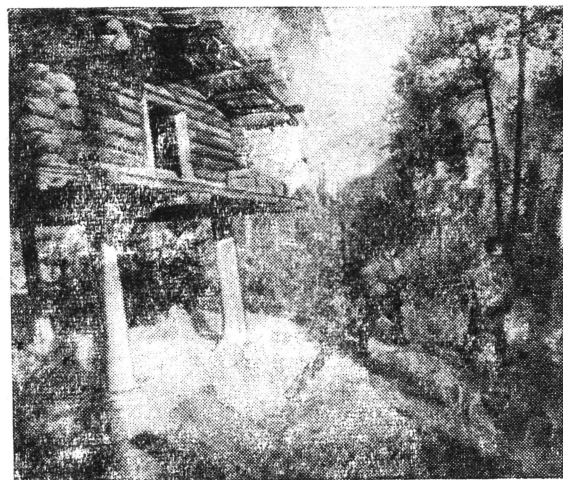
— Почему так долго, Иван?..

Он, как всегда, с неподдельной простотой ответил:

— Ты знаешь, мясо сдал, потом домой завез немного: старик и девка тоже ведь есть хотят... Теперь я до лета с вам!

В избе он выложил солидный запас чая, сахара и соли. Наконец-то мы по-настоящему живем!

Лаверин невысок, худощав, лицо мальчише-

Сомья.

ское, с застенчивой улыбкой. Очень добрый, очень скромный человек.

По всей присосьвинской тайге ходят о нем рассказы как о лучшем охотнике.

По вечерам, после трудов праведных, нередко прошу я Ивана о чем-либо рассказать.

Он улыбнется, разведет руками и скажет:

— Не знаю я...

А сам вижу — о чем-то озабоченно думает, вспоминает что-то. И наконец говорит:

— Сказку о рапчике знаешь?

— Нет. Охотно послушаю!

И начинается нескладная речь с частыми запинками. Начинается сказка, смысл которой можно передать так. Был когда-то рябчик гигантских размеров, больше его в тайге никого не было. Шел по земле — земля прогибалась. Садился на дерево — дерево ломалось. Взлетал — от ветра, поднятого взмахами крыльев, лес вокруг падал... А прочие птицы — глухари, тетерева, утки — были очень мелки. И когда лес падал, многие погибали.

Вот и загрустил рябчик-великан. Жаль ему стало и птиц, и деревья. Свой вес и сила стали ему не в радость.

«Поделюсь-ка я собственным мясом с другими», — решил он. И начал раздавать свое белое мясо всем. Досталось глухарю с копалухой, косачу с тетеркой, и даже на долю утки и кедровки немного пришлось. Много роздал мяса: кому-то больше, кому-то меньше. И поэтому стал рябчик очень маленьким — каким мы его видим теперь.

— Таймень маленько тоже получил! — закончил Иван и показал на щеку: — Вот сюда!..

Сказка-то сказкой, но вот вопрос: откуда, действительно, взялись «кусочки» белого, вроде бы «рябчиного» мяса у глухаря, тетерева, утки и даже на щеках у тайменя?

Эту сказку я не слышал нигде, кроме мансийских лесов.

К арене будущего боя

Как-то рано утром я столкнулся около избушки с Иваном. Он шел из тайги.

— Куда, охотник, путешествовал?

— Ятри ким смотрел... Ток...

— Ну, ну, рассказывай!

И он как-то таинственно сообщил мне:

— Скрадка, наверно, ставить надо... Болото совсем снег тает... Два ятри прилетел, перья оставил... Токовать скоро начнет.

На следующий день иду впервые в жизни на места тетеревиных и глухариних свадеб. Ближится время птичьих весенних турниров — горячая съемочная пора.

Тетеревиный ток оказался в двух километрах от избушки, по дороге, ведущей на Северную Сосьву, к несуществующему теперь селу Ильбипауль.

Ток на этом месте был с незапамятных времен. А потом люди проложили тут олений путь, которым пользовались очень редко — и только зимой. Почти все дороги в мансийской тайге — зимние. Летом удобнее передвигаться по реке, на лодке, чем тонуть в таежных болотах.

Перед спуском к токовищу стоит приметная сосна, ствол ее в метре от земли вздулся бутылкой. Иван поясняет, что это от затесов, которыми охотники и оленеводы обозначают путь.

Левее этого дерева мы и облюбовали место для палатки: здесь молодой густой ельник надежно скроет ее от глаз осторожных ятри — тетеревов. Замаскировали палатку елочками да ветками так, что осталось только окно для телеобъектива.

Сам тетеревиный ток — крохотная полянка на болоте среди молодых метровых сосенок. На пятачке диаметром пять-шесть метров мох основательно утрамбован птицами. Кое-где валяются перья, прошлогодние.

Иван все рассчитал за нас: куда должен «смотреть» объектив, где надо ставить микрофон.

Палатка замаскирована, теперь осталось принести сюда только аппаратуру. Когда убавится снега на токовище, придем сюда со своей техникой и будем с ночи караулить тетеревов. А пока нам можно следовать дальше — на глухариный ток.

— Далеко ли он? — спрашиваю я.

Иван шутовски ответил:

— Тихо пойдешь — далеко покажется, быстро шагать будешь — близко станет.

Нечто похожее сказал мне когда-то мой бывший проводник Данила Анямов из Усть-Маны: «Пешком идешь — далеко, олень или лошадь едешь — близко»... Мы шествуем на лы-

Перед «охотой».

жах по едва заметной вырубке, вблизи речки Урайпаты. По берегам ее уже распускается верба, несмотря на то, что кусты вербы наполовину в снегу.

По пути два раза делаем перекур, потом сворачиваем влево от дороги, в чахлый соснячок. Иван внимательно всматривается в каждое дерево.

— Чего ищешь?..

— Зимой затес делал, когда берлогу искал...

— Не к медведю ли в гости ведешь?

— Нет-нет!..

Через час плутаний по чахлому тайге мы попадаем в небольшой кедровый бор.

— Тут мансин-ким, глухарь токует...

Оглядываю место. Типичная тайга кругом, только по взгоркам высокие кедровые деревья вздымаются к небу. Густые заросли багульника, причудливый сухостой давно погибших деревьев-великанов.

— Какой урман! — говорю я.

Иван поправляет меня:

— Ур-ма — это совсем другое, это высокое место. А такой сырой тайга манси называют няр-ма.

В разговоре выясняется, что слово «ур-ма», от которого, должно быть, и произошло русское «урман», означает у мансийцев возвышенность среди болотистых мест, приметный лесистый взгорок.

Солист и дуэлянты

Забот и дел немало. Почти весь день заряжали кассеты, пробовали магнитофон с длинным кабелем, проверяли оптику, готовили теплые вещи, загружали рюкзаки.

Легли пораньше спать. Но не до сна мне было. Да и Лаверин всю ночь ворочался, кричал. Я часто зажигал электрический фонарик и смотрел на ручные часы.

Один Юра спал, как всегда.

Наконец, в темноте раздался голос Ивана:

— Наверно, пойдём?..

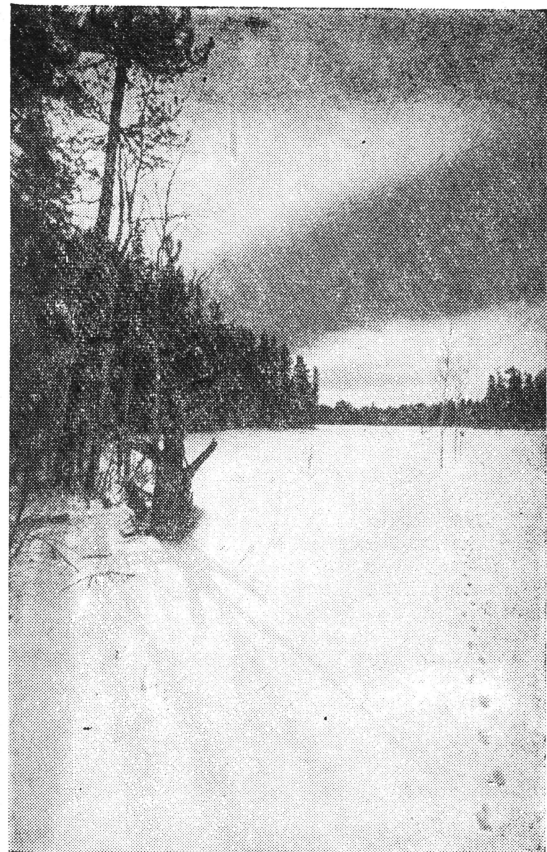
— Пойдем, — ответил я.

Заскрипели нары, керосиновая лампа осветила хижину, оборвался храп Юры.

Вскоре вышли из зимовья. Морозцем дохнула на нас таежная ночь. Звезды мерцали на мрачном черном небе. Зловещей тишиной настораживала тайга.

Привязали собак: они спугнут птиц, если увяжутся за нами. Лыжи не надели: снег подмерз и держит, а вернемся мы рано утром — еще не успеет подтаять.

Крадучись подходим к высоким соснам, где стоит наша кинокамера. Иван — впереди. За стволами, с поляны тока, неожиданно с шумом поднялась в воздух какая-то птица.

Прошла лиса.

Иван обернулся к нам:
 — Один улетел...
 Подходим ближе. Поляна пуста.
 — Видно, старый ятри был, первый прилетел.
 У меня упало настроение, но Иван успокаивает:

Глухариная песня.

— Скорей ставь ящик, который говорит...
 Поспешно креплю микрофон на кольшке и убегаю с поляны. Укрываемся в палатке. Выставляем трубу гигантского объектива.

На северо-востоке слабо засветлел край неба. В предутренней тишине — никаких звуков. Ждем долго, терпеливо.

Времени проходит много. Уж и рассвет наступил, и Юра, закутавшись в полушубок, уснул. Солнце позолотило макушки высоких кедров. А тетеревов нет!

И когда уже мы решаем, что птицы не соберутся, без всякой осторожности закуриваем, — в стороне раздается призывный клич: «кот-кот-кот-кот...»

Мигом включаю магнитофон. Приникаю к окуляру кинокамеры.

На поляну с громким криком опускаются три черныша. Один усаживается на низкую сушину, два других с шипением и клокотанием начинают гоняться друг за другом. У птиц набухшие красные брови, лирообразные хвосты, распущенные веером.

Иван смотрит, сияет улыбкой.

Расталкиваю Юру, пальцем показываю на окуляр: «Смотри!» Он долго прикладывает к визиру, наконец, увидев в аппарате крупное изображение тетеревов, произносит:

— О!..

Продолжаю нацеливать объектив на птиц, снимаю их время от времени, а больше наслаждаюсь удивительным тетеревиным сабантуем.

Расфранченные красавицы... Как они бравируют смелостью друг перед другом! Не птица, а живой букет.

С чужьяканьем, шипением и резкими выкриками косачи то насканивают друг на друга, то разбегаются в разные стороны, чтобы вновь сойтись в схватке. Каждый старается клюнуть другого или, взмыв невысоко, ударить лапами.

Перья летят по сторонам.

Но вот жужжание кинокамеры косачей настораживает. Они опускают хвосты и, подняв высоко головы, прислушиваются.

Стараюсь включать аппарат в минуты самых яростных схваток, тогда птицы не слышат шума..

Вот самцы еще больше остервенели. И теперь они уже не дрались, а каждый из них в одиночку демонстрировал свою неотразимость: подпрыгивал на одном месте, выкрикивал замысловатые «словечки», или, взлетев, тут же садился. Одним словом, косачи теперь изображали из себя искусных танцоров. Где-то за кадром одобрительно похваливали тетерки.

Один тетерев совершенно покорила меня. Прочно заняв позицию возле микрофона, он куда не отходил от него и никого не подпускал близко. Он медленно подходил к микрофону, опустив голову до земли, затем неожиданно выпрямлялся, издавал восторженный крик и подпрыгивал при этом.

Снова наклонившись к земле, тетерев отходил в сторону, бормотал себе что-то под нос. Возвращался опять к микрофону, и все повторялось сначала: подпрыгивание, выкрик, смешное бормотание. Ну чем не солист!

Микрофон явно заинтересовал косача. И он совсем забыл про драку!

Вдруг мимо тетерева бесцеремонно пробежал заяц. От неожиданности я не успел «схватить» его кинокамерой. Вожу объективом, ищу зайца... Нашел! Навожу на фокус, снимаю. Заяц сидит неподвижно, смотрит в сторону косача у микрофона. Тетерев возмущенно бормочет в сторону зайца, словно ругается: «Зачем пришел, косой? Не мешай токовать!»

Снимаю зайца и вижу: в кадр вбегает тетерев. Теперь они оба вместе. Зайчишка смешно поводит ушами и удивленно смотрит на черныша. А тот бормочет что-то, как старый дворник. — Прогоняет... — слышу я шепот Ивана за спиной.

Этой съемкой я очень доволен.

Кавалер и поклонницы

Лодка у Ивана совсем готова. Как только река очистится ото льда, сразу же поплывем вверх по Висуму на тот глухариный ток, который осматривали еще при снеге. Лед уже потемнел, раскололся и, кажется, вот-вот хлынет вниз по реке.

И случилось это накануне Первого мая, вечером. Нам казалось, что льдины своими холодными зубами заскрежещут о берега, загудит, застонет тайга... Но ничего грандиозного не произошло: весь лед на реке ушел за ночь.

Утром поздравили друг друга с праздником, стол накрыли, как подобает в таких случаях. Радио послушали. А к вечеру собрали аппаратуру и снаряжение, чтобы перебазироваться на жительство к новому току.

На столе оставили такую записку:

«Саша Папуев! Владимир Кирсаньевич! Или другой товарищ, посланный за нами! Мы уплыли на лодке вверх по Висуму. Наш лагерь будет находиться немного выше устья речки Саликольи. Для знака поставим на берегу операторский зонт...»

Иван скрепил вместе две лодки — новую со старой, маленькой. Получился «катамаран», который мы загрузили до предела.

С помощью кормового весла Лаверин один поднимал лодки вверх по реке, а мы с Юрой «порожняком» пробирались по берегу. Шли через завалы, сквозь таежную чащу, по болотам и звериным тропам, мимо сгнивших слепцов на глухарей, поставленных много лет назад еще отцом Ивана.

Речка Саликолья встретила нас по-водьем.

Свою съемочную базу мы соорудили на правом берегу Висума, в километре выше устья Саликольи. Наш дом — четырехместная палатка — вместил все кинохозяйство. Едва закончили устройство — солнце спряталось за тайгу.

...Можно ли предугадать то, что увидишь на глухариную току?

В тот вечер на току почему-то было тихо. Мы бесшумно подкрались к палатке. Сели на лежащее поблизости дерево. Хотелось помечтать, поговорить между собой, прислушаться к лесной затаенной тишине. Она во всем: в вечерних силуэтах стволов, в причудливо переплетенных ветвях, в звездном темном небе.

— Почему глухарей не слышно? — тихо спрашиваю проводника.

— Спят, наверно, —

отвечает Иван. Но неожиданно, ткнув меня локтем, добавляет: — Вон сидит, видишь?..

Я едва различил силуэт большой птицы на сухом кедре: опущенный лопатой хвост, втянутая шея, ни малейшего движения — глухарь слился с неподвижностью ветвей мертвого дерева.

...В маленькой палатке спать тесно: ножки штатива у головы, разложенная оптика, горка кассет, микрофон — нельзя даже повернуться. И все же сон взял свое. Проснулся я от прикосновения руки Ивана и громкого глухариного «точения» возле палатки. Сон пропал моментально.

— Токует!.. — глухим шепотом произнес манси и пригрозил мне: — Тише, тише!..

Тянусь с электрическим фонариком к «Репортеру», включаю запись. Стрелка сильно вздрагивает, значит, глухарь близко у микрофона.

Не терпится мне взглянуть на таинственного солиста. Освобождаюсь от спального мешка, осторожно встаю и смотрю в окно палатки. В лесу

полумрак. Лишь только белеет микрофон на «пяточке», который кажется совсем рядом. По «пяточку» взад-вперед расхаживает петух-громдина с полукруглым хвостом. Самозабвенно поет свою тихую, странную песню. Вначале он как бы настраивается, издает звук «тэк-тэк-тэк» или «ток-ток-ток».

Не верю, что недоступная таинственная птица — передо мной, рядом, я различаю каждое ее перышко, вижу блестящий глаз, строго следящий за всем, что происходит в тайге.

Стараюсь вникнуть в загадочную песню глухаря. Долго размышляю, ищу в своих мыслях сравнение и, кажется, нахожу. Это — шелест листьев, тихое шипение сырых дров в костре, шум капли, треск сучка.

Глухариная песня — это песня лесной тиши-

Последние кадры.

ны. Наделенный от природы едва слышным голосом, глухарь невольно должен обладать повышенным слухом. Хотя бы для того, чтобы слышать своих же токующих вдали соперников.

Песня эта необыкновенно удачно создана для самой тишайшей ночи. Ведь в ночной тайге не надо кричать громко! И природа учла это.

Пока я наблюдал за глухарем, заметно посветлело. Включил магнитофон. Приложился к окуляру кинокамеры. Сердце мое учащенно забилось: через телеобъектив я увидел крупное изображение самого царя крылатых тайги.

И тут произошло удивительное. В стороне послышалось хлопанье крыльев, заохотали глухарки, и вскоре три рябенькие курицы опустились на пяточок к нашему герою.

Я включаю магнитофон и кинокамеру. Иван вылезает из спального мешка и с удивлением смотрит в щель. Мне интересно и то, что происходит на току, и то, как реагирует на это манси.

— Смотри, копалухи дерутся!..— с детским восторгом произносит Иван.

На току происходила необыкновенная сцена, вызвавшая в нас одновременно и восторг, и смех, и опасение не спугнуть птиц.

С прилетом самок наш глухарь еще больше воодушевился, стал токовать без передышки, захлебываясь. А глухарки тихо стонут и покорно припадают к земле, когда краснобровый черный «хан» проходит мимо. Чуть отойдет он — они дерутся между собой, кричат громко, душераздирающе, клюют одна другую. Сами они такие серенькие, неказистые перед красавцем-глухарем.

— Манси-то как мужик!..— шепчет мне Иван, а сам зажимает рот от смеха.

Веером приподнят хвост глухаря, концами крыльев чертит он по земле, мохнатая борода под белым орлиным клювом, красные брови, шея отливают вороненой сталью,— весь он расфранчен, разукрашен неяркими, но цветными перышками.

Говорят, что глухарь — вымирающая птица. А жаль, если уйдет с земли эта гордость северной природы.

Едва успеваю перезаряжать кассеты на кинокамере и менять катушки у магнитофона. Для обоих аппаратов не жалею пленки: то, что происходит сейчас перед глазами, не каждому кинооператору удастся увидеть.

Еще лет десять назад затевал я съемку «Глухарь — птица таежная», но директор киностудии, где я работал, объяснил мне, что это мероприятие заранее обречено на неудачу. В пример ставились не совсем успешные съемки какого-то шведского натуралиста. И под этим предлогом кинокартина о глухаре была отклонена...

Но вот в лесной мир заглянуло солнце. Его еще не видно, лишь кроны высоких кедров засветились бледной позолотой. И от этого смутились глухарки. Насторожился черный красавец. Прервал свою песню. Скрылся в глубине тайги...

Можете представить себе, с каким чувством шагал я с тока. В рюкзаке был драгоценный груз, давняя, многолетняя мечта — запечатленный в движениях, в звуках токующий глухарь.

В другой раз, уже на Хуре, произошел любопытный случай.

В лесу было еще сумеречно, когда я стал из своего укрытия снимать светосильным объективом токующего глухаря. Аппарат тихо застрекотал. Глухарь перестал «таксовать», прислушался к шуму, которого он еще не слышал. Медленно повернулся и пошел к палатке.

«Что ж произойдет?» — подумал я. Мне ка-

жется, что еще не было случая, чтобы глухарь шел на кинооператора. Не прерывая съемки, я едва успевал переводить фокус. Глухарь заполнил хвостом-веером весь кадр, но продолжал идти вперед.

Кончилась пленка в кассете. Аппарат при этом издал характерный визжащий звук. Глухарь остановился, повертел головой из стороны в сторону, посмотрел на объектив то одним, то другим глазом.

До птицы всего три метра!

У меня тряслись руки при смене кассет. Одна мысль: «Лишь бы не улетел». Но глухарь стоял.

И вот снова застрекотал аппарат. Глухарь нагнул шею к земле, как бы кланяясь объективу, и быстро вскинул голову, издав при этом странный звук — кхе-кхеу.

Поклоны и песня повторялись еще и еще. Глухарь явно вызывал на поединок своего соперника, находящегося, по его убеждению, в скрад-ке.

Снова неожиданная сцена: черный бородач сорвался с места и быстро побежал по лесу в сторону от палатки. Я едва успевал наводить кинокамеру. Глухарь несся с высоко поднятой головой, под лапы не смотрел и не спотыкался. Как заправский спортсмен, мастерски перепрыгивал через поваленные стволы, лабиринт между деревьями. Сколько прыти оказалось у этой громоздкой и вроде бы неповоротливой птицы!

Но вот глухарь резко остановился. Тут же в кадр вбежал другой бородач с распущенным хвостом. И они оба, кланяясь друг другу, стали охрипшими голосами издавать — кхе-кхеу...

Метр за метром складывалась кинопоэма о таежной весне.

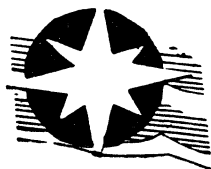
И вот наступило время отъезда. Вечером я один бродил по тайге, как бы прощаясь с ней. Это несколько сентиментально. Но я ничего не мог поделать с собой: мне надо было в последний раз взглянуть на те места, которые, быть может, никогда больше не увижу.

Прощайте сосновый бор, сомя на «курьих ножках», кедрач и болото!

Вечерняя тишь сгладила поверхность реки. В ней, как в зеркале, опрокинуты берега с деревьями, небо голубое с облаками... Весь мир отражается в воде.

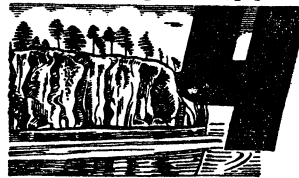
Близится полночь, а светло. По реке разносится терпкий аромат распустившихся черемух. Наша последняя дорога из весенней мансийской тайги усыпана белым цветом северной «вишни».

Фотографии автора

ЧУСОВАЯ — НЕ СВАЛКА!

ОПЕРАЦИЯ

Нынче ледоход на Чусовой закончился быстро. Но вскоре после того, как проплыли последние льдины и стаял береговой припай, уровень воды в реке неожиданно стал угрожающе подниматься. То ли прошедшие дожди переполнили русло, то ли из прудков стали сбрасывать воду — кто знает. Вот вода уже поднялась на метр... на два... Поплыли мимо доски и бревна от снесенных мостков и оград, с корнем вымытые из берегов кусты и деревья, охапки сена...

А когда вода спала, глазам предстала удивительная картина. Кустарники из зеленых стали бурными от мусора, осевшего на них. На берегах и островках в беспорядке, отнюдь не живописном, отложились то, что могло бы полностью обеспечить годовой плап крупной базы конторы «Вторсырье». Дырявые тазы и чайники, ржавые консервные банки и мотки проволоки, ученические тетради и рваное тряпье, резиновые сапоги и автопокрышки — чего тут только не было!

Но откуда все это взялось? Промышленные предприятия к этому виду отходов отношения не имеют. Может быть, туристы? Что ж, какая-то доля их вины здесь есть — не всегда убирают за собой места стоянок вблизи берегов. Но туристы не берут в поход тазы и грабли, глиняные крышки и ящики из-под масла.

Нет, ясно, что основного виновника нужно искать не среди них. Его нетрудно найти, если пройти по берегам Чусовой в пределах любого населенного пункта — мусорные свалки и помойные ямы здесь размещены как раз вблизи реки.

Такое отношение к Чусовой, реке — поилнице и кормилице, можно назвать просто свинством. И хочется спросить: где же местные природолюбцы, деревенские фельдшерские пункты, сельские Советы?

В. АЛФЕРЬЕВ,
и. о. директора турбазы

От редакции. Хорошо, если бы школы приречных деревень взяли на себя заботу о родной реке — организовали бы постоянно действующие посты наблюдения за чистотой берегов Чусовой. Кто будет первым? Ждем сообщений.

ЗА ЛЕНИНСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ

«...Коллектив Первоуральского новотрубного завода, идя навстречу 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, включился во Всероссийское социалистическое соревнование за ленинское отношение к природе...» Такими словами начинается обращение коллектива одного из крупнейших заводов Среднего Урала ко всем коллективам предприятий и учреждений Свердловской области. С подобным же обращением одновременно выступил коллектив Голубковского совхоза Алапаевского района.

Бюро Свердловского обкома КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся одобрили инициативу первоуральцев и алапаевцев и призвали все предприятия и учреждения области широко развернуть социалистическое соревнование за сохранение, рациональное использование и приумножение природных богатств Урала.

Среди обязательств, взятых на себя коллективом трубного завода, есть большой раздел, посвященный реке Чусовой. Первоуральцы решили осуществить практическую помощь реке, сохранить ее чистоту и красоту. Они обязались:

Полностью освоить отпущенные средства на строительство и реконструкцию очистных сооружений в 1969—1970 годах.

Закончить в III квартале 1969 года и сдать в эксплуатацию вторую очередь очистных сооружений канализации, которая обеспечит прием сбросов всех предприятий города.

Закончить в IV квартале 1969 года строительство шламонакопительного пруда первой очереди и сдать его в эксплуатацию. Закончить в III квартале 1969 года строительство второй очереди прудка-отстойника на речке Пахотке с доведением его производительности до проектной мощности.

Выполнив это, завод уже в нынешнем году полностью прекратит сброс неочищенных промышленных стоков в Чусовую.

Надеемся, что это сбудется! Желаем первоуральцам успешно выполнить свои патриотические обязательства.

КАРЬЕРЫ ГУБЯТ РЕКУ

От знакомого геолога я давно был наслышан о живописных береговых скалах-«бойцах» Чусовой, о реликтовых растениях, растущих на некоторых камнях, в частности, на камне Крылосовском, об интересных береговых обнажениях, в частности, в районе деревни Крылосово.

Его рассказы «позвали» меня в дорогу. И вот в один из свободных дней поезд электрички доставил меня на разъезд Гравийный, от которого ведет дорога к Крылосовскому карьере. Примерно километра полтора пути, и на берегу видны отвалы породы — это карьер. Много лет здесь, в береговом склоне реки, ведется добыча известняка, который используется для получения извести и как строительный материал. Горные работы неузнаваемо изменили облик местности. Котлованы, где ведется ломка камня, глубоко врезались в берега, уже нет знаменитых береговых обнажений и скал-«бойцов» — на их месте высятся отвалы пустой породы.

Но то, что я увидел дальше, потрясло меня.

Левый берег реки совершенно перелопачен экскаваторами, обезображен взрывными работами. Сотни тысяч тонн пустой породы, сваленной в русло Чусовой, перегородили ее более чем на две трети ширины. Обезображенная завалом, Чусовая мечется в узкой теснине, пенятся ее мутные взбаламученные воды.

Ниже, за дробильной установкой, река растекается широким потоком. Но и здесь не кончается поединок Чусовой с человеком. Русло реки потеряло свой естественный облик — оно завалено битым щебнем и различными отбросами карьера. Видно, что на протяжении многих лет свозятся они сюда и сбрасываются в реку. Даже на широкой луговой пойме, некогда служившей отличным пастбищным угодьем, создан отвал. Огромный вал земли и камня все дальше и дальше наступает на пойму. Карьер теснит узкую полосу соснового леса, что сохранился на берегу реки. Это лес водоохранной зоны, от его состояния во многом зависит режим стока. Сейчас по указанию администрации Крылосовского завода этот лес пущен под топор.

Но водоохранные леса у Крылосово гибнут не только от вырубок, но и при ведении взрывных работ на карьере. Канонада взрывов сотрясает все вокруг. Глыбы камней разлетаются в разные стороны, каменный дождь ломает деревья, засыпает кустарники, забивает русло реки, уничтожает в ней все живое.

В тот день я побывал у директора известкового завода и карьера Рассошных. То, что он рассказал мне, было мало утешительным.

Более трех десятилетий работает Крылосовский завод, но на нем и поныне нет очистных сооружений и все промышленные стоки предприятия и поселка спускаются прямо в Чусовую. Неуклонно растет площадь горного отвода, а значит, увеличивается и площадь под отвалы.

— Мы еще в течение пяти-десяти лет, не меняя технологии и схемы организации работ, будем разрабатывать старый карьер. А потом перейдем на новую площадь, — спокойно рассказывает директор.

А это значит, что на берегах и в русле реки возникнут новые горные отвалы, пойдут под топор новые массивы водоохранных лесов, изменится облик естественноисторических ландшафтов.

Развивается производство, увеличиваются масштабы наступления на природу, а в поселке и на заводе до сегодняшнего дня нет организации общества охраны природы. И не находится человека, который бы забил тревогу по поводу происходящего. Чусовой ежедневно наносится ущерб, но это мало кого беспокоит.

Чусовая у Крылосово просит защиты. Нужны самые решительные меры по охране и рациональному использованию приречной полосы реки. Земельные и горные угодья, богатства недр и вод Чусовой должны быть использованы бережно, рачительно, разумно.

А. УРЯДНИКОВ,
краевед

От редакции.

Получив это тревожное письмо, редакция направила в Крылосово члена штаба операции «Ч» инженера-гидролога В. К. Головки. Факты, изложенные в письме, полностью подтвердились. Крылосовский известковый завод управления строительных материалов Свердловского облисполкома грубо нарушает закон об охране природы. Берега и русло реки Чусовой засоряются массовым сбросом пустой породы, вырубается водоохранные леса, нарушаются естественноисторические ландшафты, нерационально используются ресурсы недр.

Рейд штаба операции «Ч» по горнопромышленным предприятиям, расположенным вблизи Чусовой, показал, что многие из них также наносят серьезный ущерб богатствам реки.

Так, Староуткинский карьер треста «Ижевскнеруд» Удмуртской АССР разрушил камень Слизкой, который считается памятником природы. Русло Чусовой ниже Староуткинска засорено сбросом горной породы, естественный режим нарушен, нанесен ущерб рыбным богатствам реки. И все же здесь предполагается в дальнейшем создать горнорудное предприятие, с площадью горного отвода 15 га и ежегодным планом переработки 17 миллионов кубометров горной породы.

Галкинский и Сухореченские карьеры по добыче флюсовых известняков, Уральский завод теплоизоляционных материалов, которые находятся в непосредственной близости к Чусовой, сваливают отработанную породу и промышленные отходы на затопляемую весенними водами пойму реки. Это ведет к засорению русла и резкому ухудшению санитарного состояния Чусовой.

Разрушают ценные естественноисторические памятники и обезображивают природные ландшафты и Южно-Чусовской карьер (г. Чусовой), и Ревдинский карьер треста «Ижевскнеруд», и Староуткинский металлургический завод и ряд других предприятий и организаций.

Редакция журнала просит руководителей этих предприятий рассказать, что намерены они предпринять для охраны и рационального использования природных ресурсов реки Чусовой.

Из дневника «Глобусят»

На призыв «Уральского следопыта» принять участие в операции «Ч» одним из первых откликнулся и вышел в поход соединенный отряд следопытов общества «Глобус» Свердловского Дворца пионеров и школы-интерната № 8 города Свердловска. Маршрут проходил по Шалинскому району.

Начальный пункт на Чусовой — деревня Волегова. От нее путь лежал вверх по реке через села Мартьяново, Чусовое, поселок Староуткинск и, наконец, деревню Курья.

Ребята исследовали берега Чусовой, состояние дна, взяли пробы воды и сдали их на анализ в лабораторию. Они осмотрели памятники природы, уничтожили по дороге семьдесят морд, приготовленных браконьерами.

Местные жители приветливо встречали свердловчан, показывали, где хищнически вырубается лес, где туристы варварски портят живописные скалы. «Молодцы! Давно пора заняться Чусовой!» — эти слова часто слышали следопыты.

Вот несколько записей из дневника похода.

«Недалеко от деревни Волеговой нашли тридцать морд. Уничтожили их. Воду из реки население использует в пищу, поит скот. В этом месте в Чусовой в небольшом количестве водится лещ и щука, много гальянов, пескаррей.

Совсем близко от камня Палатка на берегу находится свиноферма. Она очень портит вид Чусовой, а главное — всю грязь спускает в реку».

«У села Мартьяново вся поверхность реки покрыта бен-

зином, хотя в районе хозяйственно-бытовых сбросов в Чусовую не ведется. Откуда он? Надо исследовать».

«Около камня Шило на левом берегу обнаружили вырубку леса — население рубит высокоствольные ели, сосны, березы».

«В полутора километрах от поселка Староуткинска разрушается камень Слизкой».

Староуткинский завод систематически сбрасывает производственные отходы в реку».

Вернувшись из похода, следопыты принялись за составление подробного отчета и альбома снимков, схем и других материалов и документов.

Е. КОСТИНА

Как обследовать памятник природы

Отправляясь в путешествие по Чусовой и ее притокам, нужно составить список всех официальных памятников природы, предварительно отметить объекты исследования, собрать имеющийся литературный и научный материал.

При изучении памятника природы прежде всего необходимо установить его точное местонахождение, указать, на каком километре реки, в каком месте он находится. Затем следует подробно обследовать памятник, выполнить эскизные зарисовки сделать фотографии собрать образцы горных пород, растений и другого характерного для данного памятника материала.

Нужно составить подробное описание памятника, где следует дать не только внешний вид его, но и указать характерные особенности, отметить влияние на него высоких весенних вод, лесосплава, вырубки леса.

На основе ранее собранных сведений и дан-

ных, полученных от местных жителей и используя материалы непосредственного натурного обследования, необходимо определить наиболее ценное и характерное для данного памятника природы. Очень важно собрать сведения о происхождении названия памятника, записать были, легенды и рассказы местных жителей — все, что имеет отношение к нему.

В описании обязательно укажите, как используется памятник, в каком состоянии он находится, организовано ли его изучение и защита, имеют ли место случаи, когда в результате хозяйственной деятельности наносится урон, изменяется первоначальный вид памятника и т. д.

Выясните, взят ли памятник под охрану местной школой, сельским или поселковым Советом, разработайте предложения по охране, изучению и рациональному использованию его.

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ НА ЧУСОВОЙ

Чусовая и Причусовье богаты памятниками природы. Редко где встретишь такое обилие их. В первую очередь это скалы или камни. Это о них писал Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Бойцы»: «Главную красоту берегов составляют скалы, которые с небольшими промежутками тянутся сплошным утесистым гребнем. Некоторые из них совершенно отвесно поднимаются вверх сажен на шестьдесят, точно колоссальные стены какого-то гигантского средневекового города».

Но скалы эти интересны для нас не только красотой своей. Они важны также и в научном отношении.

Скалистые обнажения покрыты своеобразной растительностью, среди которой встречаются редкие реликтовые (доледникового происхождения) альпийские скальные растения в сочетании с арктическими и южными степными видами. Здесь насчитывается около 50 различных видов. Эти сочетания описаны в научной литературе и пользуются всеобщей известностью. Их дальнейшее изучение поможет решить вопросы, связанные с происхождением флоры Урала.

Интересны и важны чусовские камни и для геологов — тем, что помогли сделать ценные наблюдения о геологическом прошлом края.

Издавна влекут к себе скалы Чусовой и археологов — ведь многие из этих каменных великанов служили некогда удобным местом стоянки для древних насельников края, сторожевыми постами для них.

Вот почему эти места нужно всячески беречь от разрушений, от пожаров и порубок, от потравы скотом и от осквернения «автографами» горе-туристов.

Мы упомянем о некоторых из камней, взятых под официальную охрану.

1. Камень **Собачья ребра** — на левом берегу Чусовой, около села Слободы (в районе ст. Коуровка). Недалеко от него есть и другой памятник природы — один из самых крупных экземпляров деревьев, известных на Урале. На нем лист с надписью: «Этой лиственнице около 400 лет. Высота 38 м, окружность у основания 7,5 м. Находится под охраной Свердловского отделения Всероссийского общества охраны природы. 5 июня 1954 года».

2. Камень **Гребешки** — тоже на левом берегу, но в 30 километрах ниже Коуровско-Слободской турбазы, уже за селом Трека. Характерный пример выветривания пластов известняка.

3. Камень «боец» **Винокуранный** — на левом берегу реки, на подходе к деревне Курье, что вблизи Староуткинска. Один из наиболее величественных и красивых камней Чусовой.

4. Камень **Богатырь** — тоже левобережный, на северо-западной окраине Староуткинска. Геологический и историко-литературный памятник (описан в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка).

5. Камень **Слизкой** — сразу на выходе из Староуткинска. Он тянется более чем на сто метров. В камне было две пещеры, одна из них сквозная, с двумя входами. Слизкой тоже описан Д. Н. Мамин-Сибиряком. Для геологов он интересен тем, что во всю его длину тянется крупная антиклинальная складка. К сожалению,

камень почти полностью разрушен организацией, ведущей здесь заготовку известняка.

6. Камень **Переволочный** — в нескольких километрах ниже села Мартьянова. Здесь река делает крутую, почти замкнутую петлю длиной пять километров. Между началом и концом петли — перешеек, длиной немного более ста метров. Сокращая расстояние, этим перешейком пользуются как волоком. Камень около него, занявший по правому берегу почти полкилометра, поэтому и назван Переволочным. В нем тоже есть небольшая пещера. В известняках скал много окаменелостей — свидетелей геологического прошлого края.

7. Камень **Высокий** — в пяти километрах ниже деревни Волегово — напоминает, особенно при боковом солнечном освещении, средневековый замок. Он тянется по правому берегу на триста метров.

На участке между деревнями Кашка и Еква три интересных камня — Омутной, Дыроватый и Олений.

8. Камень **Омутной** — на правом берегу, высотой метров 60 и длиной более 300. Один из самых крупных на Чусовой и самых опасных бойцов.

9. Камень **Дыроватый** — он ниже Омутного по течению километра на два и растянулся вдоль левого берега на целый километр. Очень живо-

писные скалы. В средней части их — одна из самых крупных пещер на Чусовой. Другая пещера — археологический памятник, стоянка древних манси.

10. Камень **Олений** — еще ниже по течению, километрах в трех от Дыроватого. Это — стена плотно прижавшихся друг к другу громадных каменных башен, увенчанных куполами и шпилями (самый высокий из них — 75 метров). Олений — подлинная жемчужина Чусовой. С камнем связаны интересные легенды. Есть небольшие пещеры. К сожалению, скалы сильно испорчены надписями любителей «автографов».

11. Камень **Писаный** — в двух километрах ниже деревни Пермяковой, на правом берегу. Важен как геоморфологический и исторический памятник — на его вершине много редких растений, а на скалах имеются надписи древних насельников края (за что он и получил свое имя). Между прочим, на противоположном берегу на массивном каменном основании установлен высеченный из камня крест, высотой около двух метров — память, оставленная Акинфием Демидовым о том, что на этом месте в 1724 году родился его сын Никита.

12. Камень **Столбы** — от Писаного его отделяет менее километра. Это, пожалуй, наиболее причудливые скалы на Чусовой, они тянутся на 350—400 метров. К сожалению, камень труднодоступен для восхождения, и им чаще всего любуются лишь с реки или противоположной стороны. Но он заслуживает того, чтобы обследовать его обстоятельно — это «месторождение» интересных реликтовых растений, а также своеобразный геологический памятник.

13. Камень **Дужной** — один из самых высоких и самых красивых чусовских бойцов. Высота его — 60—70 метров. Скалы-башни как бы соединены гигантскими дугообразными арками. Первую скалу иногда называют камень Дружный. Камень расположен на правом берегу, на подходе к деревне Кайгородово.

14. Камень **Ростун** — в одном километре выше деревни Усть-Серебрянки, на правом же берегу. Это колоссальная каменная стена с громадными бастионами, поднимающаяся на высоту 80—90 метров. Второй по высоте камень на всей Чусовой.

15. Камень **Печка** — сразу за новым поселком лесозаготовителей, на подходе к старинному уральскому селу Кын. Камень на левом берегу, он невысок (30—35 метров), но интересен в геологическом отношении — ядро крутой антиклинальной складки образует здесь большую нишу, в которой даже можно укрыться от дождя вместе с лодкой.

16. Камень **Денежный** — следом (по течению) за камнем Высоким, напротив деревушки

Зябловки. С камнем связана история крушения барки, груженной чеканной монетой. Ящики с деньгами пошли на дно, но когда вода спала, их достали.

17. Камень **Высокий**, или **Великан** — в окрестностях села Кын, на правом берегу реки. Самый высокий и самый громадный камень на Чусовой — его высота более ста метров, а длина — более километра. В камне есть пещеры. Подъем на камень труден и небезопасен. Но опытным туристам с альпинистской подготовкой он «поддается».

18. Камень **Мултык** — ниже Кына, вскоре после деревушки Долгий Луг, на левом берегу. Это несколько массивных скал, напоминающих развалины фантастического замка, заросшие лесом.

19. Камень **Ермак** — вскоре за устьем реки Сылвицы, на правом берегу. Это массивная светлая четырехугольная скала, высотой 30 метров. В средней части ее, на высоте 18—20 метров, есть вход в большую пещеру, проникнуть в которую, однако, можно, лишь спустившись сверху на веревке. Об этой пещере рассказывают много легенд, связанных с именем Ермака. Возможно, что она действительно служила убежищем дружине Ермака, но доказательства этому пока не найдено.

В 5—6 километрах ниже дер. Усть-Кумыш, на небольшом расстоянии друг от друга, сразу три интересных камня — Молоков, Разбойник и Пять братьев — знаменитые на Чусовой бойцы.

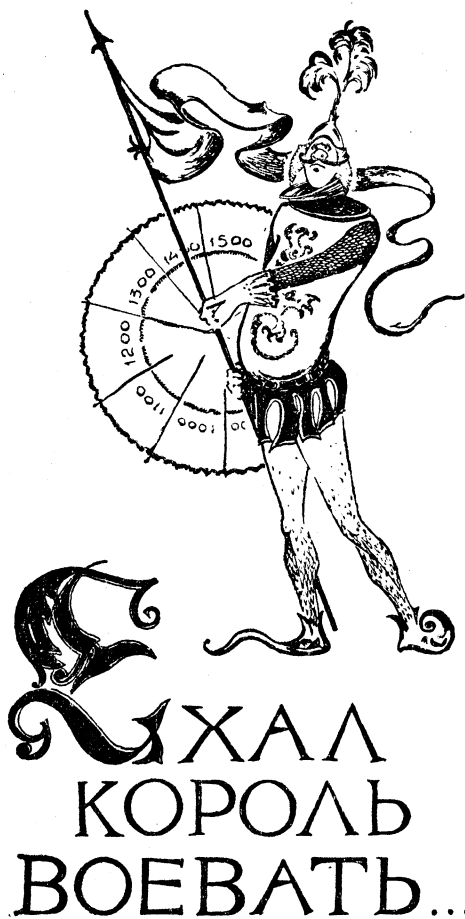
20. Камень **Молоков** — относительно невысокий, назван так потому, что во время весеннего половодья вода, накатываясь на боец, пенится, как кипящее молоко. В конце 1870-х годов часть камня была взорвана, чтобы сделать его менее опасным для барок.

21. Камень **Разбойник**, — пожалуй, самый знаменитый боец Чусовой — он описан во многих произведениях, и в первую очередь в «Бойцах» Д. Н. Мамина-Сибиряка. В 1877 году в течение нескольких часов об него разбилось 23 барки и утонуло более ста бурлаков.

22. Камень **Пять Братьев** — на том же берегу, что и Разбойник. Это пять больших и еще несколько мелких скал, разделенных глубокими логами.

Хорошо, если бы участники рейда, обследовавшие эти памятники природы, прислали в штаб подробные описания их современного состояния.

[По материалам Ф. Опарина, Р. Рубель, А. Шарца, Е. Ястребова и других].

В ХАЛ КОРОЛЬ ВОЕВАТЬ...

Рассказ-шутка

М. НЕМЧЕНКО,
Л. НЕМЧЕНКО

...1990-й... 1991-й... 1992-й... Годы неторопливо ползли друг за другом по красной шкале индикатора дальности, и с каждой следующей цифрой сердце Кена билось все учащенней. Он слишком хорошо знал, какой опасный отрезок пути сейчас пересекает. Именно здесь, на самом стыке тысячелетий, исчез на прошлой неделе Ян Браун. А сколько не вернулось до него!..

Правда, руководители фирмы во всеуслышание заявляют, что добрая половина на исчезнувших водителей — просто морально разложившиеся невозвращенцы, улизнувшие от своих семейных и служебных обязанностей. Доказательства? Разумеется, никаких. Разговоры о невоз-

вращениях ведутся с единственной целью: успокоить не на шутку встревоженных водителей. Дескать, уверяем вас, что от пушек пиратов гибнет, по крайней мере, вдвое меньше машин, чем принято думать...

Глаза Кена настороженно обшарили экран хронологатора. Пусто, ни единого пятнышка. Даже не верится, что из этой пустоты каждую минуту может вынырнуть затаившаяся в засаде машина врага. Может быть, вот сейчас...

Да, «зона пиратства»... Каких-нибудь полтора года назад Кен и его товарищи и не подозревали, что в их словаре появятся эти зловещие слова. Они спокойно колесили по дорогам времени, принося в улей своей фирмы драгоценный нектар заказанной информации. Ведь фирма «Вести из Грядущего» была единственным на континенте обладателем машин времени.

Но недаром говорят, что засекретить можно все — только не законы природы. Стоило физикам одной могущественной финансовой группировки несколько лет хорошенько поломать головы, как магическая формула путешествий во времени оказалась в их руках. И на свет божий появилась компания «Глашатаи Будущего», немедленно вторгшаяся флотилиями новеньких машин в завтрашние десятилетия.

Однако в завязавшейся конкурентной борьбе «Глашатаи» лишь незначительно потеснили пионеров коммерческого использования вечности. Усовершенствованные машины первооткрывателей по всем статьям превосходили только что вылупившиеся из чертежей времеходы соперников.

В то время как «Вести из Грядущего» поставляли своим заказчикам самую разнообразную информацию из любой хронологички почти на полстолетия вперед, — предельной дальностью для «Глашатаев» был 2000-й год. Неудивительно, что подавляющее большинство фирм и лиц, интересующихся будущей конъюнктурой, по-прежнему обращалось к «Вестям из Грядущего».

Стало ясно: новичкам потребуется не один год и не один десяток миллионов золотых, чтобы догнать зачинателей бизнеса предсказаний. И тогда мозговой трест «Глашатаев Будущего» решил послать этику к черту. На дорогах времени появились пираты.

Сначала никто в «Вестях из Грядущего» не понимал, почему вдруг начали пропадать машины. Но вскоре один уцелевший водитель, чудом сумевший дотянуть свой поврежденный взрывом времеход до базы, поведал, что с ним произошло. Выяснилось, что вооруженные импульсными пушками машины «Глашатаев» поджидают свои жертвы, укрывшись в засаде возле предельного для них 2000-го года. Эти гангстеры заранее пристреливают все окружающее хронополье в радиусе нескольких недель...

Разумеется, юриконсульты «Вестей из Грядущего» обращались в судебные инстанции. Но хозяева «Глашатаев» не поспешили на соответствующие ассигнования. И представителям «Вестей» авторитетно было сказано, что юрисдикция нынешних судебных, равно как и административных, властей на будущее не распространяется. Истцам следует обратиться к органам правосудия того времени, в которое совершены указанные правонарушения.

После этого «Вестям из Грядущего» оставалось только принять вызов и срочно вооружить свои машины. Но тут в дело властно вмешались экономические соображения. Большое увеличение веса времеходов существенно сократило бы радиус их действия. И там, наверху, в совете директоров, скалькулировали, что дешевле будет потерять лишний десяток-другой машин, чем допустить уменьшение объема заказов. Решено было ограничиться установкой на времеходах импульсных омега-пулеметов.

Пулеметы против пушек... Криво усмехнувшись, Кен бросил взгляд на большую красную кнопку, торчавшую в самом центре панели управления. Нет, конечно, если бы все водители поднялись, как один, — хозяевам фирмы быстренько пришлось бы вооружить машины по-настоящему. Но попробуй чего-нибудь добиться, когда каждый больше всего дрожит за свое место.

...А белые цифры лет на светящейся шкале индикатора дальности все ползли и ползли, словно километровые столбы, уплывающие назад. 1997-й... 1998-й... 1999-й... Кажется, все-таки пронесло... И в этот момент Кен увидел точку. Маленькое, едва заметное пятнышко, возникшее в самом низу экрана.

Прежде чем Кен успел что-нибудь подумать, рука сама собой метнулась к

красной кнопке. Нажатие. Резкая вибрация, пронзившая тело. Надвигающийся продолговатый силуэт, заполнивший уже пол-экрана... В следующую секунду машину закрутило в бешеном смерче импульсного взрыва — и все померкло.

Когда Кен пришел в себя, кабину еще слегка покачивало. Значит, все-таки жив! Приподнявшись в кресле, он оглядел свое хозяйство. Внешне все было цело, но экран и многие приборы не действовали. Только на индикаторе дальности по-прежнему плыли, — нет, теперь уже бежали! — белые полоски цифр. И бежали совсем в другую сторону. 1949-й... 1948-й... 1947-й... Времеход камнем падал в прошлое.

Пролететь через узкий люк в нижний отсек было для Кена делом минуты. Согнувшись в три погибели, он торопливо принялся осматривать двигатель. Вернее, то, что осталось от его хрупких нитевидных синхро-излучателей... У Кена шевельнулась надежда, что падение можно будет остановить. Но прошло немало вре-

мени, прежде чем ему удалось это сделать. А машина продолжала стремительно проваливаться сквозь столетия. И когда, закончив работу, обессиленный Кен рухнул в свое водительское кресло, его глаза уперлись в застывшую посередине красной шкалы цифру: «1134-й». Ниже, как всегда при остановке, стояла точная дата: «7 сентября, полдень».

Итак, он был в 12 веке, был навсегда отрезан от своего времени. Старина Кен, муж тоненькой крашеной блондинки, выступающей в телевизионных балетах, — современник крестовых походов... Атомы, из которых будут состоять его близкие, еще покоятся где-нибудь в неоткрытых месторождениях каменной соли...

Кен до хруста сжал пальцы. Он знал, что надеяться не на что. Проблема возвращения из прошлого не решена даже теоретически. Для любого, даже самого маневренного времехода спуститься в старину — значит исчезнуть.

Он долго сидел так, погруженный в горькие мысли. Потом открыл дверцу и вышел наружу. Машина стояла среди кустов. Ольшаник, густые заросли орешника с пожелтевшей листвой. Только что прошел дождь, с низкого, затянутого серыми облаками неба еще падали последние редкие капли.

Осторожно раздвигая мокрые ветки, Кен двинулся на разведку. Шагов через тридцать заросли кончились. Перед ним была дорога — скрывающаяся за лесом широкая полоса истоптанной копытами грязи, густо заваленная свежим конским навозом. Она была пустынна. Рядом, у обочины, валялись две бочки с выбитыми днищами. Поодаль, на невысоком пригорке, стая ворон деловито расклевывала труп лошади. И всюду навозные росыпы. Словно здесь совсем недавно прошло целое войско.

Войско... Далекое воспоминание мелькнуло в мозгу Кена. Ну да, конечно, как он не вспомнил сразу! Ведь 11 сентября 1134 года произошла знаменитая битва на Грейнском поле. Учитывая среднее невероятное пространственное отклонение его машины, это где-то тут, километрах в ста к югу. Король Уольф VIII и кочевники... Сомнений нет, он стоит сейчас на той самой дороге, по которой прошла навстречу врагу и неизвестности королевская армия.

Неизвестности — для Уольфа и его воинства. Но не для него, Кена! Ведь он

может во всех деталях предсказать исход битвы. И не только этой, но и десятков последующих. Как-никак, он всегда был по истории первым учеником в классе... Черт возьми, да ведь это же идея! Стать предсказателем! Собственно, это единственное, что ему остается. Он слишком необычен для этих времен, чтобы выжить в каком-нибудь другом амплуа.

Значит, переквалифицируемся в астрологи... И тут Кен вспомнил о своей униформе, лежавшей в ящике под сиденьем. Расшитые звездами мантия и колпак, без которых водителям категорически запрещалось появляться перед заказчиками. Руководители «Вестей из Грядущего» питали слабость к внешним эффектам... Но вот сейчас эта рекламная мишура оказалась весьма кстати. По крайней мере, он будет экипирован, как настоящий средневековый астролог.

Однако надо было действовать. Быстро вернувшись в машину, Кен опустил ее еще на четыре часа ближе к рождеству Христову. Все дальше вглубь — единственный доступный ему теперь вид передвижения во времени... Облачившись в свою звездную спецодежду, он снова вылез на свежий воздух. Как и следовало ожидать, было утро. Придерживая цеплявшиеся за ветки длинные полы, Кен пробрался сквозь кусты и с бьющимся сердцем выглянул на дорогу. Так и есть: головной отряд войск уже показался из-за леса.

Впереди, окруженный рыцарями, ехал король. Это был грузный бородатый человек в алом плаще, накинутом поверх лат. Над головой его развевалось белое знамя с изображением какого-то святого покровителя. Древко знамени даже на расстоянии напоминало ствол сосны средних лет, и ехавший по левую руку короля здоровенный детина, вполне годившийся по габаритам в прототипы Гаргантюа, держал его с видимым напряжением.

Когда всадники приблизились, Кен, явственно чувствуя дрожь в коленях, вышел из своего укрытия. Низко поклонившись, он воздел руки к небу и громко провозгласил:

— Светел твой жребий, о венценосный воитель! Зажжется четвертая от сего дня денница — и узришь великую победу и славу на поле Грейнском. К полудню же дрогнут враги твои, полягут их орды от могучей десницы твоих воинов. Вверх же благостному провидению.

Сдерживая нетерпеливого белого жеребца, король с любопытством смотрел на неведомо откуда взявшегося прорицателя. С любопытством, но явно без изумления. Видимо, астрологи были ему в общем-то не в диковинку.

«Может, просто не понял? — встревожился Кен, тщетно пытаюсь разглядеть на красном, изрытом оспинами королевском лице какую-нибудь зримую реакцию на свое пророчество.— Наверно, я недостаточно архаично выразился...»

Но тут король, бывший заметно навеселе, повернулся к одному из своих приближенных и, слегка икнув, произнес на латыни, которую Кен довольно прилично знал:

— Ты слышал, Манфред? Это становится забавным. Пусть его поместят в ту же повозку. Вели дать ему сухарей, сыра и вина. И пусть стража не спускает глаз. Одному из них я потом отрублю голову.

— А может быть, и обоим? — улыбнулся тот, кого называли Манфредом.

— Клянусь бородой, так и будет, если оба окажутся обманщиками,— отозвался король. И, тронув поводья, он поехал дальше, не удостоив астролога ни единым взглядом.

Тотчас же к Кену приблизились двое

мрачного вида стражей и велели ему следовать за ними. Мучительно размышляя над тем, что конкретно может означать для него услышанное, Кен поплелся в обоз.

В самом хвосте колонны стражи остановили запряженную парой лошадей повозку, обтянутую серой дерюгой, и знаками предложили астрологу незамедлительно в нее забраться. Кен повиновался. Какая-то тощая фигура отодвинулась в глубь повозки, освобождая ему место на сене. И лошади снова тронулись.

Неведомый попутчик сидел рядом, но в первую минуту Кен не мог его рассмотреть. Лишь когда глаза привыкли к полумраку, он разглядел незнакомца как следует,— и чуть не вскрикнул от изумления. Перед ним был... астролог!

Только сейчас Кен до конца понял смысл королевских слов. Так вот он, этот загадочный второй прорицатель, как видно, предсказавший королю нечто совсем несхожее с пророчеством Кена! И теперь этому бедняге через несколько дней отрубят голову. Наверно, сразу же после Грейнской победы... Собственно, это произошло бы и без его, Кена, конкуренции,— но все равно ему теперь не избавиться от чувства вины. Правда, есть

еще четыре дня в запасе, и, может быть, удастся что-нибудь придумать, чтобы выручить неожиданного коллегу... Подумать только, водитель времехода и бедный средневековый мошенник оказались в одной компании!

Пока весь этот вихрь мыслей пронесился в голове Кена, глаза его продолжали жадно разглядывать астролога. А тот, в свою очередь, не сводил глаз с пришельца.

Самое удивительное, что весь внешний облик этого уроженца средневековья был словно списан с времепроходцев двадцатого века. Гладко выбритое лицо. Почти такая же, как у Кена, прическа. И, главное, одежда! Даже звезды на мантии точно такого же размера и расцветки, как на его, Кена, одеянии... Стоп, да там, кажется, какая-то надпись! Ну правильно, как это он сразу не заметил... Кен придвинулся чуть поближе и прочел вышитые золотом на воротнике незнакомца слова: «Глашатаи Будущего».

Прямое попадание молнии в повозку не могло бы потрясти Кена больше, чем эта надпись. Секунду он сидел как оглушенный. Потом, не помня себя от ярости, бросился на врага с кулаками.

— Получай за все свои засады! — выкрикнул он, хватая «Глашатаю» за грудки и одновременно нанося ему энергичный удар в челюсть. — За все, что ты сделал со мной, собака!..

— Говори по-немецки! — прохрипел «Глашатай», с трудом отбрасывая Кена от себя. — Мы здесь не одни...

Несколько отрезвленный этими словами, Кен внимательно огляделся и только теперь увидел третьего пассажира трясущейся по рытвинам повозки. Это был толстый седобородый старик в черной монашеской одежде. Он лежал в самом темном углу и, видимо, все это время дремал, запахнувшись в свою хламиду. Сейчас, разбуженный потасовкой, старикан с нескрываемой злостью смотрел на передравшихся астрологов. Заметив взгляд Кена, он поспешно придвинул к себе лежавший рядом на сене свиной окорок.

— Королевский летописец, — пояснил «Глашатай» уже по-немецки. — Как видишь, большого доверия мы ему не внушаем. Так что не вздумай выяснять отношения на родном языке. При всей своей архаичности, он может кое-что понять, и тогда нам с тобой не сносить голов...

— С удовольствием полюбуюсь, как тебе ее отрубят, — бросил Кен, все же переходя на немецкий, который ему тоже полагалось знать. — Ты это вполне заработал.

— Ну, ну, какой толк сейчас злиться и ворошить прошлое... — Чувствуя, что Кен уже заметно поостыл, «Глашатай» старался говорить как можно более примирительно. — В конце концов, и ты и я — только пешки в грязной игре наших хозяев, чтоб им всем было пусто. Согласись: весь этот бизнес на будущем достаточно омерзителен и в том и в другом

варианте... Думаешь, мне так нравилось сидеть в этих проклятых засадах?

— И однако преспокойно сидел!..

— Эх, брат, будто ты не знаешь, как это бывает... Нечего жевать — вот и попадаешься на крючок с приманкой. Оправдываешься перед собой, что во всех мерзостях виноваты хозяева, что ты лишь малозначащая гайка в механизме и все равно ничего изменить не можешь... Даже слово себе даешь при первой возможности уйти и начать новую жизнь. А потом и сам не замечаешь, как оказываешься по горло в подлостях, и пути назад уже нет... Э, да что там... — Он махнул рукой. — Если хочешь знать, я даже рад, что все это кончилось...

«О, да ты просто в восторге», — подумал Кен.

— ...В том, что тебе тоже удалось подбить меня своим пулеметом, есть, по крайней мере, какая-то справедливость.

— Единственное утешение, — мрачно усмехнулся Кен.

«Глашатай» с готовностью улыбнулся, явно ободренный тем, что удалось завязать разговор. Потом пристально глянул на Кена.

— Ну, вот что, старина, давай ближе к делу. Хочешь не хочешь, мы с то-

бой теперь товарищи по несчастью. Так что забудем прошлое...

Он протянул руку, но Кен ее словно не заметил.

— Дело твое, — обиженно проговорил «Глашатай». — А только все равно, если мы хотим уцелеть, нам необходимо выработать согласованную программу действий. Чтоб никаких разнобоев... Ты что предсказал королю?

— Это уж не твоя забота, — Кен отвернулся, не желая продолжать разговор. Однако, подумав, все же добавил: — Каждый школьник знает, что Уольф разгромил кочевников на Грейнском поле...

— Ого! — «Глашатай» выразительно присвистнул. — Ну, брат, если ты ему это напоролил, тебе нужно в срочном порядке уносить отсюда ноги.

— Это почему же?

— Потому что никакой победы на этом самом поле наш достославный Уольф не одержал! Наоборот, его там так расколошматили, что...

— Ты что, с ума сошел! — Кен возбужденно схватил «Глашатая» за руку. — Откуда ты все это взял?! Ведь Грейнская битва — непреложный исторический факт! Кстати, и недавние раскопки...

— Что мне твои раскопки, когда я

видел все своими глазами! Да, да, можешь на меня так не глазеть... Вон там, у поворота дороги, я наблюдал из кустов, как этот на редкость везучий бедняга Уольф возвращается домой с горсткой уцелевших рыцарей. Как раз только вышел из машины, а они едут. Ну, и я, конечно, подслушал кой-какие разговоры... Когда это было? Пожалуйста, могу назвать дату: второго октября. Как видишь, остановил падение малость раньше тебя... Ну, а потом опустился еще тремя неделями ниже и посмотрел на ход этой самой битвы. Краешком глаза, конечно, из укрытия. Но в общем все стало ясно. И, явившись сюда, пред королевские очи, твой звездный коллега смог все предсказать уже с полным знанием дела. Разумеется, в туманно-астрологической форме...

— Но что же все-таки произошло на Грейнском поле? — упавшим голосом спросил Кен.

— Я ж говорю тебе: полный разгром! Наш благодетель Уольф с жалкими остатками своего воинства попал в плен. Но тут вдруг на его счастье в стане победителей вспыхнула эпидемия. То ли брюшной тиф, то ли дизентерия — в общем, какое-то поголовное кишечное расстройство. Масса народу отдала богу душу, а оставшиеся в живых в панике бросились назад, в свои степи. Ну, и Уольфу в этой заварухе удалось бежать. А вернувшись к себе в столицу, он объявил себя победителем.

— Но как же так... — все еще пытался не верить Кен. — Ведь все исторические источники в один голос...

— Ха, источники!.. Вот он, единственный первоисточник всех последующих переливаний из пустого в порожнее! — «Глашатай» кивнул на летописца, кото-

рый, не обращая ни малейшего внимания на тряску, уже снова похрапывал в своем углу, крепко прижимая к себе окорок. — Кстати, я видел его среди бежавших из плена... Будь спокоен, этот седобородый плут накатал свою хронику битвы в точном соответствии с указаниями венценосного очковтирателя.

«Одному из них я потом отрублю голову», — мысленно повторил Кен слова короля. Он почувствовал, как внутри у него все холодеет. Бежать! Скорее бежать, пока они еще не успели далеко отъехать от оставшегося в кустах времехода!..

— Что ж, придется перебраться куда-нибудь подальше, — проговорил он, стараясь держаться как можно спокойнее. — Попробую в древнеримские времена... — И, придвигаясь к выходу, добавил: — Там история вроде бы пояснее. По крайней мере, можно с полной уверенностью предсказать Юлию Цезарю, что он не прогадает, перейдя Рубикон.

— Конечно, как ни говори, античность, — согласился «Глашатай». — Я бы, брат, сам с тобой отправился, да латыни, понимаешь, не знаю. И вообще... Попробуй уж специализироваться на этой эпохе...

Они попрощались, пожав друг другу руки, и Кен, чуть не запутавшись в своей длиннополой мантии, на ходу спрыгнул с повозки. Кое-как объяснив подъехавшим стражам, что ему нужно срочно побыть несколько минут одному в кустах, он на предельной скорости помчался к своей машине.

— Счастливо! Привет Цезарю!.. — крикнул вдогонку «Глашатай».

Рисунки Е. Стерлиговой

ГЕОГРАФИЯ

В МИНЕРАЛОГИИ

Среди тысячи семисот минералов и их разновидностей очень многие названы по месту их первоначального открытия. Урал отражен в минералогических названиях сравнительно шире всех остальных горных областей не только нашей страны, но и всей планеты. Это говорит о поразительном обилии минералов в природной минералогической коллекции Уральских гор.

Рудный минерал титана *ильменит* назван по имени Ильменского горного заповедника; иридиевый минерал платиновой группы *невьянскит* был впервые найден в окрестностях Невьянска, как и минералы *ревдинскит* и *сысерскит* — вблизи одноименных селений; минерал меди *тагилит* назван по городу Тагилу, как и минерал железа *турьит* по реке Тура. Редкая псевдоморфоза пироксена названа *уралитом* в знак нахождения этого минерала на Урале.

А вот минералы других краев.

Минерал свинца *алтаит* указывает на Алтайские горы, где найдено было его месторождение, ртутный минерал *тиманит* — на Тиманский кряж. Минералы урана, встречающиеся в Средней Азии, отражают свое месторождение в названиях *ферганит*, *тюямунит*, как и *узбекинит*, минерал ванадия.

Всем известная прозрачная

слюда названа *мусковитом* по старинному имени Москвы. Есть минералы *байкалит* и *мурманит*, происхождение названий которых не требует объяснений.

А теперь об иностранных названиях. Разновидность уральского ревдинскита — *непуит* — была найдена возле города Непуи в Новой Каледонии. Много названий минералов отражает географические провинции, такковы минералы *арагонит*, *андалузит* (провинции в Испании), минерал *магнезит* — (Греция), *пьемонтит* (Италия).

Некоторые минералы были впервые открыты на берегах рек, и поэтому от них и получили свои имена *колумбит*, *амазонит*, *колорадоит*, *иорданит*. Минерал *эйсомит* назван по известному английскому курорту Эйсом, а минерал *везувиян* указывает на вулканическое происхождение.

В честь своей родины получили наименование минералы *исландский шпат*, *чилийская селитра*. В знаменитой чилийской пустыне Атакана нашли минерал меди *атаканит*.

Никому не известные острова оказались запечатленными в названиях широко распространенных минералов: *англезит* по острову Англезу у берегов Уэллса, *топаз* по острову в Красном море, а минерал *фаялит* по острову в Азорском архипелаге. Старинное латинское наименование остро-

ва Эльба нашло отображение в названии минерала *ильваит*.

Подобно нашему уральскому ильмениту по имени гор названы минералы *пеннин* и *тремолит*.

Благодаря минералам, стали всемирно известными маленькие поселки и местечки: *стронцианит* назван по поселку в Шотландии, *ярозит* по испанской деревне Ярозо, *аннабергит* по деревушке в Саксонии, *отэнит* урановый минерал, был найден возле деревни Отэн во Франции, минерал *ашарит* в провинции Ашерслебен, в Саксонии.

Известные минералы типа глины — *шамозит*, *тронит*, *бейделлит* и *монтмориллонит* — названы соответственно по местечкам в Швейцарии, Франции и в США.

Минералы *леллинит*, названный по городу в Австрии, и *скуттерудит*, по норвежскому городку, тоже указывают на свою родину, как и минералы *циннвальдит* из деревни в Саксонии, *кристобалит* из мексиканского городка Сен-Кристобаль и *франклинит* из поселка Франклин-Фернес в США.

Однако нет минералов, которые встречались бы только в одном месторождении, все минералы по своей природе интернациональны. В своей совокупности они создают земную кору нашей планеты!

К. ФЛУГ, геолог

НИЗ НА НИШИТИ НИ Р НИ Р О Д Д Ы

Цветок нимфы

Аполлон, бог света, преследовал прекрасную Дафну, дочь речного царя Пинея. Внял царь мольбам дочери и превратил ее в дерево. Именем прекрасной нимфы назвали ботаники этот род растений. Пожалуй, как нельзя больше подходит оно к встречающемуся у нас небольшому кустарнику, нежные, розовато-красные, душистые цветы которого распускаются в

начале весны, когда и снега-то еще немало в лесу.

В таежных лесах дафна редкое растение. И тем неожиданнее была встреча с ней далеко на севере, в Сургутском районе. Здесь дафна обосновалась вблизи древних городищ на южном склоне Барсовой горы. Летом ее невзрачные низенькие кустики с характерными зонтиковидными пучками листьев почти не заметны среди высокой травы. Но если приглядеться повнимательней, то, не сходя с места, можно насчитать иногда до десятка, а то и больше кустарников. Подобной «плотности» дафны не приходилось встречать даже в лесах европейской части.

Как возник дафновый остров на склоне горы? Обязан ли он своим появлением человеку? Или же это остаток, реликт более теплолюбивой флоры?

Прекрасны букеты лесной сирени, как местами называют дафну за некоторое сходство цветов и запаха. Но надо помнить, что растение это ядовитое. Даже приятный запах цветов, если его долго вдыхать, вызывает головную боль. Недаром ботаники называют ее дафна мезереум-смертельная.

Сурова приобская тайга. Только по опушкам да на луговинах радуют глаза россыпи темно-синих горечавок, лазоревые метелки синюх, как бы подвешенные на ниточках цветы недотроги и необычные формой и расцветкой венерины башмачки. И сколько невольной радости и удивления испытываешь, когда неожиданно встречаешь красивейший цветок северной тайги пион-марьян корень...

дикий пион

В составе изыскательской партии мне пришлось побывать в Сургутском районе. Один из вариантов трассы электропередачи проходил через Сайгатинский остров — незатопляемый даже в самое высокое половодье Оби.

Солнечный июньский день. Обследование закончено, а до прихода вертолета еще несколько часов. Я решил пройти от деревеньки Сайгатино на запад — через сосновую поросль в глубь леса. Местность своеобразная: замкнутые впадины с заболоченными днищами — не то древние кратеры выдувания, не то карстовые воронки. Под ногами хрустят веточки лишайника кладонии.

Но вот между стволами сосен блеснула гладь Кучиминского озера. Дорожка неожиданно кончилась у невысокого песчаного обрыва. Вправо вдоль бровки — узенькая тропинка. Идет мимо древних городищ, через окружающие их рвы и невысокие валы. Еще один ров — более глубокий, чем предыдущие. Несколько шагов вверх — и неприветливые бурые тона сменились сочной зеленью разросшегося разнотравья. Ярко горят темно-розовые, почти в ладонь,

цветы дикого пиона. На небольшой площадке, ограниченной валом древнего укрепления, им тесно. Местами пионы взобрались на вал, заполнили ров и выплеснулись в прилегающий лес.

Но как попал сюда пион? Может быть, ему помог сам человек? Раньше корневища этих цветов заготавливали в большом количестве, сушили, размалывали и варили с мясом. Случайно собранные, они попадали в благоприятные условия и прорастали? А может быть, древние жители края, предки нынешних хантов и манси, специально разводили этот яркий и столь необычный среди суровой и весьма однообразной таежной растительности цветок, напоминающий им о далекой родине в загадных предгорьях Алтая, которую угорские племена оставили полторы тысячи лет назад? Во всяком случае и сейчас у жителей севера можно встретить на приусадебных участках, в палисадниках пион-марьин карень, за которым ценители его красоты отправляются иногда за многие километры в тайгу.

Плавающие острова... В верховьях Елого Нила скопления их, образованных буйно разрастающейся водной растительностью, затрудняют подчас движение пароходов, а порой по ним, как по мосту, переходят с одного берега на другой целые стада слонов. Искусственные плавающие острова-сады создавали в Мексике ацтеки. Почти всю жизнь проводили на таких «плотах» индейцы из племени Уру, с глубокой древности жившие на высокогорном озере Титикака в Андах.

Встречаются плавающие острова и в наших краях. Обычно они появляются на озерах и водохранилищах, когда отрывается от берегов так называемая «сплавина» — торфяно-растительный плавающий ковер, нередко с кустарниками и деревьями. Иногда площадь их измеряется гектарами. По ним даже можно ходить.

Есть подобные острова на Оби, Иртыше, но здесь они образуются иначе. ...Вертолет подходил к Нижневартовску. Посадки нет. Мне хочется проверить одно предположение. И я прошу пилота пролететь чуть-чуть южнее. Он соглашается, и, несколько изменив курс, мы идем над Обью. Между новым поселком и рекой — серовато-зеленое пространство земли. Справа отчетливо виден обрыв левого размываемого берега с темной толщей торфяной залежи. А на палево-желтом фоне приплеса бурые вытянутые пятна — обвалившиеся глыбы торфа.

Не отсюда ли отправляются в дорогу некоторые из островов-путешественников, которые можно встретить на Оби? На одних — только заросли багульника, на других даже небольшие рощицы: то рядок берез, то сосенки, а то и кедры. В поселке Уват, что на берегу Иртыша, я наблюдал, как, прижимаемый к берегу быстрым течением, островок длиной метров десять обогнул пристань и заставил перейти на новое место катер. Через несколько минут он сорвался с отмели и величественно поплыл дальше мимо катеров и барж.

Сотни километров по реке успевают пройти эти островки, прежде чем волны и ветер разрушат их и раскидают обломки по берегам.

Отдельных «путешественников» заносит по водополью в глубь поймы. Проходит несколько лет. Кустики ивы, что растут вдоль протока, огибающих луговину, сначала несмело, а затем все увереннее осваивают поверхность прищельца. И когда очередное высокое половодье вновь поднимает остров, то плыть-то дальше он уже не может: многочисленные корни крепко связали его с берегом.

УХОДЯТ В ПЛАВАНИЕ ОСТРОВА

Г. РУСАКОВ

Рисунки А. Бойченко

ПЛЫВУНЫ, ГОРОХ И «ТАНЦУЮЩИЙ» ФУНДАМЕНТ

Когда я первый раз спустился в угольную шахту № 6 Капитальная, которая находится на севере Пермской области в городе Кизеле, меня поразили потоки воды, мчавшиеся под ногами по широким и глубоким водоотводным канавам, словно вешние ручьи. Я знал, что из шахты каждый час откачивалось на поверхность две тысячи кубометров воды. Но много это или мало?

У горняков есть такое выражение: «водообильность». Коэффициент водообильности показывает, сколько нужно откачать из шахты воды, чтобы добыть одну тонну угля.

Оказывается, в Карагандинском бассейне коэффициент водообильности всего 0,4, то есть на каждую тонну угля приходится четыреста литров воды. В Донбассе воды в шахтах гораздо больше, там этот коэффициент уже равен 2,8, а в Кизеловском каменноугольном бассейне на каждую тонну угля приходится откачивать пятнадцать кубометров воды!

Но «рекордсменом» среди всех шахт была та самая № 6 Капитальная. Коэффициент водообильности ее равен 30! Шахта, по выражению ее главного инженера А. Г. Кузнецова, в основном, откачивает воду и добывает немного угля.

Это, конечно, шутка, но в ней есть солидная доля правды. Шестая Капитальная — поставщик отличного угля, из которого на Губахинском коксохимзаводе получают кокс для металлургических заводов Урала.

Вместе с А. Г. Кузнецовым я вошел в центральную насосную камеру IV горизонта шахты. Отсюда, с глубины пятисот метров, центробежные насосы подают воду на промежуточный горизонт, а затем и на поверхность. Насосов много. Каждый насос в состоянии откачать триста кубических метров воды в час. В насосной камере от мощных электромоторов стоит ровный, басовитый гул.

— Анатолий Гаврилович, представьте, что шахта оказалась без электричества. Сколько потребуется людей, чтобы откачать воду вручную?

Главный инженер задумался.

Потом сказал:

— Если считать, что один человек в минуту может пятнадцать раз зачерпнуть воду ведром и поднять каждый раз ведро на высоту одного метра, то...

Он набросал на листке несколько цифр, перемножил их и сообщил результата:

— 99 тысяч человек.

Колоссальная цифра! Столько во всем Кизеле людей не наберется.

А ведь всего каких-то триста лет тому назад на одном из рудников Германии на откачке воды ведрами непрерывно работало шестьсот рабочих. Но по тем временам это, по-видимому, считалось почти нормальным явлением.

Услышав такую огромную цифру, я невольно заинтересовался: откуда в шестую Капитальную поступает столько воды? Оказалось, сверху над кизеловскими углями лежат известняки и доломиты. В этих породах очень много пустот, или, как их называют геологи, карстов. В Пермской области дождей выпадает много и большая часть воды уходит под землю. Там она собирается в карстах.

Когда пласт угля вынимается, то верхние породы заполняют образовавшуюся пустоту. Происходит так называемое обрушение породы. Разумеется, при обвалах образуется много трещин, по которым вода и попадает в шахту.

Но не только с водой воюют шахтеры. Нередко путь к углю или руде преграждает пльвун. Пльвун — это тончайший песок, насыщенный водой, проще — самая настоящая жижа. Рассказывают, что когда горняки впервые встретились с пльвуном, то они убрали его из забоя в течение месяца, но убрать так и не смогли.

Пробовали пльвун зацементировать, но ничего не получилось. Пльвун цементом не схватывался. Но современная техника позволяет заморозить пльвун, превратить его в твердое тело. А иногда можно отгородиться от него и металлическими сваями.

Любопытный случай произошел однажды в Подмосковном бассейне при проходке ствола шахты № 8 Бобриковская. Встретив пльвун, горняки стали забивать вокруг ствола металлические шпунты — сваи, плотно соединенные между собой. Скоро образовалась металлическая стенка, которая задержала пльвун, и горняки пошли дальше.

Однако вскоре пришлось опять остановиться: ствол шахты стало затапливать. Вода из известняка, залегающего выше пльвуна, проникала через щели между сваями. Что делать? И тут один из проходчиков предложил засыпать пространство между сваями... сухим горохом! Так и сделали.

Горох от воды разбух и закупорил все щели. Шахту, можно сказать, спасли горохом!

Конечно, это исключительный случай в практике шахтного строительства, и вряд ли можно найти в учебниках рекомендации по применению гороха в качестве крепежного материала. Правда, если быть точным, то в старых учебниках

можно прочесть советы, как бороться с пльвунами при помощи сена и соломы.

Еще более интересный случай произошел в 1951 году в Егоршинском районе, Свердловской области. Завершалось строительство шахты Буланаш № 5. На столе начальника строительства уже лежал приказ Министерства угольной промышленности о назначении комиссии по приему шахты в эксплуатацию. И вдруг неприятности! На шахте нет сжатого воздуха.

Когда об этом сообщили управляющему трестом «Егоршинуголь» Федору Дмитриевичу Шевякову, он немедленно приехал на стройку и увидел новое отличное здание компрессорной. «Давайте посмотрим, что у вас стряслось», — сказал Федор Дмитриевич. В работу запустили сначала один, затем второй компрессор. Машины работали нормально, но... в такт с движениями поршней начал колебаться массивный бетонный фундамент! Вначале колебания были небольшие, а потом их размах достиг десяти сантиметров! Вместе с «танцующими» фундаментами компрессоров, как будто не желая от них отстать, «пустились в пляс» шлакоблочные стены, а за ними и металлические фермы перекрытий.

— Чертовщина какая-то! Остановите компрессоры. Того и гляди, кровля обрушится, — недобро сказал Шевяков.

Что делать? Извечный вопрос...

Мне, тогда молодому горному инженеру-шахтостроителю, подумалось, что, видимо, недостаточна масса бетонного фундамента. Дело в том, что фундамент должен быть в шесть-восемь раз тяжелее компрессора. Но скоро я убедился, что фундамент запроектирован правильно.

— Бетон фундамента плохой! — решительно заявил инженер отдела капитального строительства.

Попробовали долбить фундамент отбойным молотком, из-под пики полетели искры, а фундаменту хоть бы что. Так отпало и это предположение.

На следующий день один из опытных строителей поделился своими догадками. «Тут, товарищи, все дело в резонансе! Колебания компрессора совпадают с собственными колебаниями строительных конструкций. Нужно привязать к металлической ферме перекрытия бревно. Тогда резонанса не будет».

Бревно привязали, но ферма продолжала трестись и с бревном.

Причину неприятностей определил главный конструктор строительного отдела института «Уралгипрошахт» Лев Ильич Левин. По его указаниям снаружи здания и рядом с фундаментом компрессора выкопали колодцы. В колодцах об-

наружили воду! Подошвы фундаментов компрессоров покоились на кремнистых опоках, плотных только в сухом состоянии. Но как только опоки соприкасались с водой, они сразу же становились пластичными и текучими, подобно жидкой глине.

Включали компрессор, колебания от него передавались фундаменту, от фундамента — слою опок, тот, в свою очередь, передавал тряску фундаментам стен... и все начинало танцевать!

Был найден и «виновник» — трещина в стенке противопожарного резервуара, расположенного по соседству. Резервуар отремонтировали, опоки высохли, и компрессорная стала работать нормально.

Но горняки стараются своего злейшего врага — воду — превратить в союзника.

Еще в прошлом веке на некоторых английских и немецких шахтах были сделаны попытки транспортировать уголь и руду по воде в специальных лодках. Для этой цели штольни специально подтапливали водой, превращали в своеобразные каналы. На немецкой шахте в Гарце длина такого «канала» составляла почти четыре километра. Лодочник перехватывал руками канат, подвешенный у потолка выработки, и лодка, груженная рудой, медленно двигалась по подземному коридору. Конечно, такой примитивный способ доставки испытания временем не выдержал.

В наше время в Кузнецком и Донецком бассейнах есть шахты, в которых уголь разрушается мощными водяными струями. Вода отделяет уголь и от пустой породы, вода же транспортирует его по выработкам и поднимает на поверхность. Нередко вода и дальше продолжает работать: уголь по специальным трубопроводам доставляется на тепловые электростанции. Напор воды используется даже для вращения небольших турбинок, вырабатывающих ток для светильников в подземных штольнях.

Из шахт выкачивают миллионы кубометров воды. Куда ее девать? В большинстве случаев она чистая и ничуть не хуже речной. Но используют ее для питья очень редко. А почему?

Почти во всех странах мира ощущается недостаток в запасах пресной воды. Разве нельзя этот недостаток компенсировать шахтной? Ведь газ метан, «опасный спутник», скапливающийся в шахтах, теперь, в ряде случаев, считается полезным ископаемым. В Советском Союзе ежегодно направляется для отопления около пятисот миллионов кубометров метана, извлеченного из шахт. И разве не может стать точно таким же «сопутствующим полезным ископаемым» шахтная вода?

...Вот какие любопытные истории с водой вспомнились мне в самой мокрой шахте Урала.

Б. ЦИВЬЯН, инженер

Биография «костотряса»

О человеке, который работает над созданием чего-то давно известного, насмешливо говорят: «изобретает велосипед».

Между тем «изобретать велосипед» не так уж и легко. Как известно, просто так патенты на изобретения не выдают. А вот на изобретения, касающиеся велосипеда, за последние 150 лет на нашей планете выдано свыше ста тысяч патентов. Их продолжают выдавать и сейчас.

Каждый знает велосипед, но многие даже не представляют, как долго и трудно он рождался. Вероятно, потому и смеются над «велосипедным изобретательством». А путь этот был длинен и тернист.

НОСИТЬ ИЛИ ВОЗИТЬ?

Если бы кто-то нес мешок с остановками на каждом шагу (приподнял, переставил), то над ним бы смеялись. А ведь сами мы каждый день именно этим и занимаемся. Когда смотришь в кино замедленную ходьбу человека, то видишь безотрадную картину. Пешеход наклоняет свое тело на одной ноге, ждет, когда оно начнет валиться вперед, и в это время выставляет вторую ногу, предупреждая падение.

Так повторяется при каждом шаге. Нужно ежедневно тысячи раз «уронить» себя и затем

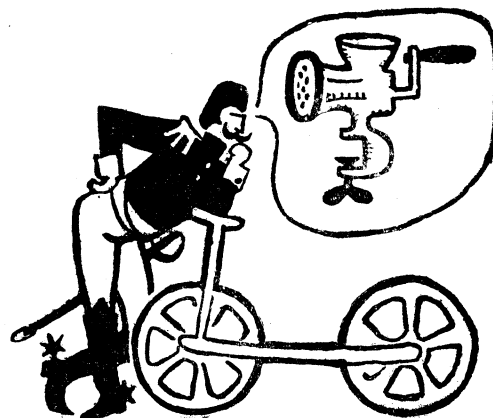
на лету удержать. Фактически человек, затрачивая уйму мускульной энергии, несет лишь самого себя. Но почему человек себя должен носить, а не возить? И как это сделать?

Задачу решил нижегородский механик-самоучка Кулибин. Он не только проектировал мосты, создал уникальные часы-календарь с музыкой, изобретал подъемники и лифты, но и построил в 1779 году повозку, которая приводилась в движение человеком, нажимавшим на педали. Однако это был еще далеко не велосипед и даже не самокат.

Изобретателем же первого самоката считается крепостной рабочий Артамонов из Нижнего Тагила. Он изготовил несколько видов самокатов и один из них, тот самый, на котором Артамонов приехал в 1801 году с Урала в Москву, демонстрировался и удивил царских чиновников. За свое изобретение Артамонов и его потомки были освобождены от крепостной зависимости.

КАК БАРОН СТАЛ ПРОФЕССОРОМ

В это время на Западе велосипедов еще не было. Там они появились позднее. Рассказывают, что самоходную тележку в Западной Европе создал в 1813 году офицер, камергер и лесничий

князя баденского барон Дрез. Он назвал свое изобретение «беговой машиной». Машина представляла из себя узкую деревянную скамеечку с двумя неуклюжими тележными колесами. Изобретатель отпихивался ногами от земли, разгонял этим свою «беговую машину», затем садился и несколько секунд катился на ней по инерции.

В эти упительные мгновения Дрез чувствовал себя победителем пространства.

Князь, узнав о забавах своего лесничего, в гневе лишил Дреза всех званий и должностей. Но Дрез был так увлечен механикой, что, узнав о княжеской немилости, только обрадовался полной свободе. Теперь он располагал неограниченным временем для усовершенствования своей «беговой машины», а попутно создал мясорубку, пишущую машинку и известную всем железнодорожную дрезину, в названии которой и увековечено его имя.

Когда же в 1815 году на своей «беговой машине» Дрез стал ездить быстрее всадника, князь сменил гнев на милость, и изобретателю было присвоено звание профессора-механика.

История говорит, что к этому событию причастен русский император Александр I. Дрез демонстрировал перед ним свою машину, а русский царь, преклонявшийся перед всем иностранным, взял да и похвалил его. Об этом князь прочел в газете и сделал свои выводы. Русский же самокат Артамонова, созданный значительно раньше, был предан забвению. Буржуазные историки и до сих пор считают Дреза изобретателем велосипеда. К этому влюбленному в механику самоучке у нас нет особых претензий. Возможно, он и не знал о самокате Артамонова, а свою «беговую машину» создал независимо от него. Скорее всего это так и было, потому что педали, изобретенные Артамоновым, были «изобретены»

вторично, на этот раз в Англии, лишь спустя 40 лет.

«Беговые машины» к тому времени вошли в моду, и на них катались вперегонки великосветские франты. Но эти машины были лишь забавой.

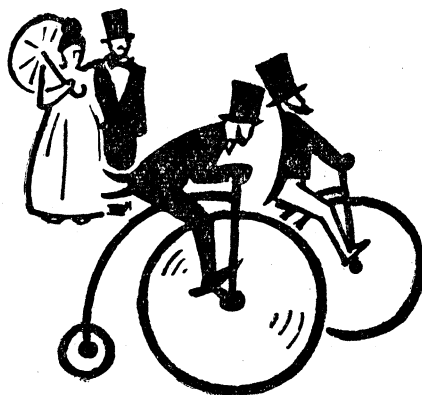
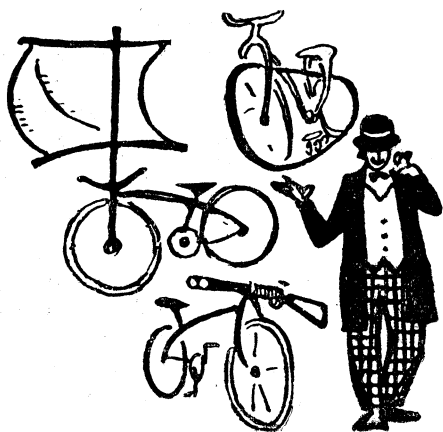
Лишь в 1840 году английский механик Мак Миллан помог «беговой машине» оправдать ее название. Он приделал педали к переднему колесу, и теперь можно было совсем не касаться земли ногами, а машина не опрокидывалась и не падала. Ее равновесие поддерживалось седоком и возросшей скоростью.

В погоне за рекордами гонщики развивали большую скорость, особенно при спусках с гор, и порой разбивались. Требовался тормоз, и в 1845 году его создал Мишо. Французскому изобретателю не понравилось название «беговая машина», и он окрестил ее велосипедом. Это название сохранилось и до наших дней. Оно происходит от латинских слов *velox* — быстрый и *pedes* — ноги.

„КОСТОТРЯСУ“ МЕНЯЮТ КОЛЕСА

Однако новое название привилось не везде и не сразу. В частности, американцы продолжали велосипед величать «костотрясом». И «костотряс» — эта тяжелая машина с тугим ходом и громоздкими деревянными колесами — вполне оправдывал свое название. Лишь в 1865 году француз Тевенсен додумался деревянный обод колеса заменить литыми резиновыми шинами. Да и то польза от этого новшества была весьма сомнительной. Цельнолитые шины мало смягчали тряску, лишь увеличили вес велосипеда.

Но через три года двое англичан — Медис-

сон и Каупер — догадались, наконец, громоздкие и тяжелые деревянные колеса заменить ажурными металлическими. Легкий железный обод поддерживал венчик тонких стальных спиц. Эта конструкция в принципе сохранилась до наших дней.

Теперь, в погоне за скоростью, азартные гонщики начали строить велосипеды с ведущим колесом в рост человека. Над колесом-гигантом возвышалось узенькое сиденье, а сзади, как моська за слонем, мельтешило маленькое заднее колесико. Не каждый отваживался ездить на таком, с позволения сказать, гоночном велосипеде. Да к тому же, чтобы быстро ездить на нем, нужно было обладать могучими ногами футболиста. Ясно, что обычный велосипедист на такой «этажерке» ездить не решался.

Велосипед нуждался в дальнейшем усовершенствовании. Этим занялись француз Сирурен и англичанин Хэмбер. Сирурен посадил велосипедные колеса на шариковые подшипники, а Хэмбер снизил «рост» велосипеда и создал уско-ряющую цепную передачу.

ДАЙТЕ ОБУВЬ!

Итак, с 1884 года велосипед стал легким на ходу, приземистым, безопасным, быстрым и мас-совым. Однако, бегая на своих твердых метал-лических шинах, он никак не мог избавиться от клички «костотряса».

Мягкую «обувь» велосипеду совершенно случайно придумал англичанин Денлоп в 1890 году. Он был ветеринаром, лечил домашних жи-вотных, ухаживал за приусадебным садом и ни о какой славе изобретателя не мечтал. На вело-сипеде он тоже не ездил, зато этим увлекался его сын, и увлекался так, что за обедом ерзал на стуле, чем вызывал гнев отца. Но ругай не ру-гай, а виноват-то, в общем, не мальчишка, а ве-лосипед. Вот тогда-то отец решил избавить сы-на от велосипеда-трясучки, и как-то на досуге, когда не надо было лечить коров и лошадей, он занялся «лечением» велосипеда.

Денлоп решил пойти по наиболее легкому пути: взял шланг для полива и подвергнул его хирургической операции. Сначала Денлоп разре-зал шланг, затем свернул куски в кольца, запол-нил водой и мастерски (недаром он был хирур-гом!) срастил концы. Резиновые круги Денлоп уложил по ободам велосипедных колес и надеж-но закрепил их бинтами. Правда, приходилось возить с собой воду в колесах, и Денлоп вскоре заменил ее воздухом. Вот теперь сынишка ве-теринара мог ездить с комфортом. Однако ни он, ни отец сначала и не подозревали, что по дорожной пыли катается одно из крупнейших изобретений конца XIX века. Лишь после того,

как велосипед Денлопа опробовали несколько велосипедистов и были восхищены мягкостью его хода, Денлоп взял патент и навеки вошел в историю как изобретатель воздушных шин. На покрьшках многих зарубежных велосипедов, ав-томобилей и автобусов до сих пор красуется его фамилия.

Велосипеды на таких мягких колесах понра-вились, и их производство развернулось во всех странах. Наконец-то и американцы перестали называть велосипед «костотрясом».

Вот теперь за велосипед по-настоящему взя-лись изобретатели. Только в одной Англии, и лишь за один 1896 год, было выдано свыше пяти тысяч «велосипедных» патентов.

Над «костотрясом» потрудились также и наши соотечественники. Так, для повышения проходи-мости надворный советник В. Черепанов в 1899 году сконструировал велосипед с кольцеобраз-ным ремнем, охватывающим переднее и заднее колеса. Причем между основными колесами по ремню катилась миниатюрная четырехколесная тележка. Одним словом, своеобразная резиновая гусеница. Как на нынешнем тракторе. По мнению изобретателя, это должно было облегчить езду по рыхлой почве, песку и грязи в восемь раз!

А коллежский советник П. Филатов из города Симбирска в 1900 году предложил паруса для велосипедиста в виде двух больших вееров из десятков металлических перьев. Паруса должны были укрепляться на руле и, по здоровой идее изобретателя, подталкивать ездока вперед при попутном ветре, а при встречном — выполнять роль обтекателя. Паруса были снабжены также механизмом, позволявшим регулировать их пло-щадь в зависимости от силы ветра.

Создавались велосипеды с поршневыми ком-прессорами, накапливавшими энергию при спус-ке с горы, и даже с охотничьим ружьем вместо руля. Однако они не получили распространения, так как утяжеляли или усложняли машину.

Но велосипед не только обрстал изобре-тениями, он щедро их и дарил изобретателям из других областей техники. Авиастроители взяли от него раму, автомобилисты — шины, машиностро-ители — подшипники, а известный изобретатель Шпитальный использовал в своем пулемете пружины велосипедного седла.

Новый пулемет работал с такой огромной скоростью, что обычные пружины не выдержи-вали и разлетались, словно стеклянные. Конструк-тор перепробовал десятки конструкций и марок стали — все тщетно. Совершенно случайно в ру-ки ему попало старое велосипедное седло. Обив-ка седла стерлась, каркас прогнил, и только пружины — витые, конические — были словно новые. Вот их-то форму и заимствовал изобретатель сверхскоростного пулемета.

ИЗОБРЕТАЙТЕ ВЕЛОСИПЕД!

В последние годы над усовершенствованием велосипеда трудились англичане и русские, американцы и французы, итальянцы и немцы. Они отработывали в нем каждую деталь. А их теперь в машине полторы-две сотни. Советские изобретатели В. Дубенский и Г. Игнатов снабдили велосипед двухступенчатой передачей. Есть теперь и легкие складывающиеся велосипеды. Ехал человек на велосипеде, а коль нужно ему сесть в автомобиль, вагон или подняться на лифте — машина за тридцать секунд упаковывается в sack. Такие машины за рубежом выпускаются уже серийно.

А не так давно украинские инженеры и мастера спорта из Центрального конструкторско-технического бюро велостроения в Харькове нашли в велосипеде новые скрытые резервы. Им удалось повысить «мощность» велосипедиста на 25 процентов лишь за счет улучшения траектории движения ног при вращении педалей. Дело в том, что нога велосипедиста совершает оборот по окружности, и при подъеме ее вверх велосипедист чувствует некоторую скованность. Это лишнее движение, а скорость машины в этот момент даже замедляется. Вот конструкторы и решили выяснить: какой же путь для ног человека наиболее легок и производителен? Для этого они использовали киносъемки замедленного движения ног бегуна, конькобежца и лыжника. Что же показали кинокадры?

Оказывается, ноги спортсмена движутся по замкнутой кривой овальной формы. Эту-то тра-

екторию человека, при которой он затрачивает меньше всего сил, и применили харьковские конструкторы в новом приводе велосипеда «Эксперимент».

БЫСТРЕЕ ВСЕХ

Однако и это не предел. Из велосипеда можно выжать больше. Каждый, вероятно, замечал, как даже в тихую погоду, при езде или беге, воздух словно упирается в грудь! Если бы при езде на велосипеде удалось уменьшить сопротивление воздуха, то скорость движения резко бы возросла и без всяких дополнительных усилий велосипедиста. Как известно, с высотой воздух становится реже, сопротивление его ослабевает, и потому самолеты на большой высоте летают значительно быстрее.

Можно ли опыт скоростной авиации применить в велосипедном спорте? Чтобы ответить на этот вопрос, в 1963 году был создан особый автомобиль и специальный гоночный велосипед. Автомобиль был снабжен треугольным металлическим тараном, рассекавшим воздух перед велосипедистом. А за ним на велосипеде со скоростной передачей мчался велогонщик. Результат опыта превзошел все ожидания: велогонщику удалось развить скорость, превышающую 200 километров в час! Судя по результатам, велосипедист мчался в два раза быстрее урагана и мог бы обогнать почти все поезда и автомобили нашей планеты. Вот тебе и «костотряс»...

...Изобретайте все-таки велосипед!

В. ПЕТРОВ, инженер

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Как это было

Добровольцы переходили линию фронта ночью, без выстрела. Проскользнув под носом у фашистов, нужно было форсировать речку Редью. Речка невелика, но берега ее густо заросли кустарником и деревьями. Дно каменистое, скользкое.

Просто ли — бесшумно, скрытно форсировать Редью?

Ребята из 124-й пермской школы на собственном опыте убедились — нет. Они переходили речку вечером и примерно в том же месте, где двадцать пять лет назад шли пермские комсомольцы-добровольцы на выручку партизанскому краю. Форсировали, стараясь сделать все тихо, чтобы не услышали специально выделенные наблюдатели. И все же было порядочно шуму: кто-то оступился и хрустнул веткой, кто-то поскользнулся на камне и громко зашлепал по воде...

Путешествие по тем местам, где в 1942 году сражались уральские комсомольцы, следопыты задумали зимой. Они ознакомились с материалами о пермском добровольческом отряде, раздобыли адреса оставшихся в живых бойцов отряда, побывали у них, пригласили выступить в школе.

А потом решили создать музей. Начали с первых шагов отряда, сформированного в 1942 году. Потом стали воссоздавать биографии бойцов-добровольцев, искали их фотографии, записывали воспоминания живых, добывали копии писем и документов тех, кто погиб в боях. И, конечно, решили побывать в тех краях, где шли бои.

Стали готовиться к походу. Написали в среднюю школу села Поддорье, районного центра Новгородской области, где действовали добровольцы.

Первый поход уральские ребята вместе с учениками Поддорской школы совершили в район деревни Тугано. Тут добровольцы переходили линию фронта. Со следопытами были и консультанты — бывший боец пермского добровольческого отряда Борис Федорович Слукин и редактор местной районной газеты Геннадий Александрович Устинов, бывший партизан.

Ребята с интересом слушали рассказ Г. А. Устинова о партизанском крае, о доблести бойцов, знакомились с газетой, выходившей в тылу врага.

Второй поход — в деревню Папоротно. Здесь пермские комсомольцы дали фашистским карателям жестокий бой. Борис Федорович Слукин вспомнил, как этот бой проходил, показал, где располагался отряд.

Ребятам была предложена тактическая задача: попробовать скрытно подобраться к позициям, которые занимали добровольцы. Позиции эти были выбраны очень удачно: с них контролировались все возможные подступы к деревне.

Уезжая из Поддорья, пермские школьники договорились с новыми друзьями совместно готовить материалы для будущего музея.

ДЕТОПИСЬ НЕ- ОБЫЧАЙ- НЫХ ЯВЛЕНИЙ

Сентябрь

Чудесен сентябрь на Урале, пора золотой осени. Однако и в этом месяце, тихом и спокойном, встречаются невиданные контрасты погоды.

В 1911 году вместо сухого и теплого «бабьего лета, почти весь месяц шли непрерывные дожди. Зато в 1957 году сентябрь выдался на славу, какого 120 лет до этого на Урале не бывало. От обилия тепла и солнечного света вторично цвели яблони и черемуха, в лесной тени красовались весенние цветы подснежника. А садоводы только разводили руками: в садах созрел второй урожай малины!

Но вот 12 сентября 1952 года в Тавдинском районе, Свердловской области, прогремела сильнейшая гроза со шквалом и пыльной бурей. Ураганный ветер срывал с домов крыши, разметал бревенчатый склад, раздул стога сена, повалил много телеграфных столбов. В районе деревни Хмелевка полосой в 25 километров был с корнем вырван лес. В селе Пальменское гроза сопровождалась крупным градом, покрывшим землю сплошным слоем.

Ночью 20 сентября 1950 года в Свердловске и во многих пунктах области наблюдалось полярное сияние в виде розового пульсирующего пятна в северной части горизонта...

Богатым оказался сентябрь и на землетрясения. В архивах сохранились данные о нескольких таких случаях. Так, 12 сентября 1841 года в Нижнем Тагиле и Чернореченском наблюдалось легкое колебание почвы, от чего мебель и домашняя утварь «пришли в сотрясение». В заводском пруду заколыхалась вода. Был слышен сильный подземный гул.

В 1902 году, тоже 12 сентября землетрясение отмечалось во многих пунктах по рекам Каме и Чусовой. Дребезжали посуда и стекла в окнах.

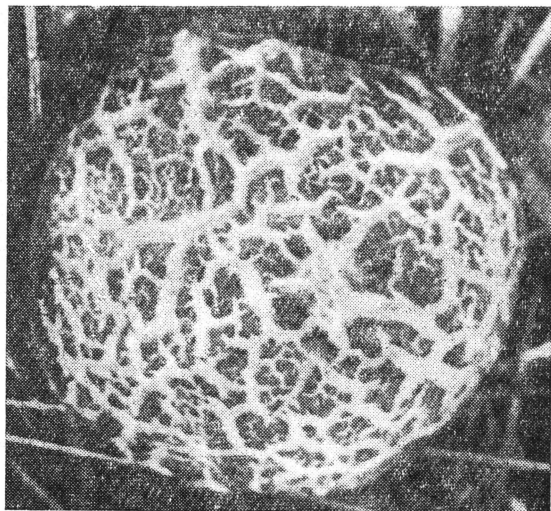
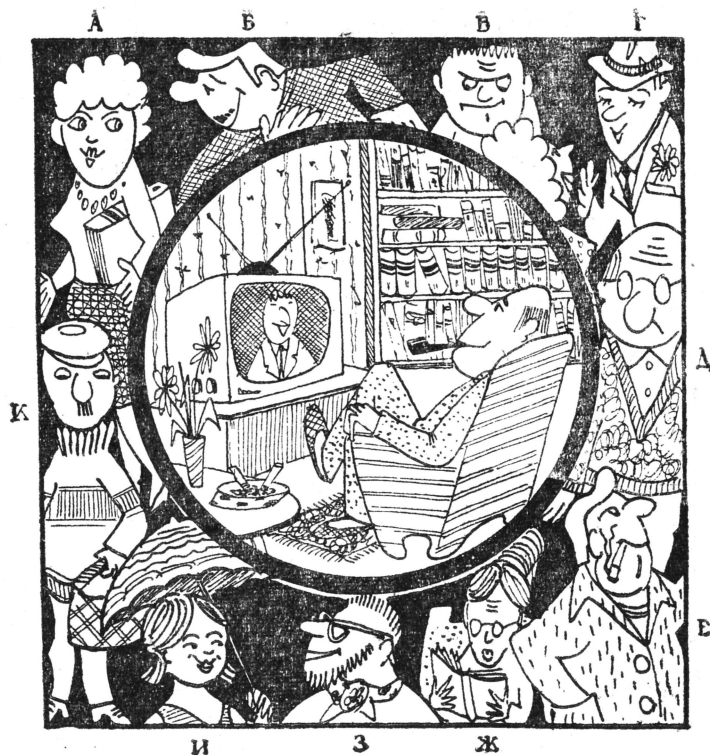
В 1904 году 2 сентября тоже самое повторилось на севере Башкирии.

В 1911 году 8 и 9 сентября сильные подземные толчки произошли в деревне Милковой (Пермской губернии). От толчков колебались всякие предметы. И, наконец, 13 сентября 1958 года слабое землетрясение, силой около 3 баллов, произошло в районе Шали, Свердловской области.

НАЙДИ, УЗНАЙ, ПОДУМАЙ!

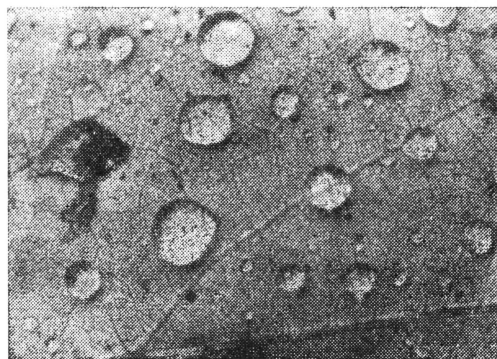
Хозяин телевизора отнюдь не чурается гостей. У него, по крайней мере, десять знакомых. Вы их видите на рисунке. Трое из них заходили к нему сегодня. Кто именно?

Рисунок В. Семенова

Что здесь сфотографировано?

Снимки Б. Цимакуридзе

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ,

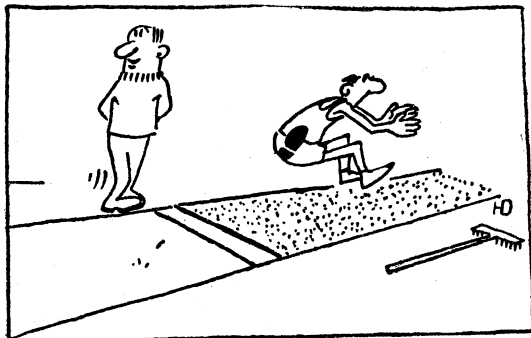
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 8

Кто, где, как загорал? А — 7, Б — 8, В — 6,
Г — 2, Д — 4, Е — 3, Ж — 1, З — 5.

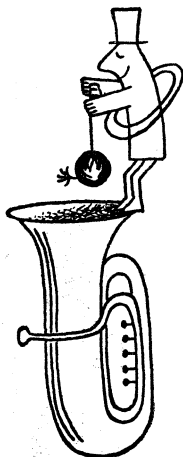
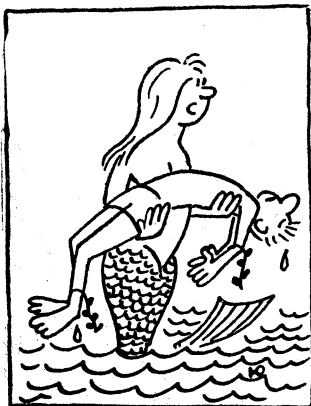
Кто обгрыз осины? Слева — лось, внизу —
бобер, осинный чурбак обгрыз заяц.

Рисунки
В. Юрчикова и
А. Радвилавичуса

Рекорд

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ВОЛК
В. Печенкин. Рассказ 37
СТИХИ
Валентин Сорокин 16

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

ПОДАРОК
В. Альтов 14
НЕ ВЕРЬ ТИШИНЕ
В. Турунтаев. Документальная повесть 18
ВИЗИТ «ГЕНЕРАЛА»
Л. Комаров 33
ЧЕЛОВЕК № 182944
А. Санин 34
АЛЬБОМ КОМИССАРА ОРАСА
А. Любарский 46

КРАЕВЕДЕНИЕ

ТАЕЖНАЯ ПЕСНЯ
М. Заплатин 50
ГЕОГРАФИЯ В МИНЕРАЛОГИИ
К. Флуг 69

ДОРОГАМИ ПОИСКА

ПО ДАВНИМ СЛЕДАМ
И. Росоховатский 13
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА
НАХОДКИ ЮНЫХ ГЕОЛОГОВ
Е. Серебренникова 49

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

АВТОГРАФ НА КАРТЕ
С. Троицкий 2
ПЛЫВУНЫ, ГОРОХ И
«ТАНЦУЮЩИЙ» ФУНДАМЕНТ
Б. Цывьян 72
БИОГРАФИЯ «КОСТОТРЯСА»
В. Петров 74

ОПЕРАЦИЯ «Ч»

57

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

ЕХАЛ КОРОЛЬ ВОЕВАТЬ...
М. Немченко, Л. Немченко 62
НАЙДИ, УЗНАЙ, ПОДУМАЙ! 79

Обложка *В. Воловича* и *С. Киприна*

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова

Корректоры *В. Бурангулова* и *М. Казанцева*

Адрес редакции: Свердловск ГСП-353, ул. Малышева 36, комн. 79 и 87, Телефон Д1-22-40.
Подписано к печати 13/VIII 1969 г. Бумага 84×108¹/₁₆—2,62 бум.—8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,19. НС 13254.
Тираж 132 000. Цена 30 коп. Заказ 374.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина 49, Обложка и вклейка
отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

Чтоб послушать в час привала
Боевые песни труб
Про дела людей бывалых
И про звезды на ветру,
Мы зовем друзей журнала
К следопытскому костру!

П. Стефановский
ПРИЗВАННЫЕ НЕБОМ

Повесть о пионерах воздухоплавания.

Я. Вадильев
ШТОРМОВЫЕ МИЛИ

*Рассказ о необычном рейсе
портового буксира через
моря и океаны*

Жюль Верн
ШКОЛА РОБИНЗОНОВ

*Этот роман всемирно известного
писателя вы вряд ли читали — он стал
библиографической редкостью.*

В. Стариков
**ПАМЯТЬ МОЯ —
СОЛДАТЫ**

*Документальная повесть
о боевых делах Уральского
добровольческого танкового
корпуса. Берлин, Прага*

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ПОВСЕМЕСТНО БЕЗ
ОГРАНИЧЕНИЙ**

Подписная цена на год — 3 руб. 60 коп.

НАШ
ЖУРНАЛ
В 1970 ГОДУ

Н. НИКУЛИНА

ГОСТИ ДОРОГИЕ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ